

~~Мат. 421~~

74

11/673015
 1979
 11/72
 18/93
 1985
 19/2-23
 1990
 3012 /

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
 ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
 УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Количество предыдущих выдач

--	--

Друкарня г. Ліда, 1971 г.

330/4

Мат. 4200

За оладуе и долаеуеуе не забл
седо не и долаеуеуе до фла
непо не и долаеуеуе не забл
непо не и долаеуеуе не забл
непо не и долаеуеуе не забл
непо не и долаеуеуе не забл
непо не и долаеуеуе не забл
непо не и долаеуеуе не забл
непо не и долаеуеуе не забл
непо не и долаеуеуе не забл

В. С. Смирнов

26 Сент 1896.

С. Смирнов

КОСТРОМСКАЯ

ГОРОДСКАЯ

НАРОДНАЯ ЧИТАЛЬНЯ

И М Е Н И

Д. Н. ОСТРОВСКАГО **ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ**

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА

КОСТРОМСКАЯ *В. А. Жолорева.*
№ 31361.2
КОЛОДЕЦКА-КОДЕЦКОГО

1956

Обращайтесь с книгами аккуратно —
они служат не вам одному, а многим!
ПОЭТОМУ:

- 1) Не переписывайте страницы
- 1) Не трите и мокрыми руками
- 2) Не перегибайте книгу по переплету
- 3) Не загибайте углы у страниц
- 4) Ничего не пишите на книге и не подчеркивайте слов.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2

1887

19 ИЮН 1924

№ 31

№ 31

Государственное учреждение культуры
"Костромская областная
универсальная научная
библиотека"

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Его Императорскому Высочеству

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

КОСТРОМСКАЯ
31361.2
БИБЛИОТЕКА-КОЛЛЕКТОР

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Четырехлѣтнія путешествія ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА для обозрѣнія войскъ, расположенныхъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, представили Вамъ возможность видѣть народную жизнь, безъ всякихъ прикрасъ, въ ея настоящемъ видѣ.

Изъ этого обзора ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО убѣдились во-очію, что не только деревни, но и города Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній представляютъ горестное обнищаніе сѣверныхъ мѣстностей.

Пятидесятилѣтнія воспоминанія мои о нашемъ экономическомъ разстройствѣ изображаютъ множество разныхъ бѣдствій, постигшихъ Русскую жизнь; но послѣ путешествій Вашего Высочества по Сѣверу Россіи, изложенныя мною злключенія не представляются Вамъ невѣроятными, и это соображеніе дало мнѣ смѣлость посвятить мой слабый трудъ Вашему Августѣйшему Имени. Мои горестныя воспоминанія ясно доказываютъ, что постигшіе русскую жизнь провалы не были послѣдствіемъ неотвратимыхъ бѣдствій, а произошли единственно отъ невниманія къ современнымъ сердобольнымъ предупрежденіямъ людей близко знавшихъ народную жизнь.

Три экономическіе провала несправимы, и съ ихъ тяжелыми послѣдствіями надо примириться. Это: опозданіе съ постройкою желѣзной дороги къ Черному морю, раззорительныя загранич-

ныя займы и оставленіе втунѣ мысли Фельдмаршала Князя Барятинскаго о необходимости Россіи участвовать въ прусской войнѣ съ Австріей въ 1866 году, съ цѣлю очистить нашъ путь къ Востоку отъ всѣхъ противодѣйствій. Порожденныя прочими провалами разрушительныя послѣдствія могутъ изгладиться, если только укрѣпится сознаніе, что всѣ бѣдствія произошли отъ *духоуаженія* здравыхъ народныхъ мыслей, безъ которыхъ достиженіе благосостоянія никогда не можетъ осуществиться.

Несомнѣнно, что путешествія Вашего Высочества, проникавшія въ самую глубину народного быта, оставили въ Васъ сердечное убѣжденіе въ томъ, что народная мудрость проста, вѣрна и неизчерпаема въ проявленіи средствъ къ возрожденію экономической силы Россіи. Равно нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что только то мо-

жетъ развить въ жизни жизнь, что исходитъ прямо изъ самой жизни, а не изъ губительныхъ канцелярскихъ измышлений.

Переживаемое нами время знаменательно тѣмъ, что оно составляетъ подвигъ благоустройства нашей жизни въ чисто-русскомъ смыслѣ, подъ сѣнію Самодержавной Воли и Мудрости. Краеугольнымъ камнемъ этого подвига и залогомъ успѣха можетъ служить одно только согласованіе правительственныхъ мѣропріятій съ общими нуждами и потребностями. Ничего нѣтъ въ мірѣ могущественнѣе Владычества сердца надъ сердцами, убѣжденными въ томъ, что ихъ добросовѣстныя стремленія вполне доступны воззрѣніямъ Верховной Власти. На этой плодотворной взаимности, составляющей нашу историческую конституцію, создалась сила Россіи, и хотя ложный либерализмъ произвелъ въ недавнее время расшата-

ность силы, но, благодаря Бога, еще не настолько, чтобы народное здравомысліе поколебалось.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

всепреданнѣйшій

Василій Кокоревъ.

15 іюля 1887 года

Ушаки.

КОСТРОМСКАЯ
31361-2
БИБЛИОТЕКА-КОЛЛЕКТОР

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ.

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

„Пора домой!“ Этотъ возгласъ не разъ раздавался въ патріотическихъ рѣчахъ лучшаго изъ Русскихъ людей, достойнѣйшаго Ивана Сергѣевича Аксакова. Этимъ возгласомъ великій патріотъ призывалъ Верховную Власть въ пристань спасенія—Москву.

Мы начали описаніе „Экономическихъ проваловъ“ тѣми же словами „пора домой“, разумѣя подъ этимъ совершенно другой смыслъ, именно: пора *государственной мысли* перестать блуждать внѣ своей земли, пора прекратить поиски экономическихъ основъ за предѣлами Россіи и засорять насильственными пересадками ихъ родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и *познать въ своихъ людяхъ свою силу*, безъ искренняго родства съ которой никогда не будетъ согласованія экономическихъ мѣропріятій съ потребностями народной жизни; пора твердо убѣдиться въ томъ, что только это спаси-

тельное согласованіе есть вѣрный путь къ покойному и правильному движенію отъ силы въ силу, тогда какъ путь розни и разлада съ жизнью (т. е. нынѣшній путь) тянетъ въ обратную сторону—отъ безсилія къ безсилію, низводя прямо въ бездну неисправимаго экономическаго разстройства. И мы дошли, наконецъ, до той глубины этой бездны, гдѣ уже рѣдѣетъ дыханіе, не освѣжаемое чистымъ воздухомъ.

*

Печалованіе о разстройствѣ экономическаго положенія Россіи объемлетъ въ настоящее время все сословія; все чувствуютъ, какъ быстро въ нашихъ карманахъ таютъ денежные средства и какъ неуклонно мы приближаемся къ самому мрачному времени нужды и лишеній.

Наше экономическое и финансовое обнищаніе образовывалось цѣлыми десятками лѣтъ и дошло до того, что теперь никакія новыя системы займовъ не могутъ направить насъ на путь общаго довольства и благосостоянія. вмѣстѣ съ этимъ было бы уже окончательно пагубно предаваться полному отчаянію, а лучше взглянуть безъ колебаній и робости прямо въ глаза причинамъ, породившимъ угнетающія насъ обстоятельства. Финансовая война противъ Россіи настойчиво ведется Европою съ начала 30-хъ годовъ; мы потерпѣли отъ Европейскихъ злоушищреній и собственнаго недомыслія полное пораженіе нашей финансовой силы. Настоящее положеніе настойчиво требуетъ того, чтобы

мы ободрились духомъ и сознали бы силу въ самихъ себѣ. Примѣрами ободренія намъ могутъ служить времена Петра I-го. Мы были тогда въ военномъ дѣлѣ совершенно поражены подъ Нарвою; но это, однакожь, не помѣшало намъ въ то же царствованіе отпраздновать Полтавскую побѣду и къ удивленію всей Европы заявить такой исполинскій ростъ нашей военной силы, что послѣ присоединенія Крыма и побѣдъ на Альпахъ, въ Польшѣ и Финляндіи, черезъ сто лѣтъ отъ времени Нарвскаго пораженія, мы вступили въ Парижъ побѣдителями и даровали всей Европѣ миръ и освобожденіе отъ рабощенія Наполеономъ I-мъ. Мы выросли въ военномъ дѣлѣ на почвѣ незыблемаго сознанія своего будущаго великаго назначенія и на силѣ духа, вѣрующаго въ народную мощь; но въ дѣлѣ финансовъ послѣ каждаго пораженія мы, наоборотъ, падали духомъ и, наконецъ, до того приубожились, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ выражалось постоянно одно лишь рабощающее снѣтіе копій съ Европейскихъ финансовыхъ системъ и порядковъ. Продолжая идти этимъ путемъ, мы утратили уваженіе къ самимъ себѣ и вѣру въ самихъ себя. Но, благодаря Бога, теперь наступило иное время: съ высоты Престола вѣетъ свѣжимъ, новымъ духомъ ободренія Русскихъ силъ, и это вѣянне свидѣтельствуется въ глазахъ всѣхъ указаніями и рѣшеніями, исходящими лично отъ благополучно царствующаго Императора Александра III-го, въ силу чего Русское патріотическое здравомысліе можетъ

признавать въ себѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что періодъ нашего финансоваго и экономическаго возрожденія возможенъ и находится не за горами.

Прежде всего считаю необходимымъ предупредить благосклонныхъ читателей, что я вовсе не имѣю намѣренія утруждать ихъ вниманіе предложеніемъ какой-либо финансовой системы, откровенно сознавая въ себѣ полное незнаніе финансовой техники, при совершенномъ при томъ недовѣрїи къ девальваціямъ, консолидаціямъ, конверсіямъ и тому подобному туману, напускаемому на насъ въ видѣ финансовой науки; но въ то же время я полагаю, что внесу въ сокровищницу общей пользы посильную лепту, если изложу послѣдовательно всѣ случаи пережитыхъ Россіей финансовыхъ и экономическихъ проваловъ, для опредѣленія которыхъ, я долженъ сознаться, у меня нѣтъ никакихъ матеріаловъ, кромѣ запаса памяти о событіяхъ, причинившихъ финансовое разстройство. Событія эти всегда предварялись блестящими надеждами и ожиданіями со стороны изобрѣтателей ихъ и сопровождались самыми горькими послѣдствіями, доставшимися на долю народонаселенія. Таковыя событія живо и ясно сохранились въ моей памяти, и мнѣ сдается, что, если читатель вообразитъ себѣ нижеизлагаемые провалы никогда не существовавшими, то его внутреннему воззрѣнію представится наше дорогое отечество богатѣйшею страной въ мірѣ, не нуждающеюся ни въ какихъ кредитныхъ пособіяхъ со стороны иностранныхъ биржъ, Рот-

пильдовъ, Мендельсоновъ, Блейхредеровъ и т. п. А дабы губительное дѣйствіе проваловъ было по возможности исправлено, надо прежде всего знать ихъ корень и горечь послѣдствій. Вотъ почему, на закатѣ моихъ дней, я рѣшился написать очерки экономическихъ проваловъ, начинающихся за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, основанные единственно на пережитыхъ мною тяжелыхъ ощущеніяхъ, при видѣ того, какъ при каждомъ провалѣ искалѣчивалась Русская народная жизнь и какъ надвигались на нее тучи бѣдности и лишеній, не смотря на блестящую внѣшность официальной Россіи. Здѣсь кстати будетъ сказано, что въ настоящее время постоянно слышится: *тѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Отвергая этотъ взглядъ, я вѣрую въ то, что надъ Россіей совершится исполненіе другого изрѣченія: „*въ скорби моей распространилъ мя еси*“.

Преисполненный этого вѣрованія, перехожу къ изложенію пережитыхъ нами проваловъ, порожденныхъ внѣшнею интригою и завистью и самобичеваніемъ собственнаго изобрѣтенія.

Первый провалъ.

Слухъ о намѣреніи правительства сдѣлать монетною единицей серебряный рубль и тѣмъ самымъ удорожить денежную стоимость жизни въ три съ половиною раза появился въ 1837 году. Слухъ этотъ сильно встревожилъ всѣхъ; каждому представлялось, что имѣемый имъ капиталъ значительно сократится въ выраженіи своей цѣнности при покупкѣ на рынкѣ разныхъ потребностей жизни. Такъ, напримѣръ: пенсіонеры, получавшіе примѣрно, 350 рублей въ годъ, могли при установленіи новой единицы получать только 100 рублей и конечно не вѣрили въ то, что жизнь ихъ пойдетъ прежнимъ порядкомъ безъ всякихъ лишений. Заводчики и фабриканты, нанимавшіе рабочихъ, предвидѣли, что, при опредѣленіи новыхъ окладовъ, переложенныхъ на серебро, нельзя будетъ тому рабочему, который, примѣрно, получалъ въ мѣсяць 10 р. 50 коп. на ассигнаціи, назначить только 3 р. сер. Отсюда выводилось то заключе-

ніе, что производство фабрикатовъ и заводскихъ издѣлій вздорожаетъ, а средства къ покупкѣ сократятся отъ непомернаго возвышенія денежной единицы. Интеллигенты того времени и главнѣйше лица, соприкосновенныя новому проекту высокой денежной единицы, утверждали, что всѣ предметы въ продажной своей цѣнѣ на столько подешевѣютъ, что на одинъ рубль серебряный можно будетъ купить на рынкѣ все то, что покупалось на 3 съ полов. рубля ассигнаціонныхъ; но въ то же время интеллигенты, чуждые увлеченій и не принадлежавшіе къ составу петербургскаго чиновничества, т. е. помѣщики, проживавшіе тогда въ своихъ имѣніяхъ, и первоклассные купцы находили, что Россіи еще рано жить на серебряную единицу, потому что эта единица невольнымъ образомъ разовьетъ нашу жизнь въ графу расхода, тогда какъ намъ было бы полезнѣе развивать себя въ графу прихода, посредствомъ изученія техническихъ, сельскохозяйственныхъ и другихъ знаній. Въ такомъ положеніи всѣ чувствовали шаткость своихъ состояній и предвидѣли въ будущемъ потрясеніе въ торговыхъ дѣлахъ. Въ началѣ 1838 года распространился слухъ, что мысль о серебряной единицѣ внесена въ Государственный Совѣтъ членомъ онаго, бывшимъ Польскимъ министромъ Любецкимъ. Слухъ этотъ настойчиво поддерживался съ добавленіемъ къ нему извѣстія о томъ, что бывший тогда министръ финансовъ, графъ Канкринъ, ратуетъ противъ введенія крупной единицы. Возникли подозрѣнія, что

тлетворный вѣтеръ дуетъ изъ Польши. Народъ заговорилъ: мы Поляковъ побили дубьемъ, а они насъ бьютъ рублемъ. Приготовленія къ перемѣнѣ единицы выражались въ 1838 году разсылкою по всей Россіи новыхъ окладныхъ листовъ съ переложеніемъ податей, цѣны на вино, соль, гербовую бумагу и т. д. на серебряный рубль.

1-го іюля 1839 года послѣдовало бракосочетаніе Великой Княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Это была первая свадьба въ царствованіе императора Николая въ царскомъ семействѣ. Между значительными помѣщиками Костромской губерніи (Шиповыми, Катениными, Куприяновыми и т. д.) шель разговоръ, передававшійся и въ другіе слои Костромского общества, что день бракосочетанія Великой Княгини будетъ ознаменованъ прощеніемъ Декабристовъ. Всѣ ожидали милостиваго манифеста, и манифестъ дѣйствительно появился 1-го іюля, но не о Декабристахъ, а о введеніи въ дѣйствіе серебряной единицы. И потекла Русская жизнь широкою, но мутною струею по графѣ расхода, и стали мы жить, признавая наименьшимъ знакомъ цѣнности рубль серебра; тогда какъ Франція жила и нынѣ живетъ, не смотря на богатство ея почвы, приносящей доходность четыре раза въ годъ (виноградъ, шелковицу, пшеницу и фрукты) на единицу (франкъ) сравнительную съ нашимъ четвертакомъ, т. е. въ 25 копѣекъ цѣнности; а Германія на единицу (марка) равняющуюся нашимъ тремъ гривенникамъ. И стали наши

мѣняльные столы на столичныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ рынкахъ, обремененные массою Екатерининскихъ имперіаловъ и полуимперіаловъ и Французскихъ (по тогдашнему народному выраженію) золотыхъ лобанчиковъ и грудами Петровскихъ и Екатерининскихъ цѣлковыхъ и Австрійскихъ талеровъ, освободиться отъ этихъ тяжелыхъ грузовъ, и потекли эти грузы туда, гдѣ завистливо смотрѣли на богатства Россіи, и зажили мы бойко, весело, укладывая въ карманахъ не тяжелыя ноши золота и серебра, а легкіе бумажные знаки кредитныхъ билетовъ. Народная жизнь увидѣла предъ собою совершенно противоположное явленіе тому, которое ей предсказывали изобрѣтатели высокой единицы: на рынкахъ все стало дорожать, и современемъ цѣны на всѣ потребности сдѣлались на серебро почти тѣ же самыя, какія были на ассигнаціи. По этой причинѣ рабочій трудъ заявилъ требованіе на прибавку жалованья, которая въ силу необходимости была сдѣлана; но черезъ годъ, когда заводчики и фабриканты свели свои счета, производство ихъ выразилось убыткомъ.

Въ это время не было никакихъ газетъ кромѣ „Сѣверной Пчелы“, которая извѣщала о ходѣ Русской жизни только сообщеніями о поѣздкѣ Гаадея Булгарина два раза въ годъ на мызу его Карлово, близъ Дерпта; слѣдовательно большинство людей могло судить о вредныхъ послѣдствіяхъ серебряной единицы только по разрушительнымъ явленіямъ той мѣстности, въ которой они жили. Въ это время я

жилъ въ городѣ Солигаличѣ, на Сѣверѣ Костромской губерніи. Это самая глухая мѣстность, далѣе которой нѣтъ почтоваго тракта, и потому очень естественно, что я не могу дать очертаніе тому разстройству, которое серебряная единица произвела вообще въ Россіи, а поименую только тѣ бѣдствія, какія произошли около Солигалича, именно: находившійся въ гор. Солигаличѣ солеваренный заводъ, принадлежавшій мнѣ въ соучастіи съ моими дядьями, закрылся влѣдствіе того, что при возвышенномъ для рабочихъ жалованьи солевареніе оказалось убыточнымъ. Сто человекъ заводскихъ рабочихъ пошли по міру и пятьсотъ человекъ дровопоставщиковъ и извозчиковъ для перевозки соли въ ближайшіе села и города потеряли свои заработки. Въ городѣ Галичѣ и селеніи Шокшѣ закрылись всѣ замшевыя фабрики, получавшія оленью кожу для выдѣлки замши изъ Архангельской губерніи (Мезени и Пинеги); въ Костромѣ закрылись полотняныя фабрики Дурыгиныхъ, Угличаниновыхъ, Солодовниковыхъ, Апастиныхъ и Стригалёвыхъ; въ Ярославлѣ и Кинешмѣ закрылись извѣстныя салфеточныя фабрики, и вмѣстѣ съ этимъ уничтожился спросъ на лёнъ, оживлявшій сельскій бытъ въ губерніяхъ Ярославской, Вологодской и Костромской.

Если вѣрить тому, что тлетворный вѣтеръ крупной серебряной единицы дулъ изъ Польши, то нельзя не признать, что злоухищренія Польскаго подкопа подъ нашу экономическую жизнь попали въ цѣль

и произвели такой взрывъ, отъ котораго мы бѣдствуемъ полвѣка *).

Когда, съ прекращеніемъ въ Солигаличѣ заводдѣйствія, я былъ вытѣсненъ изъ рамки уѣздной жизни въ Петербургъ для пріисканія себѣ откупныхъ занятій и когда я удостоился благорасположенія бывшаго тогда министра финансовъ графа Вронченки, то при разговорѣ съ нимъ о вредныхъ послѣдствіяхъ злополучной единицы я узналъ отъ него, что графъ Канкринъ былъ противъ этой единицы и поручилъ ему, какъ товарищу своему, увѣдомить циркулярно Европейскихъ банкировъ о томъ, что министръ финансовъ не раздѣляетъ пользы и потребности этого нововведенія; но *Θ. П. Вронченко* отказался подписать эти увѣдомленія, находя, что послѣ утвержденія новой единицы Верховною Властью, онъ не считаетъ себя въ правѣ разсылать по Европѣ какія-то письма, не одобряющія послѣдовавшаго рѣшенія.

Обращаясь къ Костромскимъ фабрикантамъ, выдѣлывавшимъ парусину для флота и холстъ для войскъ, припоминаю одно печальное, потрясающее обстоятельство. Всѣ фабриканты собрались и побѣхали въ Петербургъ, еще во время министерства

*) Князь А. *Θ.* Голицынъ-Прозоровскій передавалъ свое воспоминаніе о томъ, какъ однажды къ матушкѣ его пріѣхалъ прямо изъ Государственнаго Совѣта графъ Литта и торжественно заявилъ: *La Russie est ruinée* (Россія разорена). На вопросъ, что это значитъ, онъ сообщилъ, что состоялось рѣшеніе ввести серебряную единицу. (Русскій Архивъ 87 года).

графа Канкринна, объяснить свою убыточность и просить выдѣланные на ихъ фабрикахъ парусину и холсты принять въ казну вмѣсто заготовленія таковыхъ въ Англіи, дабы этимъ способомъ ликвидировать свои дѣла безъ банкротства. Просьба не была уважена, и возвратившіеся фабриканты въ ближайшемъ времени всѣ обанкротились, а одинъ изъ старшихъ Дурыгиныхъ (двоюродный мой братъ), который орудовалъ дѣлами своей фирмы, уединясь отъ семьи, вышелъ на крышу своего дома и бросился на мостовую; чрезъ шесть часовъ, послѣ тяжкихъ страданій, онъ умеръ. Послѣ этого страшнаго событія и прекращенія дѣйствій на моемъ солеваренномъ заводѣ, я видѣлъ въ серебряной единицѣ гнѣвъ Божій, наказаніе, превосходящее по убыткамъ, понесеннымъ во всей Россіи, въ нѣсколько разъ тѣ потери, какія причинила война 1812 года. Затѣмъ понятно, что ко всякому Петербургскому нововведенію я не могъ иначе относиться, какъ съ боязнью, опасаясь, чтобы послѣдствія нововведенія не разразились опять новыми бѣдствіями. Въ такомъ настроеніи засталъ меня 1840-й годъ, образовавшій новый экономическій провалъ.

Второй провалъ.

Крупная серебряная единица, спровадивъ наши имперіалы и цѣлковые за границу, не замедлила привести насъ къ необходимости приступить къ заграничнымъ займамъ. Въ эти годы заемъ былъ сдѣланъ, кажется, въ Голландіи на постройку желѣзной дороги между столицами. Вопросъ о дорогѣ предварительно обсуждался (въ 1840—41 гг.) въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ всѣхъ министровъ, съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ частныхъ лицъ: графа Бобринскаго, А. В. Абазы и К. Н. Кузина. Графъ Канкринъ былъ вообще противъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ; но никто изъ русскихъ людей не раздѣлялъ этого мнѣнія, а желали того, чтобы дорога была построена сначала отъ Москвы къ Черному морю, а потомъ уже было бы приступлено къ сооруженію второй линіи между Москвою и Петербургомъ*). Мнѣніе это основывалось на томъ,

*) Покойный графъ К. О. Толь многократно сообщалъ, что отецъ его (главноуправляющій путями сообщенія) скончался отъ огорченія послѣ того, какъ отвергнута была его записка о необходимости имѣть сначала только одну желѣзную дорогу отъ Москвы

что Петербургъ можетъ безъ особаго ущерба 5—10 лѣтъ подождать рельсоваго пути къ Москвѣ, будучи соединенъ съ нею для пассажирскаго движенія шоссейнымъ трактомъ, а для товарныхъ грузовъ тремя водяными системами — Маріинской, Тихвинской и Вышневолоцкой. Соединеніе Москвы съ Чернымъ моремъ казалось болѣе необходимымъ, въ смыслѣ обезпеченія Черноморскихъ береговъ отъ высадки непріятеля и торговыхъ интересовъ, которые представляли большіе грузы при устройствѣ рельсоваго пути черезъ всю хлѣбородную площадь, не имѣющую водяныхъ сообщеній къ Москвѣ и гораздо болѣе населенную, чѣмъ пространство между столицами. На сторонѣ этого мнѣнія были Москва, Харьковъ, Рыбинскъ, и самый Петербургъ. Для сообщенія такого взгляда явились къ министру финансовъ первоклассные купцы того времени: Н. М. Журавлевъ (Рыбинскій), С. Л. Лепешкинъ (Московскій) и К. Н. Кузинъ (Харьковскій) и другіе. Они рассчитывали на то, что Канкринъ, какъ противникъ сооруженія дороги изъ Петербурга въ Москву, поддержитъ ихъ мнѣніе; но оказалось вѣчто смѣшное. Больной и устарѣвшій Канкринъ, при всемъ своемъ умѣ, не могъ оцѣнить великаго значенія

до Севастополя и о томъ, что дороги другія, безъ этой, неминуемо разорятъ Россію. Графъ Толь такъ и умеръ, не успѣвъ исполнить своего обѣщанія доставить эту записку, въ которой знаменитый стратегъ пророчилъ, что Европейскія державы непремѣнно попробуютъ отнять у насъ Севастополь. (Русскій Архивъ 87 г.).

вышеизложенной мысли и отвѣчалъ имъ, что онъ удивляется, какъ могло придти въ голову предположеніе строить желѣзную дорогу черезъ такую мѣстность, гдѣ на волахъ всякая перевозка дѣлается за самую дешевую цѣну. Послѣдствія показали, сколь великъ былъ промахъ со стороны правительства, не обратившаго вниманія на вышеизложенный взглядъ. Если бы дорога отъ Москвы къ Черному морю была начата постройкою въ 1841 году, то Россія не почувствовала бы невозможности съ миллиономъ лучшаго въ мірѣ своего войска отразить высадившагося около Севастополя непріятеля въ количествѣ 70 тысячъ. Впрочемъ и самой высадки не могло бы быть, когда бы Европа знала, что наши войска по желѣзной дорогѣ, безъ всякаго утомленія, могутъ черезъ нѣсколько дней явиться на берегахъ Чернаго моря. Проваль этотъ былъ такъ великъ, что въ него провалились Черноморскій флотъ, Севастополь, полмилліона войскъ и сотни милліоновъ рублей. Отсюда получаетъ свое начало пораженіе финансовыхъ силъ Россіи денежному вліянію иностранныхъ капиталовъ, и какая бухгалтерія возьмется опредѣлить въ цифрахъ общую сумму понесенныхъ Россією потерь отъ того, что Москва не была прежде С.-Петербурга соединена желѣзною дорогою съ Чернымъ моремъ!

Третій проваль.

По поводу распространения бумагопрядильных ткацких и набивных ситцевых фабрик возникло какое-то дѣлоразсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ, кажется, вѣдѣствіе представленія въ 1848 г. гр. Закревскаго, желавшаго уменьшить число фабрикъ въ Москвѣ, въ видахъ освобожденія города отъ зловонія. Пользуясь благорасположеніемъ министра финансовъ, графа Вронченки, я дозволилъ себѣ выяснитъ весь вредъ, наносимый этими фабриками крестьянскому сельскому хозяйству и торговому балансу Россіи. Вредъ этотъ состоялъ въ томъ, что русскій крестьянинъ сталъ носить ситцевыя рубашки, а крестьянки ситцевыя сарафаны и платья, и такимъ образомъ все русское народонаселеніе сдѣлалось данникомъ Америки, по платежу денегъ за хлопокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, другая часть народонаселенія, занимавшаяся посѣвомъ льна въ губерніяхъ Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимірской, Псковской

и Витебской, потеряла возможность сбыта его. Выяснивъ все это, я просилъ графа Вронченку защитить наши льняные посѣвы и льноткачество отъ замѣны льна хлопкомъ. Послѣ этого разговора, я отлучился изъ Петербурга въ разныя губерніи на продолжительное время, и когда возвратился въ Петербургъ, то возобновилъ мой разговоръ о защитѣ льнянаго производства. Графъ мнѣ сказалъ, что Государственный Совѣтъ для льнопрядильщиковъ далъ такія льготы, какихъ не имѣютъ бумагопрядильни, а именно: далъ право каждой вновь возникающей льнопрядильнѣ получать бесплатно отводъ 100 десятинъ казенной земли и быть 1-й гильдіи купцомъ безъ платежа по гильдейскимъ свидѣтельствамъ. Разумѣется, это гомеопатическое пособіе никакого вліянія на развитіе дѣла не имѣло, такъ какъ на устройство льнопрядильни нужно, по крайней мѣрѣ, миллионъ рублей, который и долженъ быть огражденъ тарифомъ на хлопокъ, а не пожертвованіемъ 100 десятинъ земли, стоящихъ, положимъ, въ Псковской губерніи 3.000 рублей, и не облегченіемъ платежа гильдейскихъ податей, составлявшихъ тогда 200 рублей въ годъ. Со времени образованія бумагопрядильни до 1878 года, не было никакого тарифа на хлопокъ въ сырцѣ, и Россія въ теченіе этого времени заплатила за этотъ матеріальъ Америкѣ, по крайней мѣрѣ, миллиардъ рублей, нарядивъ всѣхъ въ ситцевыя одежды и уничтоживъ огромную отрасль промышленности, существовавшую во всѣхъ деревняхъ при окраскѣ

эконом. провалы.

3

Государственное учреждение культуры
"Костромская областная
универсальная научная
библиотека"

4 31361.2
НОСТРОМЕР
Центр. Библ. Костромск.

холста въ синій цвѣтъ кубовою краскою съ набойкою по ней ручнымъ способомъ разныхъ узоровъ. Теперь, на каждомъ крестьянинѣ, на каждомъ фабричномъ и рабочемъ труженикѣ вы видите—въ его непрочной ситцевой рубахѣ—вывѣску плательщика подати въ пользу Америки. Въ послѣднее время явилась и другая подать, въ пользу Германіи,—это пошлина на ввозимый туда русскій хлѣбъ, составляющая до 2 руб. на четверть, т. е. гораздо болѣе того, что можетъ получить въ лучшій годъ отъ хлѣба сельскій хозяинъ или купецъ, торгующій хлѣбомъ. Такимъ образомъ, легла иностранная подать на плечи рабочаго, въ видѣ одежды, и на мускулы пахаря, въ видѣ пошлины за право привоза хлѣба за границу. Отсюда является самъ собою такой выводъ, что самостоятельной Россіи—въ смыслѣ экономическомъ—нѣтъ, и вмѣсто нея существуетъ европейско-американская русская колонія, обложенная веригами налоговъ въ пользу иностранцевъ. Существующій нынѣ тарифъ на хлопокъ установленъ съ 1878 года и составляетъ, кажется, только 40 коп. съ пуда; если бы этотъ тарифъ увеличить впятеро, тогда посѣвы льна и употребленіе въ народѣ на носильное платье прочной льняной ткани ввелось бы въ употребленіе, а государственная роспись значительно уменьшила бы свой дефицитъ*). Возвышеніе тарифа подняло бы

*) Екатерина Вторая говаривала, что Россія должна одѣвать всю Европу изъ своего льна. (Русскій Архивъ 87 г.).

продажную цѣну на миткаль не болѣе 1 коп. на аршинъ и произвело бы другую еще болѣе существенную пользу, заключающуюся въ образованіи хлопчатныхъ плантацій въ обширномъ размѣрѣ въ Ташкентѣ и Закавказскомъ краѣ, и тогда отливъ нашей монеты, платимой за американскій хлопокъ въ сырцѣ, сталь-бы ежегодно уменьшаться, производя этимъ уменьшеніемъ значительное и прочное улучшеніе курса.

Четвертый провалъ.

Хотя вышеизложенные провалы значительно колебали крѣпость Русскихъ финансовъ, но Европейская экономическая интрига устремилась еще на новый пунктъ сокрушенія нашей внутренней экономической силы. Начинаю рѣчь о Кяхтѣ, этомъ размѣнномъ пунктѣ, въ которомъ Китайскіе чаи приобрѣтались на Сибирскіе мѣха и произведенія Московскихъ и Владимірскихъ фабрикъ, какъ-то: суконныхъ, плисовыхъ, парчевыхъ и тюлевыхъ. Намъ почему-то вздумалось уничтожить размѣнную торговлю, основанную Петромъ I-мъ и укрѣпленную Екатериною II, допущеніемъ покупки въ Кяхтѣ чая на золото и серебро.

Вскорѣ послѣ этого былъ разрѣшенъ ввозъ Китайскаго чая по всемъ заграничнымъ западнымъ таможеннымъ и въ портахъ морей Балтійскаго и Чернаго. Съ введеніемъ этого узаконенія, прекратилось приготовленіе въ Россіи разныхъ тканей для Китая, и намъ пришлось платить Европейской торговлѣ за чай десятки милліоновъ рублей въ годъ, не говоря уже о тѣхъ потеряхъ, какія понесъ Си-

бирскій трактъ, на разстояніи болѣе 10,000 верстъ отъ Кяхты до Москвы, отъ сокращенія перевозочнаго движенія. И, такимъ образомъ, по потребленію чая все мы сдѣлались данниками чуждыхъ странъ. Когда приготовлялись порѣшить размѣнную торговлю въ Кяхтѣ и отворить все таможи для пропуска чая по западной границѣ, тогда стали являться въ С.-Петербургъ изъ Москвы, какъ Кяхтинскіе торговцы, такъ и фабриканты, работавшіе для Китая (въ числѣ ихъ припоминаю часто бывавшихъ у меня Е. С. Морозова и И. А. Корзинкина), и умолять властныхъ лицъ, въ видахъ общей и государственной пользы, оставить дѣло при старомъ порядкѣ; но золото Англій, какъ гласила тогда народная молва, превозмогло, и потому интересы государственнаго торговаго баланса, Сибирскаго тракта, Московскихъ фабрикъ и вообще всего русскаго народа съ его потомствомъ были принесены въ жертву интересамъ чужестраннымъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы увидимъ, что, послѣ четырехъ проваловъ, потребность во внѣшнихъ займахъ усилилась, и курсъ нашего бумажнаго рубля пришелъ въ колебаніе.

Пятый провалъ.

Изъ четырехъ проваловъ три оказали самое губительное дѣйствіе на состояніе финансовъ: крупная единица въ видѣ серебрянаго рубля, распространеніе бумагопрядильныхъ фабрикъ безъ обложения пошлиной хлопка, съ происшедшимъ отъ того угнетеніемъ льнянаго народнаго промысла, и отмѣна мѣновой торговли въ Кяхтѣ, съ допущеніемъ привоза чая по западной границѣ. Мы употребили выраженіе, что серебряная единица была введена только въ видѣ серебрянаго рубля, потому что въ народномъ обращеніи этого рубля нигдѣ не оказалось черезъ 3—5 лѣтъ послѣ манифеста 1-го іюля 1839 года, и цѣлыя поколѣнія народились и сошли въ могилу, не видавъ ни разу монеты, хотя жизнь ихъ шла по бумажной перепискѣ на какой-то серебряный рубль. Слѣды этой фальши существуютъ и донинѣ въ нашихъ старыхъ мѣдныхъ деньгахъ, на которыхъ сказано *пять копѣекъ серебромъ, три копѣйки серебромъ* и т. д. Археологи будущихъ столѣтій получатъ полное право считать наше время до того невѣжественнымъ, что мы даже мѣдь признавали за серебро.

Между тѣмъ какъ приближалось къ намъ финансовое разстройство, мы въ 1849 и 1850 годахъ сводили денежные и политическіе счеты послѣ Венгерской кампаніи и въ томъ и въ другомъ значеніи получили весьма скорбные выводы. Затѣмъ въ 1851 году праздновали открытіе С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги и 25-ти-лѣтній юбилей царствованія императора Николая I-го. Въ это время носились слухи, что заемъ, сдѣланный для сооруженія Николаевской дороги, поглощенъ расходами Венгерской войны, и что это привело къ необходимости, для окончанія желѣзнодорожныхъ расчетовъ, сдѣлать экстренный выпускъ кредитныхъ билетовъ. Хотя эти билеты, при обезпеченіи ихъ всѣмъ достояніемъ государства, было обязательно для правительства размѣнивать на монету всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя этого размѣна потребуютъ, но для болѣе еще твердой цѣнности этихъ билетовъ былъ изданъ Высочайшій указъ о томъ, что выпускъ кредитныхъ билетовъ не иначе можетъ быть производимъ, какъ съ обезпеченіемъ ихъ на $\frac{1}{6}$ часть золотомъ или серебромъ. Среди такихъ шаткихъ финансовыхъ обстоятельствъ, въ Европѣ сталъ возникать вопросъ о томъ, можно ли цѣнить Русскій бумажный рубль въ его полной нарицательной стоимости, и одно возникновеніе этого вопроса произвело то, что всѣ займы, предшествовавшіе Крымской войнѣ, пришлось дѣлать по уменьшенному курсу. При такихъ условіяхъ приближались къ намъ ужасныя послѣдствія второго про-

вала, исходившія изъ того, что рельсовые пути не были положены отъ Москвы къ Черному морю прежде соединенія ими нашихъ столицъ.

Въ 1853 году послѣдовала высадка Англо-французскихъ, Сардинскихъ и Турецкихъ войскъ на южный берегъ Крыма. Всѣмъ извѣстны неудачи и послѣдствія войны, описаніе которыхъ не можетъ входить въ составъ моей повѣсти; но я скажу лишь то, что относится до финансовыхъ очерковъ того времени. Все перепуталось и потеряло свои основы, такъ что указъ объ обезпеченіи кредитныхъ билетовъ $\frac{1}{6}$ частью монеты остался мертвою буквою. Война кончилась, Русская грудь засвидѣтельствовала передъ всей Европой свою непобѣдимость, а финансовое состояніе оказалось въ полномъ безсиліи и даже въ неизлѣчимыхъ язвахъ. Въ это время, послѣ Парижскаго мира, мы сознали необходимость покрыть Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ и начали съ того, что народное дѣло сооруженія дорогъ предоставили въ руки Французовъ, нашихъ, такъ сказать, вчерашнихъ враговъ, и на Русской землѣ, во время коронаціи Александра II-го, появился изъ Парижа извѣстный афферистъ временъ Наполеона III-го, Перрейра, съ толпою булочниковъ, парикмахеровъ, башмачниковъ и т. д., называвшихъ себя опытными инженерами. Составленное подъ руководствомъ этихъ лицъ общество получило названіе Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и въ кругъ его дѣятельности входили четыре линіи: 1-я отъ Петербурга до Вар-

шавы, 2-я отъ Москвы къ Черному морю до Феодосіи, 3-я отъ Курска до Либавы и 4-я отъ Москвы до Нижняго-Новгорода. Нѣсколько патристическихъ лицъ изъ среды купечества, испуганныхъ вторженіемъ Французовъ въ дѣло Русскаго народного труда и предвидѣвшихъ, что Россія снова попадетъ въ ловушку иностранной экономической интриги, обратились съ разъяреніемъ своихъ опасеній къ графу Закревскому, пригласивъ и меня къ участию въ ихъ совѣщаніяхъ. Графъ выразилъ полное сочувствіе къ нашимъ словамъ и добавилъ отъ себя: „Зачѣмъ намъ прибѣгать къ какимъ-то иностраннымъ капиталамъ, когда у насъ есть все нужное для постройки дорогъ дома: желѣзо на Уралѣ, лѣсъ, песокъ и щебенка повсюду, съ масою рукъ, ожидающихъ работы во всѣхъ деревняхъ? Поѣзжайте къ Чевкину дня черезъ три, а я его увижу и предупрежу о вашемъ посѣщеніи“. Мы рѣшили, что ѣхать цѣлой гурьбой неудобно, а лучше кому-либо одному, дабы можно было говорить прямо и свободно. Выборъ палъ на извѣстное Чевкину лицо Торлецкаго, который былъ очень хорошо знакомъ и съ А. П. Ермоловымъ и просилъ его предварительно переговорить съ Чевкинымъ, назначеннымъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ до коронаціи главноуправляющимъ путей сообщенія, вмѣсто графа Клейнмихеля.

Чевкинъ очень любезно принялъ Торлецкаго, внимательно выслушалъ и сказалъ: „Ничего не могу сдѣлать, мой миленькій (обычная поговорка

Чевкина), потому что дѣло съ Французами обложено и условлено въ Парижѣ княземъ Орловымъ, во время заключенія мира. Нахожу возможнымъ хлопотать только объ одномъ, чтобы правленіе желѣзныхъ дорогъ было не въ Парижѣ, какъ было предположено, а въ Россіи“. Этого послѣдняго результата Чевкинъ достигъ года черезъ два, но не даромъ, а по случаю выдачи какихъ-то многомилліонныхъ ссудъ Главному Обществу, выторговавъ у него измѣненіе въ уставѣ о переводѣ правленія изъ Парижа въ Петербургъ.

Величайшею ошибкою со стороны нашей было то, что Главному Обществу назначили строить сначала желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Варшаву, вмѣсто направленія изъ Москвы въ Θεодосію. Петербурго-Варшавская линія, какъ пролегающая по мѣстностямъ малонаселеннымъ и неимѣющимъ на двѣ трети своего протяженія ни хлѣбородной почвы, ни фабричнаго и заводскаго производства, не могла представить такой дѣятельности по движенію пассажировъ и товаровъ, которая бы покрывала расходы эксплуатаціи, не говоря уже о гарантіи. Правительство нашлось въ необходимости нѣсколько разъ выдавать Главному Обществу миллионныя денежныя ссуды, и когда это Общество заявило свою несостоятельность въ дальнѣйшемъ сооруженіи дорогъ и уплатѣ лежащихъ на немъ долговъ, тогда оно (конечно, въ силу политическихъ вліяній Наполеона III-го) не было признано банкротомъ и оставлено при полныхъ своихъ правахъ хозяиномъ

двухъ линій: Варшавской и Нижегородской, съ отсрочкою взысканія накопившагося на немъ долга болѣе 50 милліоновъ, каковой долгъ въ послѣдствіи возросъ и до настоящаго времени остается неуплаченнымъ. Послѣ этого, черезъ 10 лѣтъ, это неисправное общество получило отъ правительства, какъ бы въ награду за свои злоухищренія и несостоятельность, первую по доходности въ Европѣ Николаевскую желѣзную дорогу, причемъ въ бывшемъ въ то время ходатайствѣ 92-хъ лицъ изъ первыхъ Русскихъ торговыхъ домовъ, приносившихъ постоянно своему отечеству громадную и разнообразную пользу своею дѣятельностію, было отказано въ передачу имъ Николаевской дороги.

Обращаясь къ предъидущему, надобно сказать, что главная бѣда состояла еще не въ томъ, что Французское общество задолжало намъ десятки милліоновъ, а въ ошибку нашей (какъ выше было сказано) разрѣшить обществу строить Варшавскую желѣзную дорогу прежде Московско-Θеодосійской. Эта послѣдняя не только окупала бы расходы эксплуатаціи, но и платежи процентовъ по облигаціямъ, какъ это уже доказано на опытѣ результатами замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ, и таковая выгодность породила бы въ Европѣ довѣріе къ Русскимъ желѣзнодорожнымъ бумагамъ, слѣдовательно и стремленіе къ приобрѣтенію ихъ по выгодному для насъ курсу. Напротивъ того, возвратившіеся за границу, по случаю несостоятельности Главнаго Общества и уменьшенія его дѣятельности, бывшіе

его второстепенные инженеры: парикмахеры, булочники и башмачники, вездѣ распространили молву о неспособности Русскихъ желѣзныхъ дорогъ приносить доходъ. Послѣдствія этихъ слуховъ, равно какъ и очевидные факты, что дороги Главнаго Общества не прекратили своего движенія потому только, что ихъ поддерживало наше правительство денежными средствами, привело къ значительному понижению цѣнности гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій, которыя намъ, при дальнѣйшемъ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, пришлось продавать за границей по 66-ти за 100. Но позднѣе, когда замосковныя дороги (Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская) убѣдили въ своей доходности, дальнѣйшая реализація облигацій, постепенно возвышаясь, достигла 93-хъ за 100. Отсюда очевидно, что еслибы Европа убѣдилась въ доходности замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ прежде сооруженія Варшавской линіи, тогда всѣ наши желѣзнодорожныя бумаги были бы реализованы на 25% выше состоявшейся реализаціи, что сократило бы нашу задолженность на сотни миллионвъ, а народъ избавило бы отъ платежа излишнихъ процентовъ, которые въ концѣ концовъ (какъ бы хитро ни были подтасованы цифры бюджетовъ) всегда приходится оплачивать народу своими потовыми трудами, по случаю неизбѣжно порождаемыхъ займами новыхъ налоговъ.

Шестой провалъ.

Вскорѣ послѣ коронаціи императора Александра Николаевича, былъ назначенъ, вмѣсто П. Ф. Брока, министромъ финансовъ А. М. Княжевичъ. Во время этого переходнаго министерства отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, подготовлялось освобожденіе крестьянъ съ предшествовавшимъ этому великому, достославному и свѣтлому дѣлу весьма мрачнымъ событіемъ — уничтоженіемъ опекунскихъ совѣтовъ, отчего земледѣліе и землевладѣніе остались безъ всякихъ пособій кредита, брошенныя на произволь судьбы, или, иначе говоря, отданныя во власть ростовщикамъ. Давнымъ давно зная А. М. Княжевича за человѣка, исполненнаго самыхъ лучшихъ сердечныхъ стремленій, мнѣ много разъ приходилось бесѣдовать съ нимъ о невозможности оставлять сельское хозяйство безъ кредитныхъ учрежденій, въ какое бы то ни было время, а тѣмъ болѣе въ періодъ освобожденія крестьянъ, когда отъ земли отнимается у дворянскихъ имѣній даровая трудъ, а для найма рабочихъ и приобрѣтенія новѣйшихъ земле-

дѣльческихъ орудій и машинъ нужны деньги. Раздѣляя этотъ взглядъ, А. М. Княжевичъ выразился такъ: „ничего не подѣлаешь съ *ними*; *они* такъ хотятъ, чтобы всякая дѣятельность становилась на свои ноги и никакой уступки въ этомъ не сдѣлаютъ“. — „Но позвольте возразить: развѣ возможно, чтобъ новорожденный ребенокъ — наше сельское хозяйство съ вольнонаемнымъ трудомъ — могъ сразу встать на ноги безъ всякаго о немъ попеченія? И кто же эти *они*, очевидно желающіе искалѣчить Русскую сельскую жизнь?“ Тутъ я впервые узналъ, что *они* — люди новыхъ возрѣній, составившіе изъ 5—6 человѣкъ кружокъ, стремящійся въ кабинеты высокопоставленныхъ лицъ и салоны вліятельныхъ барынь для распространенія въ нихъ своихъ взглядовъ, дабы потомъ, мало-по-малу, расширяя свой кругъ, забрать въ свои руки направленіе правительственной власти. Еще позднѣе я узналъ, что именно эти *они* и, убѣдившись въ томъ, что это все люди по большей части честные, благонамѣренные и бредившіе объ экономической равноправности, но безъ всякаго пониманія нуждъ и потребностей Русской жизни. Эти *они* проповѣдывали намъ въ тарифныхъ комиссіяхъ пониженіе цѣны на пошлину съ кофе, потому что кофе разовьетъ мозговья силы крестьянина, и требовали такого же пониженія на пикуди и капорцы, какъ приправы, могущія дать вкусъ грубой крестьянской пищѣ. Сколько тутъ добросердечія, смѣшаннаго съ полнымъ невѣдѣніемъ деревенской жизни!

Но *они*, блистая книжнымъ чужеземнымъ знаніемъ, приобрѣли такое значеніе, что ихъ стали собирать на дворцовые вечера и признавать за свѣжую силу, способную обновить общій строй высшаго управленія. *Они* не замедлили поступать на мѣста въ тѣхъ кабинетахъ и комитетахъ, откуда проистекаетъ дѣйствіе Власти. Въ это время *они* усидчиво работали по сочиненію новыхъ законопроектовъ, приводя механизмъ самобичеванія въ непрерывное дѣйствіе, но всегда подъ вѣяніемъ челоуѣколюбиваго попеченія о благѣ народномъ. Еслибъ эти *они* имѣли Русскую жилку, то конечно, при ихъ трудолюбіи и настойчивости, изъ нихъ образовались бы полезнѣйшіе для отечества дѣятели. Прибавимъ то, что первоначальные *они* никого не думали надувать; *они* даже очистили свой кружокъ отъ такихъ лицъ, которыя хотѣли изъ служебной дѣятельности извлекать свои выгоды; но въ то же время *они*, стремясь все переиначить и передѣлать по новому, изгоняли изъ службы всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не принадлежали къ ихъ возрѣніямъ, какую бы не имѣли эти лица опытность въ дѣлахъ. Этимъ самымъ *они* лишили себя возможности прислушиваться къ требованіямъ жизни и указаніямъ опыта, и отсюда произошло то, что *своя своихъ не познаша*, и земледѣльская жизнь, въ скоромъ времени послѣ 1863 года, стала задыхаться отъ безпросыпнаго пьянства и безкредитнаго удушья.

Въ 1868 году появились земельные банки съ самыми угнетательными для земледѣлія уставами.

Появленіе этихъ банковъ было чуждо вчинанія со стороны правительства; оно возникало изъ корыстныхъ видовъ учредителей банковъ. Приниженные, угнетенные и придушенные семилѣтнимъ безденежьемъ помѣщики протянули руки за пособіемъ въ эти банки (которые народъ называлъ *мышловками*) и обязались платить такіе проценты, какихъ сельскіе доходы отъ овса, сѣна и т. п. никогда не могутъ дать. Кромѣ того значительная часть займовъ была сдѣлана на металлическую валюту, которая подлежитъ колебаніямъ отъ политическихъ и другихъ событій, не зависящихъ отъ заемщиковъ, привлеченныхъ по своимъ займамъ къ обязанности оплачивать всѣ потери, порождаемыя биржевымъ курсомъ. Этотъ экономическій провалъ, пришедшій къ намъ не отъ внѣшнихъ уже враговъ, а отъ насъ самихъ, изображалъ жестокое самобичеваніе. Большинство помѣщиковъ бросили свои усадьбы, семейства ихъ пошли скитаться куда попало, и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ процвѣтала тихая семейная жизнь, образовались безлюдныя развалины съ характеромъ мрака и отчаянія. Но будущее сулило еще дальнѣйшіе провалы, потому что благонамѣренныя *они*, о которыхъ, вѣроятно, со временемъ будутъ написаны цѣлые томы съ выразительными портретами, подготовляли для Русской жизни новыя преобразованія.

Седьмой провалъ.

Въ 1862 г. началось министерство (финансовъ) М. Х. Рейтерна, о которомъ сохранится благодарное воспоминаніе за устройство желѣзныхъ дорогъ, за развитіе внутренняго кредита посредствомъ образованія коммерческихъ банковъ и за выкупную операцію при освобожденіи крестьянъ, совершенную при существовавшихъ финансовыхъ затрудненіяхъ безъ особыхъ потрясеній въ кредитныхъ оборотахъ. Кромѣ этого, есть еще и другое важное воспоминаніе объ услугѣ М. Х. Рейтерна, оказанной имъ Русской внутренней жизни во время послѣдней Восточной войны. Когда мы сидѣли подъ Плевною и сокрушались о военныхъ неудачахъ, промышленная жизнь Россіи шла покойно, безъ всякихъ потрясеній и частныхъ банкротствъ, такъ что Европа была изумлена тѣмъ, какъ здорово и крѣпко Русское нутро (изумленіе это не разъ высказывалось Бисмаркомъ въ 1877 г. въ его парламентскихъ рѣчахъ). Окажись въ этомъ нутрѣ слабость и колебаніе во время войны, наша скорбь удесятирилась бы, а враги наши сказали бы, что внутренняя сила

Россіи уже подорвана и не может пережить ударовъ войны. Ничего подобнаго не случилось, потому что Рейтернъ всякому полезному дѣлу, нуждающемуся въ поддержкѣ, помогаль денежными средствами, дабы не уронить движенія народной промышленности. Въ постройкѣ дорогъ въ Рейтернѣ обнаружился финансовый техникъ въ томъ смыслѣ, что сдѣланные займы не пошли на другіе расходы, а были употреблены на желѣзныя дороги; а въ поддержаніи торговли въ нужное и тяжелое время — попечительный хозяинъ, умѣвшій смотрѣть прямо въ глаза труднымъ обстоятельствамъ, и въ силу этихъ обстоятельствъ умѣвшій сразу отрѣшиться отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, встрѣчавшихъ во всемъ форменныя препятствія. Нельзя пройти молчаніемъ и того памятнаго обстоятельства, какъ была спасена М. Х. Рейтерномъ Волга, по всему ея протяженію, со всеми своими притоками, отъ порабощенія ея въ крѣпостное владѣніе какого-то Эпштейна, подладившаго уже это порабощеніе въ другихъ вѣдомствахъ въ свою пользу.

Послѣ того какъ мы обозначили свѣтлыя стороны дѣятельности Рейтерна, перейдемъ къ тому, что выражается пословицей: и въ солнцѣ есть пятна. Построенныя въ это время желѣзныя дороги обошлись очень дорого отъ невыгодной реализаціи за границей желѣзнодорожныхъ бумагъ; но это надобно отнести главнѣйше къ винѣ предъидущаго времени, т. е. къ началу сооруженія Варшавской дороги прежде замосковныхъ дорогъ. Впрочемъ эта невы-

годность могла бы быть значительно уменьшена, если бы прежде приступа къ сооруженію дорогъ были устроены рельсовые, локомотивные, вагонные и другіе заводы для всехъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, и тогда бы къ намъ дѣйствительно влились иноземные капиталы, мы бы продавали сто за сто бумаги (акціи и облигаціи) готовыхъ уже дорогъ, сооружаемыхъ постепенно одна послѣ другой, и получали бы за нихъ золото, а вышло то, что въ дѣйствительности къ намъ никакихъ капиталовъ не попало, нашъ государственный вексель (облигація съ 5% гарантіей) брали со скидкой 30% съ рубля, а намъ платили за него рельсами, локомотивами, вагонами и т. п. съ накидкою, вѣроятно, 20% на рубль. Само дѣло указывало, что надобно было спѣшить устройствомъ горной Уральской дороги, чтобы получать оттуда рельсы, желѣзные мосты и прочее; а мы эту дорогу, отложивъ на самый конецъ, покрывали (о, ужасъ!) рельсами и желѣзными мостами, привозимыми изъ Англии. На это остается сказать одно: Наполеонъ III, сидя въ Гамской тюрьмѣ, написалъ въ своихъ запискахъ, что вводимыя въ народную жизнь ложныя экономическія воззрѣнія дѣйствуютъ сильнѣе баррикадъ на разрушеніе самыхъ гранитныхъ монархій въ мірѣ *).

*) Покойный директоръ горнаго департамента В. К. Рашетъ, отлично знавшій Уралъ, какъ управлявшій некогда заводами Демидовыхъ, тотчасъ послѣ Крымской войны, представилъ ко всемъ властнымъ лицамъ проектъ сооруженія Уральской горнозаводской

Но въ это время, когда мы выписывали изъ-за границы все желѣзнодорожныя принадлежности, частная предпріимчивость съ упорнымъ трудомъ образовала нѣсколько желѣзодѣлательныхъ заводовъ (Струве, Полетика, Мальцовъ, Ухтомскій, Губонинъ и др.), не встрѣтившихъ того правительственнаго поощренія, которое могло бы укрѣпить ихъ, по примѣру Берлинскаго завода Борзига, доведеннаго до громадной широты въ своихъ дѣйствіяхъ посредствомъ признанія правительствомъ въ этомъ заводѣ государственной силы.

Обращаясь къ исторіи сооруженія Русскихъ желѣзныхъ дорогъ, мы видимъ поразительное явленіе. Англичане получили предварительныя концессіи на дороги: Орловско-Витебскую до 100 тыс. и на Московско-Севастопольскую по 105 тыс. металлическихъ за версту съ 5% гарантіей правительства; но по обѣимъ дорогамъ, черезъ годъ, отказались отъ исполненія за невозможностію собрать акціонерный капиталъ, не смотря на то, что въ Севастополь, въ придачу къ ужасной цѣнности дороги, имъ предоставлялось, кажется, на 25 лѣтъ, право учредить порто-франко. Люди Русскіе! Возрадуйтесь этому отказу и возблагодарите милосердіе

желѣзной дороги съ ясными доказательствами необходимости построить эту дорогу прежде другихъ линій, дабы воспользоваться нѣдрами Уральскаго хребта для выдѣлки рельсовъ и прочихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ. Болѣе 15 лѣтъ Рашетъ хлопоталъ о приведеніи своей мысли въ исполненіе, но стѣну равнодушія пробить не могъ и въ 70-хъ годахъ умеръ. В. К.

Божіе, отвращающее отъ насъ грѣшныхъ бѣды и напасти.

Вскорѣ за отказомъ англичанъ М. Х. Рейтернъ нашелъ возможность, посредствомъ П. І. Губонина, построить желѣзную дорогу отъ Орла до Витебска, и потомъ, посредствомъ того же Губонина, съ участіемъ С. С. Полякова, отъ Курска до Севастополя почти на половину дешевле англійскихъ цѣнъ и безъ всякаго порто-франко. Возможность эта явилась оттого, что, не стѣсняясь статьями Свода Законовъ, сочиненными прежде всякой мысли о желѣзныхъ дорогахъ и требовавшими сначала взноса акціонернаго капитала, а потомъ уже допускавшими займы по облигаціямъ, были эти статьи повернуты однимъ концомъ къверху, другимъ книзу, т. е. сперва занимать по облигаціямъ, а потомъ приступать къ выпуску акцій. А такъ какъ оказалось возможнымъ построить многія дороги на одинъ лишь облигаціонный капиталъ, то акціи остались, вполнѣ или частію, въ рукахъ учредителей въ видѣ награды за ихъ трудъ; а мы, жители Русской земли, сѣли въ вагоны и поѣхали, преисполненные благодарности за освобожденіе насъ отъ прежней мучительной ѣзды въ почтовыхъ телѣгахъ. Говорятъ, что мысль этого простого переворота производить прежде выпускъ облигацій, а не акцій, принадлежитъ А. И. Колемину и П. Г. Фонъ-Дервизу; но какъ мысль эта введена въ дѣйствіе Рейтерномъ, то ее и надо признать его собственностію: потому что никакой министръ не имѣетъ времени и обязанности выду-

мывать новые приемы для осуществления разныхъ промышленныхъ начинаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ только тотъ министръ можетъ что-либо созидать, который не душитъ заявленныхъ ему полезныхъ мыслей справками въ старыхъ законахъ, потерявшихъ уже свое значеніе по приложеніи ихъ къ новымъ дѣламъ, и который не ставитъ себя въ рамки раболѣпнаго служенія губительному и мертвящему формализму.

Восьмой провалъ.

Многіе относятъ къ крупной ошибкѣ М. Х. Рейтерна акцизную систему съ вина, составленную безъ всякаго согласованія съ интересами земледѣлія; но это не совсѣмъ вѣрно, потому что систему акциза измыслили и создали *они*, навязавъ ее Россіи къ исполненію, съ замѣчательно гордою самоувѣренностію въ ея достоинствѣ, безъ предварительнаго совѣщанія съ извѣстными земледѣльческими хозяевами. Вредныя послѣдствія этого самобичеванія выразились въ слѣдующемъ.

Мы видѣли, что въ экономической жизни Россіи пошатнулись три главные устоя: денежный курсъ, народный кредитъ и сельское хозяйство. Шаткость этихъ устоевъ искривила все зданіе, по всѣмъ его линіямъ. Вдобавокъ къ этимъ бѣдствіямъ, съ введеніемъ акцизной системы, явилось право безграничнаго увеличенія кабаковъ, отчего, въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ, болѣе двухъ милліоновъ крестьянъ пропали всѣ принадлежности своего хозяйства и остались безъ лошадей и коровъ. Подтвержденіемъ этой горькой истины служатъ подворныя

описи, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и обнаружившія, что въ лучшихъ уѣздахъ Рязанской губерніи у $\frac{1}{6}$ части населенія не оказалось ни скота, ни молока для дѣтей. Введеніе однообразной акцизной системы для сбора дохода съ винокуренія перемѣстило винокуренное производство на черноземную почву; а это перемѣщеніе, уменьшивъ число сельско-хозяйственныхъ винокуренъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, повело сельское хозяйство на Сѣверѣ къ уменьшенію скота, а землю къ лишенію удобренія. Далѣе, не только сѣверныя винокурни, но и южныя оказались подавленными вліяніемъ вновь возникшихъ громаднхъ винокуренныхъ заводовъ, имѣющихъ характеръ спекулятивно-промышленный. Результатъ вышелъ самый плачевный: тысячи помѣщичьихъ усадебъ разрушились, полявые земли за неимѣніемъ удобренія остались не вспаханнми, а владѣльцы имѣній, лишенные крова и пищи, пошли скитаться по бѣлу свѣту. Всѣ эти печальныя послѣдствія могли бы не существовать, еслибы съ уничтоженіемъ откуповъ винокуреніе было какъ можно болѣе размельчено, и тогда при каждой винокурнѣ находился бы техникъ-слесарь, способный для установки и починки земледѣльческихъ орудій и машинъ, введеніе которыхъ—безъ средствъ къ ремонту—оказалось неприложимымъ къ дѣлу.

Въ настоящее время, народная жизнь находится въ самой гнетущей истомѣ отъ ожиданія путеводныхъ указаній. Вновь созданные земельные банки—дворянскій и крестьянскій—неоспоримо будутъ нѣ-

сколько полезны для тѣхъ дворянъ и крестьянъ, у которыхъ имѣются средства къ жизни; но они были бы вполне полезны при взиманіи самыхъ уменьшенныхъ процентовъ, не болѣе трехъ годовыхъ. Впрочемъ, никакіе банки не могутъ уже пособить ни тому крестьянину, который все пропилъ, и ни тому мелкопомѣстному помѣщику, который всѣ выкупныя свидѣтельства израсходовалъ на потребности домашней жизни. Быть можетъ, эти слова покажутся преувеличенными и невѣроятными, но правдивость ихъ подтверждается массой безпомощныхъ людей, которые стучатъ въ двери своихъ сосѣдей, могущихъ имъ что-либо дать. Иные говорятъ: если пропился какой-нибудь мужикъ, то и погибай за свою вину. Но такъ какъ пропились два милліона, теперь пропивается третій, а за нимъ пойдетъ четвертый, то уже тутъ нельзя махнуть рукой. Спасая пропившихся, мы спасаемъ себя, спасаемъ общій порядокъ.

Въ настоящихъ очеркахъ я вовсе не намѣренъ излагать проектъ питейнаго сбора, и скажу лишь только то, что будущая система должна обновить помѣщичье хозяйство сооруженіемъ новыхъ мелкихъ винокуренъ и изобразить картину, представляющую стада коровъ, пьющихъ винокуренную барду, поля съ массою удобренія, дѣтей съ горшкомъ молока и мясное варево на крестьянскомъ столѣ; словомъ, у всѣхъ трезвыя и веселыя лица, кромѣ кабатчиковъ, огорченныхъ принятыми къ сокращенію пьянства мѣрами.

Мы всегда и во всемъ стремимся подражать Европѣ; но непонятно, почему въ винокуренномъ производствѣ мы не хотимъ послѣдовать примѣру Германіи, въ которой для поддержки мѣстнаго винокурения взиманіе акциза съ вина имѣетъ различныя правила и размѣры, согласенныя съ условіями почвы. Отъ этого въ Германіи на 45 милліоновъ жителей болѣе 15 тысячъ винокуренъ, а въ Россіи на 100 милліоновъ только 3 тысячи, изъ которыхъ $\frac{3}{4}$ находятся на черноземной почвѣ, не требующей удобренія. Исключеніе изъ этого положенія составляетъ Остзейскій край, который, какъ не входившій въ черту откупной монополіи, угнетавшей винокурение, имѣлъ возможность, за полстолѣтіе до введенія акцизной системы, обзавестись мелкими винокурнями и потомъ, при посредствѣ ихъ, образовать громадныя картофельныя посѣвы. Полезныя послѣдствія мелкихъ винокуренъ очевидны изъ слѣдующихъ сравнительныхъ цифръ: Эстляндія имѣетъ 143 завода, съ производствомъ $3\frac{1}{2}$ милліоновъ ведеръ вина (40°), а Петербургская и Новгородская губерніи 20 заводовъ, съ производствомъ 340,000 ведеръ. Эстляндія получаетъ для винокурения съ своихъ полей картофеля ежегодно $7\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ, а губерніи Петербургская и Новгородская только 160,000 пудовъ. Эстляндія, при населеніи въ 350,000, по размѣру своего винокурения можетъ выкормить бардою ежегодно 35,000 быковъ; Петербургская только 90, а Новгородская 2,400 головъ, при двухмилліонномъ населеніи этихъ губер-

ній, кромѣ С.-Петербурга! Вслѣдствіе этого Остзейскій край, за полнымъ удовлетвореніемъ себя мяснымъ продовольствіемъ, доставляетъ ежегодно на Петербургскій скотопригонный дворъ до 10,000 быковъ, а сельское населеніе губерній Петербургской, Новгородской и проч. едва можетъ имѣть отъ собственнаго хозяйства мясную пищу въ дни разговѣнія*). Здѣсь нельзя не замѣтить, что во всѣхъ вопросахъ по займамъ и биржевымъ курсамъ мы руководимся указаніями заграничныхъ мудрецовъ, не проявляя никакой своей мысли; въ дѣлѣ же сельско-хозяйственномъ, на оборотъ, мы не хотимъ пользоваться полезными примѣрами Германіи. Дѣло ясно: по займамъ и курсамъ являются къ намъ изъ-за границы ловкіе проводники-пройдохи, а у сельскаго хозяйства ихъ нѣтъ по совершенному отсутствію всякой въ томъ, со стороны Германіи, надобности.

Окончимъ настоящій провалъ такимъ заключеніемъ: теченіе народной жизни не можетъ быть направлено на путь спокойствія и благоденствія никакими иными мѣрами, кромѣ полного и вѣрнаго согласованія экономическихъ законоположеній съ нуждами и потребностями народа. Согласованіе это можно считать достигнутымъ только въ томъ случаѣ, если новыя законоположенія о винокурении и продажѣ вина доставятъ каждой усадьбѣ и каж-

*) Цифры заимствованы изъ «Ежегодника Министерства Финансовъ», выпускъ X, изъ «Верлинскаго Вѣстника о спиртовой промышленности» и изъ «Извѣстій С.-Петербургской Городской Думы». В. К.

дой крестьянской избѣ, въ особенности въ 15 сѣверныхъ губерніяхъ, возможность имѣть сытный обѣдъ отъ плодородія своей земли и отъ мяса своего собственного скота. Все то, что не идетъ прямо къ этой простой цѣли, идетъ противъ удовлетворенія насущныхъ потребностей Русской жизни.

Девятый провалъ.

При существованіи крѣпостного права, винокурение было предоставлено только дворянамъ, и совершенно понятно, что оно, такимъ образомъ, составляло необходимую принадлежность сельскаго помѣщичьяго хозяйства, доставляя скотоводству барду, а полямъ—удобрение. Но знаменитые *они*, преслѣдуя идею о равноправности, года черезъ три по введеніи акцизной системы, нашли нужнымъ сдѣлать право на винокурение общимъ достояніемъ и забыли о томъ, или, лучше сказать, вовсе не вѣдали, что при предоставленіи каждому выкуривать хлѣбное вино, гдѣ онъ пожелаетъ, винокурение сосредоточится только въ губерніяхъ черноземной почвы и почти совершенно прекратится въ сѣверныхъ губерніяхъ,—что и воспослѣдовало. Этою мѣрою было отнято послѣднее сельско-хозяйственное значеніе дворянскихъ имѣній и, вмѣсто мелкихъ винокуренъ, явились громадныя винокуренныя заводы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ барда вовсе не нужна, и гдѣ винокурение приняло характеръ промышленныхъ спекуляцій. Такимъ образомъ интересы пашни,

скотоводства, рынка по продажѣ мяса и другихъ сельскихъ продуктовъ принесены были въ жертву ложной идеѣ о винокуренной равноправности.

Но пора бросить общій взглядъ на усиленную правительственную работу въ теченіи пяти лѣтъ (съ 1861 по 1866 годъ), имѣвшую по послѣдствіямъ разрушеніе помѣщичьяго хозяйства, иначе говоря, разрушеніе быта десятковъ тысячъ семействъ, получившихъ гораздо болѣе другихъ сословій высшее образованіе. Воздавая хвалу и вѣчную благодарность за уничтоженіе крѣпостного состоянія, нельзя въ то же время не признать обязанностью правительства поддержку помѣщичьяго быта, имѣющаго неоспоримо-полезное нравственное вліяніе на всѣхъ сосѣдей, окружающихъ усадьбы дворянъ, т. е. на крестьянъ. Но, вмѣсто того, чтобы поддержать эти усадьбы какимъ-либо новымъ мѣропріятіемъ при уничтоженіи крѣпостничества, были отняты отъ нихъ и остальные права: кредитъ, выборы изъ среды себя мѣстныхъ администраторовъ и винокуреніе; и вдобавокъ ко всему этому всѣ деревни были наполнены кабаками, въ которыхъ рабочій людъ пропивалъ деньги и время, не думая о работѣ (разумѣется, за условленную плату) на бывшихъ помѣщичьихъ поляхъ. И все это дѣлалось — для разрушенія дворянства — въ правительствѣ, состоящемъ изъ одного только дворянства. Непонятно! Никто не пойметъ, какъ могло случиться такое лютое самобичеваніе, что дворяне довели дворянъ же до такого разстройства, которое заставило ихъ въ огром-

номъ большинствѣ — бросить свои родныя гнѣзда и идти скитаться по бѣду свѣту. Эти скитальцы были насильно, противъ ихъ воли и желанія, вытолкнуты изъ своихъ жилищъ на путь недовольныхъ, на такой путь, гдѣ утраченное понятіе о привязанности къ отечеству замѣняется безнадежностью и отчаяніемъ. Такъ какъ въ этомъ разрушительномъ дѣйствіи всего болѣе участвовала акцизная система, а потому мы вводимъ въ наше повѣствованіе особый отдѣлъ о бѣдствіяхъ, порожденныхъ этой системой.

Бѣдствія отъ акцизной питейной системы.

Простая народная пословица гласитъ: *у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ*. Сознаюсь, что я очень много говорю о мелкихъ сельскохозяйственныхъ винокурняхъ и даже повторяюсь въ изложеніи причинъ и обстоятельствъ, соприкасающихся винокуренному вопросу, но что же дѣлать съ болѣзью сердца, страдающаго желаніемъ видѣть въ Русскомъ сельскомъ хозяйствѣ массу мелкихъ винокуренъ, безъ которыхъ процвѣтаніе сельскаго хозяйства немыслимо. Болѣзнь мою я не скрываю. У меня нѣтъ и не было никакой винокурни, ни большой, ни малой, и я, считая себя чуждымъ всякаго пристрастія въ этомъ дѣлѣ, дѣйствую единственно по внушенію моего внутренняго убѣжденія. На этомъ основаніи признаю не бесполезнымъ повто-

рить здѣсь, въ извлеченіи, разныя доказательства о необходимости мелкихъ винокурень, выраженные мною въ засѣданіяхъ С.-Петербургскаго Собранія сельскихъ хозяевъ. Вотъ что было сказано, между прочимъ, въ докладѣ моемъ 21 октября 1880 года.

Питательная сила, необходимая для человѣческаго организма, лежитъ въ землѣ, откуда ее возможно извлечь только посредствомъ удобренія почвы, съ перепашкою ея хорошими орудіями и съ посѣвомъ добрыхъ зерновыхъ сѣмянъ.

Сѣмянныхъ зеренъ у насъ нѣтъ; мы ихъ выжили. Слышу выраженіе удивленія, какъ это могло случиться, что мы выжили зерновые хлѣба? Отвѣчаю: существующая у насъ система для сбора акциза съ винокурения опредѣлила норму выхода вина изъ каждой четверти хлѣба, предоставивъ право винокуреннымъ заводчикамъ перекуръ вина сверхъ опредѣленныхъ нормъ обращать въ продажу безъ платежа акциза.

Этотъ перекуръ доставилъ винокуреннымъ заводамъ слѣдующія преміи:

Перекуръ.	Премія.
Въ 1863 году " 1.718.841 ведро безв. спирта по 4 р.	6.875.364 р.
Съ 1864—1868 г. вклуч. 13.009.796 " " " " 5 "	65.048.980 "
" 1869—1873 " " 18.039.379 " " " " 6 "	108.236.274 "
" 1874—1879 " " 20.584.206 " " " " 7 "	144.089.442 "
	324.250.060 р.

Чтобы достигнуть перекура и полученія 324 милліоновъ р., надобно было на всѣхъ винокуренныхъ заводахъ стараться приобрѣтать только одни луч-

шіе сорта зерновыхъ хлѣбовъ для размолы ихъ на муку, и, вслѣдствіе этого, полныя, хорошо провѣянные зерна употреблялись не на посѣвъ, а въ сильныя чаны; для продажи же на рынокъ поступали низшіе сорта зернового хлѣба.

Вотъ какимъ способомъ мы выжили зерновыя сѣмена, отнявъ ихъ у земли и, вслѣдствіе этой причины, большинство нашихъ полей наполнилось сорными травами.

Если бы 324 милліона перешли изъ народнаго капитала къ винокуреннымъ заводчикамъ (по 1887 годъ эта сумма, вѣроятно, составитъ полмилліарда рублей), съ условіемъ поставить Русское земледѣліе на прочную ногу, т. е. образовать всюду и преимущественно на Сѣверѣ мелкія винокурни съ скотопригонными дворами для откармливанія быковъ, тогда эти милліоны представляли бы возвратный расходъ, а не награду отъ казны, выданную какъ бы за разрушеніе сельскаго хозяйства съ истребленіемъ зерновыхъ сѣмянъ. Да, это могло бы быть достигнуто, если бы 324 м. попали въ руки мелкихъ сельскохозяйственныхъ винокуровъ, но они, по несчастію, захвачены большими спекулятивными винокуренными заводами.

Доказательство того, какъ угасали у насъ существовавшіе до 1863 года мелкіе винокуренные заводы и на мѣсто ихъ возникали громадныя, не сельскохозяйственные, а спекулятивно-промышленные заводы, служатъ слѣдующіе факты: въ 1867 году было винокуренныхъ заводовъ въ Имперіи и Цар-

ствѣ Польскомъ 5.011, въ 1879 г. ихъ имѣется только 2.752; но при этомъ выкурка вина увеличилась на 10 миллионъ ведеръ въ годъ, считая въ 40° крѣпости.

Обеспеченіе земледѣлія хорошими сѣменами составляетъ такую важную потребность, безъ которой все прочія мѣропріятія не имѣютъ смысла, и потому винокурение должно поставить въ то положеніе, которое не представляло бы заводчикамъ интереса похищать отъ земли лучшіе сорта хлѣбовъ для помѣщенія ихъ въ квасильные чаны. Для уничтоженія этого хищенія потребно отмѣнить обязательныя нормы выхода вина и взимать акцизъ съ того количества, какое у кого выкурится. При этомъ правилѣ выйдетъ обратное дѣйствіе: все низшіе сорта хлѣбовъ пойдутъ на выкурку вина, а лучшіе на рынки для продажи, въ пищу и на обсеяніе полей *). Конечно, на введеніе этого порядка встрѣтится канцелярское возраженіе, что акцизной администраціи будетъ трудно слѣдить за учетомъ винокуренныхъ заводовъ; но въ этомъ еще нѣтъ такой бѣды, какую представляетъ потеря зерновыхъ сѣмянъ. Пусть лучше будетъ лишній трудъ акцизной администраціи, чѣмъ уничтоженіе лучшихъ сортовъ хлѣба.

Послѣ сѣмянъ, вопросомъ первой важности оказывается удобреніе полей, находящееся въ зависи-

*) Въ Германіи существуетъ законъ, воспрепятствующій хорошіе сорта хлѣбовъ употреблять на винокурение. В. К.

мости отъ увеличенія скотоводства, которое невозможно безъ винокуренной барды, возможной къ полученію вблизи каждой деревни; но здѣсь мы опять встрѣчаемся съ акцизною системою, которая, имѣя однообразный во всей Россіи акцизъ съ вина, почти все винокурение сѣверныхъ губерній передвинула въ черноземныя губерніи. Это передвиженіе произошло вслѣдствіе того, что оказалось выгоднѣе ввозить, положимъ, изъ Тамбовской губерніи въ Новгородскую, хлѣбъ въ видѣ спирта, такъ какъ кулъ хлѣба вѣситъ девять пудовъ, а когда онъ обращенъ въ спиртъ, тогда все спирта, извлеченнаго изъ этого куля, составляетъ два пуда 30 фунтовъ. Выгодность привоза изъ черноземной полосы въ сѣверныя губерніи спирта, вмѣсто хлѣба, была давнымъ-давно известна; но этотъ привозъ графомъ Канкринымъ, какъ вредный для сѣверныхъ полей, былъ затрудненъ: онъ дозволялся каждый разъ по особому разрѣшенію Министерства Финансовъ и только въ случаяхъ неурожая въ какой нибудь сѣверной губерніи. Сверхъ того, сѣверное винокурение, какъ средство, дающее удобреніе, поддерживалось графомъ Канкринымъ искусственно. Поддержка эта выражалась въ слѣдующемъ: во время управленія министерствомъ графа Канкринна и до 1863 года, все потребное для сѣверныхъ губерній количество вина заготовлялось посредствомъ казеннаго распоряженія. Это дѣлалось такъ: положимъ, что для Тверской губерніи нужно ежегодно 1½ миллионна ведеръ вина, то на

поставку $\frac{1}{3}$ этого количества назначались торги по запечатаннымъ объявленіямъ, на которыхъ могли участвовать заводчики черноземныхъ губерній, а $\frac{2}{3}$ распредѣлялись пропорціонально между мѣстными Тверскими заводчиками безъ торговъ, съ прибавкою этимъ мѣстнымъ заводчикамъ 40% къ состоявшейся на торгахъ цѣнѣ, при производствѣ ихъ на первую треть.

Если для огражденія сѣвернаго сельскаго хозяйства отъ подрыва его привознымъ виномъ слѣдовать примѣру Финляндіи, то пришлось бы совѣмъ запретить ввозъ хлѣбнаго вина и спирта. Замѣтимъ здѣсь, что Финляндія не только не впускаетъ къ себѣ хлѣбнаго вина, но даже и мяса, чтобы поставить населеніе въ необходимость создать себѣ собственное мясное и винное продовольствіе. Въмѣсто этой крутой мѣры, намъ достаточно обложить дополнительнымъ акцизомъ (примѣрно отъ полушки до одной копѣйки съ градуса) вино, привозимое изъ черноземныхъ губерній въ сѣверныя. Одна полушка можетъ быть установлена для губерній сопредѣльныхъ съ черноземною полосой, а копѣйка для губерній отдаленныхъ отъ этой полосы. Въ такомъ государствѣ, какъ Россія, при разнообразіи почвенныхъ и климатическихъ условій, когда въ одинъ день, положимъ въ мартѣ, можно въ одномъ концѣ государства замерзнуть въ снѣжныхъ вьюгахъ, а въ другомъ — быть убитымъ молніей, нельзя установить безъ тяжкаго стѣненія для народа общія правила въ видѣ однообразнаго акциза съ вина.

Поклонники предвзятыхъ теорій въ вопросахъ экономическихъ не разъ засвидѣтельствовали свою благонамѣренность: они искренно желаютъ добра человѣчеству, но ихъ взглядъ основанъ, къ сожалѣнію, на изученіи однихъ лишь иностранныхъ сочиненій. Они изслѣдовали Европу; имъ, какъ говорится, и книги въ руки; но они не видали скудной кладовой Русскаго крестьянина, не бывали въ его пустомъ хлѣбномъ амбарѣ, не подмѣчали, какъ въ концѣ зимы раскрывается соломенная крыша для того, чтобы этою гнилою соломою поддержать существованіе изнемогающаго отъ голода скота; они не осматривали скотныхъ хлѣвовъ въ апрѣлѣ, когда коровъ, истощенныхъ недостаткомъ корма, поднимаютъ колыями, чтобы поставить на ноги и вытолкать въ поле. Если бы кто нибудь изъ теоретиковъ потрудился осмотрѣть все это, то, нѣтъ сомнѣнія, при ихъ добросовѣтности, они сказали бы: „мы изучили прилежно многое, кромѣ того только, что намъ нужно было изучить“. Европейскіе экономическіе знахари, прежде чѣмъ признать за собою право участія въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся общихъ интересовъ жизни, исходили пѣшкомъ: Нѣмцы свою Германію, Англичане — Великобританію, и передъ ихъ мышленіемъ всегда во всей своей величинѣ стояла самая суть дѣла, т. е. нужды и потребности мѣстнаго населенія.

Если, при всей благонамѣренности и даже при порывахъ добрыхъ желаній, у насъ выходитъ во многомъ что-то нескладное и непрilожимое къ

жизни, то причина этому лишь та, что корень нашего мышления по вопросам общаго благоустройства происходит не изъ своей родной почвы. Самый громогласный порицатель нашего сельскаго хозяйства — степной быкъ, и объ этомъ быкъ было гдѣ-то сказано мною слѣдующее. Нѣтъ надобности доказывать того, что гдѣ мало скота, тамо мало и хлѣба и совершенный недостатокъ въ мясѣ. Мы надѣмся въ отношеніи мяса на Донскія и другія степи и бездѣйствуемъ на Сѣверѣ, вовсе не заботясь о заботѣ объ устройствѣ нашего экономическаго положенія. Самый громогласный порицатель нашихъ безпорядковъ относительно винокуренія и сельскаго хозяйства, — это Черноморскій быкъ, шагающій 2.000 верстъ съ береговъ Кубани на берега Невы, чтобы продовольствовать своимъ мясомъ Петербургскихъ экономистовъ съ предвзятыми теоріями. Быкъ этотъ можетъ служить вѣрнымъ барометромъ нашего экономическаго положенія. Когда онъ будетъ направлять шаги съ Кубани къ Черноморскимъ портамъ для ростбифовъ въ Лондонѣ, тогда экономическій барометръ будетъ выражать перемену къ лучшему; т. е. выражать то, что на Сѣверѣ имѣется уже свое скотоводство; но когда и Донской быкъ направится вмѣсто Невы къ Черному морю, тогда барометръ покажетъ „ясно“, и тогда мы будемъ, подобно Эстляндіи, имѣть свое мѣстное мясо въ каждой губерніи. Внѣ этого барометра не существуетъ никакихъ доказательствъ нашего сельскаго благоустройства: какъ

бы мы себя ни превозносили въ отчетахъ и какія бы ни приводили цифры, удостовѣряющія наше благополучіе, все это будетъ ложь, самообманъ, пока быкъ своими шагами въ обратную сторону, т. е. къ Черному морю, не засвидѣтельствуетъ нашу экономическую зрѣлость.

Вредоносность вводимыхъ въ жизнь системъ, безъ соглашенія ихъ съ практикою, состоитъ главнѣйше въ томъ, что системы эти своимъ однообразіемъ, въ родѣ одинаковаго акциза съ вина для всей Россіи, гнетутъ народную жизнь, требующую для экономическаго успѣха, различія въ правилахъ, чтобы, напримѣръ, для Вологды было сдѣлано то, что ей потребно, а для Воронежа не дѣлалось бы того, что полезно одной только Вологдѣ. Если кому нибудь изъ числа теоретическихъ попечителей о нашихъ нуждахъ придется проѣхать по Выборгской губерніи, то просимъ ихъ обратить вниманіе на тамошнее винокурение, породу скота, равно какъ на цѣну мяса, и убѣдиться въ томъ, что благоустройство сельскаго быта достигнуто тамъ только тѣмъ, что, при обсужденіи сельскохозяйственныхъ вопросовъ, рѣшающія лица руководились соображеніями мѣстныхъ жителей, не стѣняясь никакими учеными мнѣніями. Въ противоположность этому, при проѣздѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ чрезъ Любань, просимъ обратить вниманіе на разрушенный, недѣйствующій винокуренный заводъ г. Стобеуса, находящійся возлѣ самой станціи съ правой стороны дороги, по пути изъ Петербурга въ Москву.

Если бы заводъ г. Стобеуса не былъ поставленъ въ бездѣйственное положеніе вліяніемъ акцизной системы, установившей однообразный акцизь для всей Россіи, то заводъ этотъ откармливалъ бы на бардѣ не только то количество быковъ, какое нужно для Любани, но удѣлялъ бы часть мяса и для Петербургскаго рынка; а теперь наоборотъ: Петербургъ снабжаетъ мясомъ, привозимымъ въ него изъ степныхъ мѣстностей, не только Любань, но и ближайшія къ ней станціи Николаевской желѣзной дороги: Чудово, Вишеру, Окуловку и другія, между ними лежащія, что ясно выражаетъ, что пространство, облегающее Николаевскую желѣзную дорогу, представляетъ собою голодную пустыню, по случаю отсутствія барды и скотоводства.

Мы указали на заводъ Стобеуса потому, что его видно изъ вагона; но есть тысячи подобныхъ разрушенныхъ заводовъ въ сѣверной полосѣ Россіи, ни откуда невидныхъ. Разрушеніе это подорвало все наше сѣверное земледѣліе: на пахотной землѣ не оказалось удобренія, а на столѣ крестьянской избы полезнаго питанія.

Выше этого мы указывали на процвѣтаніе сельскаго хозяйства въ Остзейскихъ губерніяхъ, достигнутое устройствомъ мелкихъ винокуренъ. Намъ на это говорятъ: что же мѣшаетъ нашимъ сѣвернымъ губерніямъ заводить у себя мелкія винокурни? Вѣдь подрывъ со стороны черноземной полосы не вредитъ Остзейскимъ губерніямъ, куда вино каждый

можетъ привозить; такъ почему же этотъ подрывъ такъ страшенъ въ сѣверныхъ губерніяхъ?

Вотъ отвѣтъ: Остзейскія губерніи начали устройство мелкихъ винокуренъ и картофельные посѣвы семьдесятъ лѣтъ назадъ. До 1863 года, пока существовала откупная система, ни капли вина не могло быть привозимо изъ Россіи въ Остзейскій край, и въ это-то время образовались тамъ сельскохозяйственныя винокурни и картофельные посѣвы въ полномъ размѣрѣ, соответствующемъ объему мѣстнаго сельскаго хозяйства.

Нельзя не пожалѣть, что акцизная система, имѣющая очевидныя преимущества предъ стѣснительною системою откупа, система, развившая у насъ водочное и пивоваренное производства и доставившая лучшую очистку вина, не была согласована съ интересами земледѣлія. Откупъ былъ тягостенъ для народнаго кармана, акцизная система истощила и обезсилила почвенную силу сѣверныхъ губерній и вообще у всей Россіи отняла и истребила зерновыя сѣмена.

Извлеченіе изъ доклада 1 ноября 1883 года.

Прошло три года съ того времени, какъ я докладывалъ вопросъ о невозможности веденія правительнаго сельскаго хозяйства вообще въ Россіи и, въ особенности, въ сѣверныхъ губерніяхъ, безъ устройства мелкихъ сельскохозяйственныхъ вино-

курень. Нынѣ вопросъ этотъ хотя и не вступилъ еще въ права гражданства, но можно выразиться такъ, что онъ приближается къ пути признанія въ немъ необходимой основы благоустройства сельскаго хозяйства. Въ этомъ заключеніи насъ убѣждаютъ отзывы сельскохозяйственныхъ обществъ, взгляды той части Русской печати, которая серьезно относится къ потребностямъ Русской жизни, мнѣнія многихъ изъ гг. землевладѣльцевъ, внимательно ведущихъ сельское хозяйство, и, наконецъ, та сочувственность къ образованію мелкихъ винокурень, которая выразилась въ Министерствѣ Финансовъ желаніемъ ознакомиться съ подробностями этого вопроса, послѣдствіемъ чего образовалось и наше сегодняшнее засѣданіе. Мы въ правѣ сказать, что зерно показало первоначальный ростокъ, и если при дальнѣйшемъ его ростѣ оно будетъ защищено отъ бурь и непогодъ, то мы, быть можетъ, доживемъ до полныхъ всходовъ*).

Бури эти, безъ сомнѣнія, подуютъ изъ канцелярскихъ сферъ, порождаемыя страхомъ и опасеніемъ, что всякое коренное преобразованіе въ си-

*) Надежда эта оказалась напрасною. Никакихъ новыхъ ростковъ не вышло, система осталась та же съ накидкою на нее разныхъ заплатъ, а всѣ бывшія совѣщанія и разсужденія были затѣяны съ предрѣшеніемъ не дѣлать никакихъ коренныхъ измѣненій; слѣдовательно характеръ совѣщаній изобразился въ одномъ лишь бесполезномъ многоглаголаніи; короче сказать, вышло водотолченіе и пустоцвѣтъ, такъ что послѣ 1883 года прошло еще три года, а сельское хозяйство все еще находится безъ барды, а поля безъ удобрения. В. К.

стемѣ питейнаго сбора можетъ уменьшить питейный доходъ.

Придавая, съ нашей стороны, полнѣйшую важность не только сохраненію питейнаго дохода въ существующей цифрѣ, но и признавая необходимость въ дальнѣйшемъ его ростѣ въ виду возрастающихъ потребностей государства, мы полагаемъ, что сохранность дохода зависитъ не отъ системы сбора его, а отъ самаго потребленія вина и отъ добросовѣстности лицъ, наблюдающихъ за поступленіемъ питейнаго сбора.

Здѣсь совершенно кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ лицахъ, посредствомъ которыхъ собирается ежегодно болѣе 200 милліоновъ рублей акциза съ вина, т. е. прямо говоря, объ управляющихъ акцизными сборами. Всѣ эти лица выражаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ полнѣйшую заботливость и честность. Самый переходъ отъ откупной системы къ акцизной совершёнъ ими безъ всякихъ затрудненій и колебаній, доходы казны съ перваго же года стали увеличиваться и до сихъ поръ продолжаютъ постоянно возрастать. Затѣмъ, на всемъ пространствѣ Россіи нигдѣ не было никакихъ случаевъ хищенія, и всѣ мы, Русскіе люди, въ правѣ гордиться такимъ надежнымъ составомъ главныхъ акцизныхъ дѣятелей, собраннымъ не по формулярнымъ спискамъ, а по предусмотрительному выбору, сдѣланному К. К. Гротомъ. Съ такимъ акцизнымъ персоналомъ можно идти смѣло на всякое преобразованіе въ сборѣ питейнаго дохода.

Послѣ сказанныхъ мною словъ я въ правѣ ожидать замѣчанія, въ родѣ слѣдующаго: почему же, при отличномъ составѣ акцизныхъ управляющихъ, помѣщичьи хозяйства, основанныя на винокурениі, рушились, семейства многихъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, лишенныхъ крова и хлѣба, перешли въ станъ недовольныхъ, а въ деревняхъ и селеніяхъ появились массы пропившихся крестьянъ? На это отвѣтъ слѣдующій: бѣдствія произошли отъ свойства системы, которая, будучи растеніемъ чуждымъ, ни къ чему иному не могла привести, какъ къ экономической гибели; но это нисколько не уменьшаетъ значенія честнаго труда исполнителей, которые, не имѣя ни права, ни силы измѣнить основы системы, старались единственно о цѣлости казеннаго дохода.

Но чего же не доставало въ акцизной системѣ? Система эта пришла къ намъ изъ Европы, гдѣ она существуетъ, не только не вредя сельскому хозяйству, но даже содѣйствуя его развитію; а у насъ вышло совершенно наоборотъ. Спрашивается: чего же у насъ недоставало? Англія представляетъ собою высшее развитіе сельскаго хозяйства при акцизной системѣ, и Германія то же самое; но у насъ вредоносность системы, очевидно, произошла отъ того, что чего-то недоставало.

Да, недоставало бездѣлицы — землевѣдѣнія и народознанія; недоставало знакомства съ народными нуждами и потребностями. Мы Россію принимали, подобно Англіи и Германіи, за государство, тогда

какъ Россія *вовсе не государство, а вселенная*. Развѣ есть другое на земномъ шарѣ подобное Россіи пространство подъ однимъ скипетромъ, въ которомъ, въ одинъ день, на одномъ концѣ можно замерзнуть, а на другомъ быть убитымъ грозой, въ которомъ на одномъ концѣ живутъ бѣлые медвѣди, а на другомъ расхаживаютъ тигры, въ которомъ на одномъ концѣ никогда не оттаиваетъ земля, а на другомъ зрѣетъ виноградъ. И вотъ, когда эту *вселенную*, имѣющую между бѣлыми медвѣдями и тиграми различныя климатическія и почвенныя условія, нарядили въ кафтанъ однообразной акцизной системы, то очень понятно, что при первомъ вздохѣ *вселенной* чужой узкій кафтанъ по всѣмъ швамъ лопнулъ, и мы очутились въ разодранной одеждѣ. И такъ, въ основѣ акцизной системы оказался пробѣлъ, заключающійся въ томъ, что не было принято въ соображеніе значеніе Россіи, ея величина, разнообразность климатическихъ и почвенныхъ условій, словомъ, всѣ особенности Россіи противъ другихъ государствъ.

Германія не Россія, у Германіи различіе въ климатѣ и почвѣ не такъ рѣзко, какъ у насъ; но и тамъ существуютъ три системы питейнаго сбора, соглашенныя съ интересами каждой мѣстности и ограждающія Восточную Пруссію, какъ болѣе бѣдную часть государства, отъ подрыва ея со стороны винокурения въ Баваріи.

У насъ не было этой дальнозоркости, и мы отдали всѣ наши 15-ть сѣверныхъ холоднопочвен-

ныхъ губерній въ подрывъ винокурению, развившемуся съ 1863 года въ черноземной полосѣ. Мы отняли у сѣверной почвы удобреніе и возможность откармливать скотъ и перемѣстили скопленіе удобреній туда, гдѣ оно не нужно. Вотъ лохмотья, появившіяся на надѣтомъ на насъ чужомъ кафтанѣ, лохмотья, искалѣчившія жизнь многихъ тысячъ семействъ.

Неоспоримая польза мелкихъ винокуренъ для сельскаго хозяйства ясно доказана размноженіемъ ихъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Постоянно слышится возраженіе: кто же мѣшаетъ въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ завести мелкія винокурни? Въ сотый разъ мнѣ приходится на это отвѣчать, что мѣшаетъ привозное изъ черноземныхъ губерній вино, съ которымъ не можетъ конкурировать сѣверное винокурение. Но возражатели простираютъ свои слова далѣе, говоря: почему же черноземное вино не подавляетъ своимъ привозомъ Эстляндію? Отвѣчаемъ: каждый торговецъ, кто бы рѣшился привезти вино—положимъ изъ Тамбова въ Дерптъ—не найдетъ тамъ никакого пункта для продажи его, такъ какъ ему не дадутъ права на открытіе мѣста продажи. Финляндія еще строже относится къ этому дѣлу: туда вовсе не дозволенъ ввозъ хлѣбнаго вина и спирта.

Одного сочувствія къ устройству мелкихъ винокуренъ недостаточно; ихъ и теперь никто не запрещаетъ строить; но онѣ не могутъ возникнуть по невыгодности винокурениа въ сѣверныхъ губер-

ніяхъ. Надобно придать сельскохозяйственному винокурению доходность, и тогда мелкія винокурни быстро образуются. Доходность эта можетъ быть усвоена или запретомъ привоза изъ черноземной полосы, или различными акцизами. Я останавливался на такой мысли, чтобы при существованіи однообразнаго акциза выдавать, по окончаніи винокурннаго года, часть этого акциза мелкимъ винокурнямъ обратно; но чтобы эта выдача не уменьшила нынѣ получаемый казною доходъ, то самый акцизъ возвысить на 1 к. съ градуса. Этою мѣрою можно бы было урегулировать интересы винокурениа; но впоследствии явилась другая мысль, изложенная въ передовыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, о заготовленіи всего потребнаго количества вина правительственнымъ распоряженіемъ, и я, стремясь къ согласованію винокурениа съ интересами земли и народа, безъ всякаго пристрастія къ собственнымъ взглядамъ, нахожу, что означенный способъ еще вѣрнѣе обезпечиваетъ возрожденіе мелкихъ винокуренъ и представляетъ, безъ всякой пестроты въ акцизахъ, полную возможность сдѣлать винокурение повсемѣстно прибыльнымъ, слѣдовательно и дающимъ возможность къ увеличенію скота и удобренію полей.

Говоря о вопросахъ экономическихъ, слѣдуетъ проникнуться сильнымъ сердечнымъ стремленіемъ къ тому, чтобы горькое ощущеніе переживаемой нами постыдной приниженности, выражающейся въ постоянномъ подражаніи чужеземному строю эконо-

мической жизни, замѣнилось новымъ всенароднымъ чувствомъ, ободряющимъ и одушевляющимъ нашъ духъ, чувствомъ государственно-народной гордости, основанной на успѣхахъ самосознательныхъ мѣропріятій, и чтобы въ то же время канцелярская самонадѣянность покаялась въ своихъ заблужденіяхъ и освѣжила свои мысли духомъ смиренномудрія, способнаго почерпать законодательныя вѣдѣнія не изъ архивной пыли, а изъ живого источника жизненной струи, и тогда населяемая нами *вселенная* получитъ твердую способность встать на свои ноги и показать свой исполинскій ростъ во всей его величинѣ. Поспѣшимъ же эту способность засвидѣтельствовать въ глазахъ всѣхъ обновленіемъ и улучшеніемъ нашего сельскаго хозяйства, безъ котораго мы не войдемъ въ обѣтованную землю благоустройства. Но какъ только мы будемъ стоять на твердой почвѣ экономическаго развитія и будемъ руководиться во всѣхъ другихъ своихъ дѣйствіяхъ духомъ смиренномудрія, тогда нѣтъ силы, могущей сломить нашу силу. О, какое высокое положеніе, не проявляя никакой грубой силы, достигнуть всесвѣтнаго сознанія въ томъ, что нашей силѣ нѣтъ ни конца, ни предѣла! Многимъ покажется, что я свернулъ въ сторону съ своей дороги, заговоривъ о государственно-народной силѣ при вопросѣ о мелкихъ винокурняхъ. Нѣтъ, я на своей дорогѣ. Въ теченіи настоящаго столѣтія мы неоднократно видѣли, что сила крѣпостей и армій подвергалась поражению, а на сторонѣ непобѣдимости были силы

духа и мускульной крѣпости, и онѣ-то стояли, какъ неприступная твердыня; но орудія этой твердыни невозможно укрѣпить безъ домашняго довольства (пирога и мясныхъ щей), недостижимаго при существующей нынѣ акцизной системѣ.

Во время крѣпостного права бывали рѣдкіе случаи отобранія у крестьянъ части удобренія на господскія поля и части скота на господскій дворъ, и отъ этого неизбѣжно страдали только отдѣльныя крестьянскія хозяйства; а со времени введенія акцизной системы вся Русская земля оказалась въ отношеніи сельскаго хозяйства въ крѣпостной акцизной зависимости, такъ какъ прекращеніе мелкаго винокурения, послѣдовавшее отъ однообразія акциза, отняло у скота барду, у крестьянъ — скоть, а у полей — удобреніе и, въ добавокъ къ этому, раскинутая по всей Россіи сѣть безпредѣльнаго количества кабаковъ уловила въ нихъ послѣдніе гроши, извративъ, притомъ, развитіемъ пьянства семейный бытъ и добрую нравственность. Эти взгляды и убѣжденія раздѣляются всеми; ибо горькія послѣдствія пьянства очевидно выражаются на сельскомъ хозяйствѣ землевладѣльцевъ, на производствахъ фабричныхъ и заводскихъ работъ и на бытѣ крестьянъ. Послѣ этого возможно ли такую вредоносную систему штопать какими-то заплатами въ видѣ прибавленія къ ней новыхъ параграфовъ? Такое штопанье при общемъ сознаніи бѣдствій, наносимыхъ системою, выразило бы въ насъ, по меньшей мѣрѣ, бесполезныхъ говоруновъ; скажу болѣе,

выразило бы предательство, исполненное преступнаго безчувствія и возмутительнаго хладнокровія. Да не будетъ такъ! Да не падетъ на насъ этотъ позоръ! Тѣ стenanія, которыя слышатся изъ каждой деревни о пропойствѣ, и тѣ лишенія холоднопочвенныхъ губерній барды и удобренія, которыя отняли у взрослыхъ — питаніе, а у дѣтей молоко, должны насъ подвинуть къ рѣшительному слову, т. е. къ тому, что *вся дѣйствующая акцизная система, съ безчисленными къ ея уставу циркулярными дополненіями, не стоитъ никакой починки и должна быть сдана въ архивъ вѣчнаго забвенія; въ замѣнъ же ея должна явиться система, согласенная съ интересами земли и народа, и согласованіе это должно выразиться фактически въ согрѣваніи почвы сѣверныхъ полей удобреніемъ и въ появленіи въ крестьянской избѣ мясного приварка, доказывающаго увеличеніе домашняго скота.*

Въ заключеніе всего сказаннаго, считаю необходимымъ очертить желаемую картину съ слѣдующими видами.

На первомъ планѣ распаханная и удобренная поля сѣверныхъ губерній и выгоны съ большимъ количествомъ скота, а на крестьянскомъ столѣ — пропеченный хлѣбъ, безъ примѣси мякины, и мясное варево. То и другое можетъ быть выражено избыткомъ винокуренной барды, правильно по всему государству распространенной, и прекращеніемъ повсюду распивочной продажи вина, могущимъ отрезвить голову крестьянина и направить его мысли

къ семейному очагу, а руки къ земледѣльческому труду.

На второмъ планѣ — нѣсколько тысячъ сельскохозяйственныхъ помѣщичьихъ усадебъ съ водворившимися въ нихъ семействами, наслаждающимися благами полнаго сельскаго довольства.

На третьемъ планѣ — погружаемый въ корабли хлѣбный спиртъ для отправки его за границу, выкуранный на промышленныхъ большихъ заводахъ и отправляемый въ увеличенномъ противу нынѣшняго количества размѣрѣ, влѣдствіе установленія облегченныхъ для вывоза спирта правилъ.

Далѣе виденъ довольный своимъ обезпеченнымъ положеніемъ заслуженный солдатъ, нашедшій себѣ хлѣбъ и приютъ при продажѣ вина въ казенной винной лавкѣ.

Фонъ картины освѣщается значительнымъ улучшеніемъ биржевого курса, происходящимъ отъ правильной постановки питейнаго сбора, вывоза спирта за границу и отъ развитія общаго сельскаго благоустройства.

Затѣмъ въ этой картинѣ является только одно тѣневое мѣсто — это плачущій нынѣшній кабатчикъ.

*

Всѣ вышеизложенныя соображенія о винокурении заключимъ знаменательными словами графа Банкринна, сказанными въ сороковыхъ годахъ. „Меня упрекаютъ“, сказалъ графъ, „за то, что сѣвернымъ винокурамъ я прибавляю нѣсколько милліоновъ руб-

лей въ годъ противъ цѣнъ, назначаемыхъ заводчикамъ черноземной полосы. Это говоритъ незнаніе дѣла: вѣдь я дѣлаю прибавку не заводчикамъ, а землѣ, чтобы не оставить ее безъ удобренія, а иначе содержаніе массы нищихъ будетъ стоить гораздо дороже этой прибавки“.

Нынѣ уже исполнилось 25-ть лѣтъ съ того времени, какъ государственная дальноркость графа Канкринъ выразилась, къ несчастію, на самой жизни, но мы, убѣдившись на опытѣ въ вредныхъ послѣдствіяхъ акцизной системы, продолжаемъ жить съ этимъ зломъ $\frac{1}{4}$ столѣтія (считая съ 63 г.), не думая напрягать наше вниманіе на способы къ устраненію бѣдствій.

Еще одно слово. Заниматься, въ настоящее время, разсужденіями о штопаньи разныхъ параграфовъ пагубной акцизной системы и придумывать къ ней различныя заплаты—значило бы не понимать важности переживаемаго нами экономическаго разстройства. Повторимъ сказанное. Мы ни на минуту не должны отрѣшаться отъ мысли, что теченіе народной жизни не можетъ быть направлено на путь спокойствія и благоденствія *никакими иными мѣрами*, кромѣ согласованія экономическихъ законоположеній съ нуждами и потребностями земли и народа.

Всякое собраніе, со всеми его разсужденіями, минуящее вышеизложенныя цѣли и обсуждающее какіе-то новые параграфы, изображаетъ изъ себя бесполезное и утомительное водотолченіе. Будемъ

откровенны и скажемъ прямо: водотолченіе это уже давно всехъ утомило и всемъ надоѣло, потому что многими опытами и десятками минувшихъ лѣтъ доказано, что оно не имѣетъ не только никакой жизненной силы, но, составляя напрасную трату времени, всегда порождаетъ законопроекты, угнетающіе народную жизнь.

Въ самомъ началѣ этихъ воспоминаній было сказано, что если бы не существовало у насъ пережитыхъ нами экономическихъ проваловъ, то Россія по своему внутреннему богатству стояла бы на первой степени Европейской финансовой силы. Теперь, сосредоточившись на девяти описанныхъ мною провалахъ, позволяю себѣ сказать гораздо сильнѣе, именно: еслибы этихъ проваловъ не было, Россія владѣла бы, на правахъ полного хозяина, денежнымъ рынкомъ всей Европы, т. е. была бы тѣмъ, чѣмъ подобаетъ ей быть по ея народонаселенію и объему Русской земли.

Представимъ себѣ, хотя мысленно, то великое значеніе, которое намъ было, такъ сказать, на роду написано и неоднократно указываемо Русской народной мыслию, и котораго мы непремѣнно бы достигнули, если бы обновляли экономическую жизнь нововведеніями, заимствованными прямо отъ жизни, не сбиваясь съ дѣйствительнаго пути на какой-то извращенный путь, т. е.:

если бы мы жили на мѣдную гривну, а не на серебряный рубль, развившій въ насъ вредную похоть къ расходамъ.

если бы мы избѣжали Крымской войны, предотвративъ ее сооруженіемъ въ 40—50 годахъ желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю.

если бы мы не надѣвали насильно на крестьянское и рабочее населеніе линючей и непрочной ситцевой ткани и, вмѣсто платежа денегъ за хлопокъ, направили бы эти деньги не за границу, а въ избу земледѣльца за домашній ленъ.

если бы мы не омертвили Сибирскій трактъ разрѣшеніемъ ввозить чай по западной границѣ и продолжали бы получать этотъ чай въ Кяхтѣ, посредствомъ размѣна его на произведенія нашихъ фабрикъ, не расходуя на покупку чая монеты.

если бы мы, въ 1857 году, вмѣсто сооруженія Варшавской дороги, начали нашу желѣзнодорожную сѣть съ замосковныхъ дорогъ и сберегли тѣмъ сотни милліоновъ, потраченныхъ за границей по случаю обезцѣненія нашихъ бумагъ.

если бы мы, не слушая внушеній пресловутыхъ *они*, не уничтожали бы опекунскихъ совѣтовъ и не раззоряли бы землевладѣльцевъ лишеніемъ кредита.

если бы мы, прежде приступа къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ, образовали у себя рельсовые, локомотивные и другіе заводы, нужные для желѣзнодорожнаго дѣла, и не бѣгали бы за каждой гайкой за границу.

если бы мы однообразіемъ акциза съ вина не убили бы сельскохозяйственнаго винокуренія и безграницнымъ открытіемъ кабаковъ не спаивали бы народа.

если бы мы не ослабили въ дворянскихъ имѣніяхъ сельско-хозяйственнаго винокуренія посредствомъ даннаго права всеѣмъ сословіямъ устраивать спекулятивно-винокурные заводы, и т. д. и т. д.

Подводя итогъ всеѣмъ этимъ *если*, интересно знать, какую бы цифрою потерь онъ выразился? Совершенно безошибочно будетъ сказать, что итогъ этотъ, когда бы можно было его сосчитать въ цифрахъ, оказался бы слишкомъ вдесятеро противъ той контрибуціи, которую взяла Германія съ побѣжденной ею Франціи въ 1870 году.

Вотъ куда ушло богатство Россіи, вотъ отчего образовалось наше обнищаніе!

Десятый провалъ.

Описываемый провалъ, получивъ свое начало прежде 1856 г., продолжаетъ и донинѣ угнетать нашу жизнь самыми разрушительными послѣдствіями. Онъ состоитъ въ томъ, что знаменитые *они* какъ будто сговорились съ нашими западными за-вистниками и стали соединенными силами, въ рѣчахъ, въ печати и, наконецъ, въ государственныхъ воззрѣніяхъ, проводить идею, придавая ей значеніе какого-то догмата, о невозможности Верховной Власти разрѣшать—безъ потрясенія финансовъ—печатаніе безпроцентныхъ денежныхъ бумажныхъ знаковъ на какія бы то ни было производительныя и общепользныя государственныя потребности. Известно, что въ основаніи этой проповѣди лежало въ Европѣ желаніе ограничить силу Власти и поставить ей въ денежномъ вопросѣ извѣстную преграду для предотвращенія войны, чего на дѣлѣ достигнуто не было: потому что во время военныхъ дѣйствій всякія ограниченія исчезали, и выпускъ бумажныхъ денегъ появлялся въ томъ количествѣ, какое необходимо было для покрытія военныхъ из-

держекъ. Мы видѣли, что вышеозначенное научное правило не могло задержать и у насъ появленіе бумажныхъ знаковъ ни въ Крымскую, ни въ Восточную войны; но потомъ, по водвореніи мира и спокойствія, безусловное соблюденіе этого правила ложилось на народную жизнь самымъ угнетающимъ образомъ.

Для выясненія всѣхъ гибельныхъ послѣдствій этого провала, необходимо войти въ многостороннее обсужденіе всѣхъ причинъ и обстоятельствъ, низвергнувшихъ насъ въ глубокую пропасть безвыходныхъ затрудненій.

Послѣ Крымской войны, мы никакъ не рѣшались строить желѣзныя дороги на безпроцентныя бумажныя деньги, несмотря на то, что народная жизнь принимала ихъ въ полномъ рублѣ и съ полнымъ довѣріемъ, и мы бы могли платить этими деньгами за всѣ земляныя, каменные, плотничныя и т. п. работы. Мы бы могли на эти деньги построить дома, у себя, всѣ нужные для желѣзнодорожнаго дѣла заводы; но мы, неизвѣстно зачѣмъ и почему, не рѣшались отступить отъ исполненія чужеземнаго догмата, вовсе не подходящаго къ образу Всероссійскаго правленія, и всецѣло подчинились указаніямъ заграничныхъ экономическихъ сочиненій. Мы имѣли ложную боязнь, что при значительномъ выпускѣ бумажекъ нашъ рубль сильно упадетъ, и потому пустили въ ходъ на иностранныя биржи наши векселя съ 5% интересовъ, т. е. облигаціи желѣзныхъ дорогъ и другихъ займовъ, и отдавали ихъ съ ус-

тупкою болѣе 30%. Что же вышло? Нашъ рубль все-таки упалъ на 40%. Если-бы это паденіе случилось (при постройкѣ желѣзнодорожной сѣти, безъ займовъ, посредствомъ безпроцентныхъ бумагъ) даже болѣе чѣмъ на 40%, то наше положеніе было бы въ тысячу разъ лучше теперешняго, потому что мы не были бы угнетены долгами и не были бы обязаны платить ежегодно 260 милліоновъ процентовъ за сдѣланные займы. Теперь, не достигнувъ поддержки цѣнности рубля, мы взвалили на народную спину такой долгъ по платежу процентовъ, который поглощаетъ цѣлую треть изъ общаго итога государственныхъ доходовъ, упадая ежегодно въ размѣрѣ около 8 рублей на каждое взрослое мужское лицо. Вотъ вамъ и теорія, вотъ вамъ и плоды какихъ-то иностранныхъ ученій и книжекъ! Такое великое умопомраченіе только и можно объяснить тѣмъ, что если Богъ захочетъ наказать, то отниметъ у людей умъ. Самый простой поселянинъ понимаетъ, что безпроцентный долгъ легче, чѣмъ требующій уплаты процентовъ, и притомъ еще долгъ заграничный съ такими тяжелыми условіями, чтобы уплачивать его металлическими деньгами по векселямъ (облигаціи), проданнымъ со скидкою 20 или 30% и съ отвѣтственностію за курсъ не при займѣ существовавшей, а за курсъ того дня, въ который будетъ произведенъ платежъ. И такъ, извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, въ которую запряжена Русская жизнь лжемудрою теоріей на цѣлые полвѣка, безъ всякаго съ ея стороны вѣдома. Займы

такого губительнаго свойства можно сравнить только съ займами нѣкоторыхъ прапорщиковъ прежняго времени, которые проматывали состояніе своихъ отцовъ, и тѣмъ казнили сами себя, а наши заграничные займы казнятъ всѣхъ насъ, съ мала до велика.

Нѣтъ, нельзя допустить такой мысли, чтобы дѣятели, создавшіе означенную кабалу, уже до такой степени были непрозорливы, что не сознавали вредныхъ и совершенно очевидныхъ послѣдствій своихъ дѣйствій. Тутъ лежало другое руководящее возрѣніе, и мы попробуемъ подойти къ раскрытію его.

Все то, что было отяготительно Русскому правительству и народу, было желательно Европѣ, потому что всякое наше оскудѣніе усиливало Европейское вліяніе на Россію. Европа постигала, что вѣрноподанная Россія, преданная въ глубинѣ души безусловному исполненію царской воли, всегда готова двинуться всюду, по первому съ высоты престола мановенію; а дабы положить этой силѣ преграды и затрудненія, надобно было сверхъ другихъ экономическихъ козней связать намъ руки, т. е. подчинить правилу, что, вмѣсто простыхъ денежныхъ знаковъ, можно выпускать только процентныя бумаги съ продажей ихъ на Европейскихъ биржахъ, дабы этимъ способомъ постепенно вовлекать насъ въ неоплатные долги, а Верховной Русской Власти противопоставить власть Ротшильдовъ и т. п. заправителей биржевого курса, и *сдѣлать изъ этого курса политическій и финансовый барометръ для*

опредѣленія Русской силы; показанія же барометра заимствовать изъ бюллетеней иностранныхъ биржъ, находящихся въ распоряженіи противниковъ нашего преуспѣанія. Въ этой интригѣ они явились горячими пособниками, затрудняя царскую мысль и волю во всѣхъ ея стремленіяхъ къ созиданію Русскаго благоустройства на свои домашнія средства; словомъ, они возродили власть принциповъ и подчинили имъ боготворимую Русскимъ народомъ его исконную святыню.

Свершилось! Мы раззорились, обѣднѣли и погрязли въ неоплатныхъ долгахъ, а вліяніе Европы стало насъ придавлять самую ужасною тяжестію — тяжестію благоволенія. И пошла Русская жизнь, кое-какъ путаясь съ ноги на ногу, съ поддержкою ея милостивыми благодѣяніями Европейскихъ банкировъ, которые до того вошли во вкусъ порабощенія насъ своей денежной силъ, *отъ насъ же ими заимствованной, во все время всѣхъ предъидущихъ проваловъ съ 1837 года*, что при послѣднихъ займахъ, какъ было это слышно, требовали уже обязательствъ отъ Русскаго правительства о невыпускѣ денежныхъ безпроцентныхъ бумагъ. Какъ ни тяжело наше настоящее положеніе, но еслибы мы могли, наконецъ, сказать сами себѣ, что обѣднѣніе наше раскрыло намъ глаза и дало истинное понятіе о всѣхъ нашихъ провалахъ и, *главное, о причинахъ, ихъ породившихъ*, тогда бы Русская земля нашла въ себѣ средства къ выходу изъ всѣхъ окружающихъ ее затрудненій. „Спасеніе наше дома, въ своей

землѣ“ (слова М. П. Погодина). И кто вѣдаетъ непостижимыя судьбы Всевышняго? Кто знаетъ, что переживаемое нами угнетеніе не есть-ли путь къ нашему вразумленію и возрожденію, путь къ переходу въ ту свѣтлую область соединенія мудрой царской воли съ народнымъ смысломъ, гдѣ уже никакіе *они* не будутъ въ силахъ вносить въ народную жизнь ядовитыхъ измышленій?

Слѣдовало бы, прежде чѣмъ придти къ мысли о невозможности печатать безпроцентныя бумажныя деньги, опредѣлить, сколько для всей Русской жизни нужно вообще денегъ, чтобы можно было расплачиваться ежедневно за трудъ рабочихъ по сельскому хозяйству и фабричному производству и т. д.; потому что, при неимѣннй монеты, исчезнувшей по случаю преждеизложенныхъ проваловъ и предательскихъ тарифовъ, надобно, чтобы были, по крайней мѣрѣ, въ потребномъ количествѣ бумажныя знаки цѣнности. Затѣмъ слѣдовало бы принять въ соображеніе наши разстоянія, на примѣръ: Кавказъ — Архангельскъ, Иркутскъ — С.-Петербургъ, Москву — Ташкентъ, Варшаву — Амуръ и т. д. У насъ никакого исчисленія по этому основному вопросу еще никѣмъ не сдѣлано, и мы сами не знаемъ, много или мало у насъ денежныхъ знаковъ, и скорѣе надобно думать, что ихъ мало, по тѣмъ затрудненіямъ, какія повсюду встрѣчаются въ денежныхъ расчетахъ. Безусловные поклонники чужеземныхъ правилъ, не входя ни въ какія подробности и не исчисливъ размѣра нужнаго для крайнихъ надобностей количества денегъ, громо-

гласно вопіють на всякіе лады о невозможности выпуска бумажныхъ знаковъ, для какого бы общепользнаго и выгоднаго государственнаго дѣла они ни понадобились. Голоса эти слышатся съ 1856-го года, послѣ котораго къ Россіи присоединились умиротворенный Кавказъ и затѣмъ Амурь, Ташкентъ, Карсъ и Батумъ, породившіе новую потребность въ оборотныхъ денежныхъ средствахъ. Но финансисты ничему этому не внемлютъ, ничего знать не хотятъ и продолжаютъ пѣть свою пѣсню и единично, и хоромъ, въ домахъ, въ комитетахъ и на распутияхъ. Въ періодъ времени отъ 1860 до 1875 года, всѣ стояли за невозможность выпуска, и даже самые патріотическіе люди, *Ө. В. Чижевъ* и *И. К. Бабеть*, принадлежали къ этому же воззрѣнію, и въ цѣлой Россіи, въ обществѣ и печати, раздавались только три голоса, желавшіе для постройки желѣзныхъ дорогъ появленія безпроцентныхъ желѣзнодорожныхъ бумагъ, вмѣсто раззорительныхъ процентныхъ займовъ зъ границею. Это были *М. П. Погодинъ*, *А. П. Шиповъ* и *А. А. Пороховщиковъ*; но ихъ за этотъ взглядъ называли не только отсталыми, но и юродивыми.

Здѣсь кстати будетъ рассказать слѣдующее событіе. *Чижевъ* и *Бабеть* начали издавать въ 60-хъ годахъ „Вѣстникъ Промышленности“; имена ихъ были настолько звучны, что редакція журнала „Экономистъ“, издающагося въ Брюсселѣ, обратилась къ нимъ съ просьбою о присылкѣ въ Брюссель молодого человека, знающаго Русскій и Французскій

языки, для перевода статей изъ „Вѣстника Промышленности“ въ Бельгійскій экономическій журналъ, каковая просьба и была удовлетворена. Черезъ годъ послѣ этого, *Чижевъ* пришлось быть въ Брюсселѣ и посѣтить редакцію „Экономиста“, гдѣ обратились къ нему, какъ онъ мнѣ рассказывалъ, съ просьбою взять отъ нихъ обратно Русскаго юношу. На вопросъ *Чижева*, почему этотъ юноша имъ не нравится, отвѣчали, что юноша очень хорошъ, но что экономическія статьи „Вѣстника Промышленности“ не заслуживаютъ перевода на Французскій языкъ, потому что въ нихъ нѣтъ ничего своего, доказывающаго силу Русскаго самовозрожденія, и все вертится около давно извѣстныхъ Европейскихъ взглядовъ, во многомъ уже отжившихъ свой вѣкъ. Вотъ какой взглядъ выразила западно-экономическая литература на тѣ иностранныя воззрѣнія, предъ которыми мы раболѣпно преклонялись.

Еслибы мы построили желѣзныя дороги на свои бумажныя деньги и не состояли въ обязанности никому платить процентовъ, то развѣ бы не могли ежегодно обращать чистый доходъ отъ дорогъ на погашеніе выпущенныхъ бумагъ, и тѣмъ самымъ производить изытіе ихъ изъ обращенія? Изытіе это совершилось бы гораздо скорѣе, чѣмъ теперешняго погашенія заграничныхъ займовъ, потому что не было бы надобности оплачивать потери реализаціи и биржевого курса, равно и процентовъ по займамъ. Да, мы могли бы спасти себя отъ задол-

женности; но мы хотѣли въ глазахъ Европы быть ея покорными учениками, мы считали это за особую честь и не смѣли заикнуться о выходѣ на свой собственный путь, предпочитая лучше увязнуть по самое горло въ долгахъ и завязить въ эти долги нѣсколько будущихъ поколѣній, лишь бы только Европа признавала насъ достойными своей пріязни. Съигравъ такимъ образомъ, что называется, въ дурачки, мы не приобрѣли ни малѣйшей привязанности къ себѣ со стороны Европы, какъ это показали послѣдствія. Скажемъ нѣсколько словъ въ родѣ азбучныхъ прописей: привязанность составляетъ плодъ уваженія, а уваженіе принадлежитъ только тому, въ комъ видятъ самостоятельность мысли и дѣйствія.

Мнимая необходимость дѣлать заграничные займы объяснялась, между прочимъ, мнимымъ челоуколюбіемъ, дабы народъ, при выпускѣ домашнихъ бумагъ, не имѣлъ убытка отъ паденія цѣны Русскаго рубля, до чего, впрочемъ, народу нѣтъ никакого дѣла, потому что онъ за границу не ѣздитъ и съ курсомъ никакой связи не имѣетъ, а между тѣмъ теперь вся тягость по уплатѣ внѣшнихъ займовъ упала на народную жизнь въ видѣ многообразныхъ новыхъ налоговъ, возникшихъ въ послѣднее время. Кромѣ вышесказанныхъ причинъ, дѣйствіями нашихъ финансистовъ руководило желаніе изобразить изъ себя единственныхъ и необходимыхъ людей, знающихъ какую-то финансовую науку, которой якобы никто кромѣ ихъ не знаетъ. Напу-

щенный на насъ туманъ подѣ вымысломъ науки со всею его запутанностью заставляетъ многихъ предполагать, что финансисты уподобляются алхимикамъ, знающимъ секретъ философскаго камня, и что поэтому надобно во всемъ подчиниться ихъ воззрѣніямъ. А камень этотъ, въ то время, пока мы еще не погрязли въ заграничныхъ долгахъ, былъ самый простой: *приходъ, расходъ, съ устраненіемъ всего излишняго и ненужнаго, а затѣмъ остатокъ или недостатокъ, съ покрытіемъ послѣдняго пропорціоальною на всѣхъ раскладкою, сообразно средствамъ каждаго*. Хотя эта раскладка далеко не составила бы и половины той суммы, которую теперь надобно платить народонаселенію по заграничнымъ займамъ, но развѣ можно было такую простую мысль вдолбить въ головы финансистовъ, зараженныхъ какимъ-то высшимъ Европейскимъ прогрессомъ!

Между этимъ простымъ, такъ сказать, мужицкимъ взглядомъ и якобы научнымъ воззрѣніемъ финансистовъ существуетъ непроходимая пропасть, такая бездна, что съ одного берега на другой никогда нельзя докричаться. Сколько разъ случалось, что на одномъ берегу режутъ отъ пропойства по причинѣ безграничнаго открытія кабаковъ, а на другомъ радуются возвышенію дохода отъ питейнаго сбора; на одномъ берегу пустѣютъ тысячи помѣщичьихъ усадебъ отъ закрытія мелкихъ винокуренныхъ заводовъ, гибнетъ скотоводство, производя разрушеніе сельскихъ хозяйствъ отъ недостатка

удобрения, вследствие чего семейства помещиковъ лишаются крова и средствъ къ жизни, а на другомъ берегу, для снисканія благоволенія Европы, Перрейры и Уайненсы получаютъ миллионы отъ Русской, благодѣтельной для нихъ, казны и т. д.

Но, обращаясь опять къ тому же непремѣнному желанію финансистовъ прибѣгать къ заграничнымъ займамъ, нельзя умолчать, что правило, не допускающее выпуска бумажныхъ денегъ, образовало, наконецъ, цѣлую секту своихъ послѣдователей: къ нему пристали всѣ биржевики, усматривая въ операціяхъ по займамъ наживу, и всѣ, желавшіе заявить себя Европейцами.

Въ виду весьма вѣроятнаго возраженія со стороны секты, въ родѣ того, что печатаніе денежныхъ знаковъ, если разъ оно допущено, не будетъ имѣть предѣла, на которомъ бы могло остановиться, и что тогда всѣ денежные обороты могутъ подвергаться сильному колебанію, — допустимъ, что это замѣчаніе полновѣсно; но справедливость его не представляется безусловною, потому что потребные для сооруженія желѣзныхъ дорогъ и вообще для образованія производительныхъ предпріятій знаки цѣнности могли бы быть выпущены не какъ деньги, а какъ бумаги отъ Государственнаго Банка на извѣстный срокъ, съ опредѣленнымъ погашеніемъ ихъ. Никто не станетъ утверждать, что возможно печатать столько денежныхъ знаковъ, сколько бы ни вздумалось (мы этого и не говоримъ), но тѣмъ

болѣе нельзя занимать на счетъ народа за границей, когда самъ народъ съ полнымъ довѣріемъ и желаніемъ готовъ за свои домашніе безпроцентные денежные знаки цѣнности кредитовать правительство своимъ трудомъ во всѣхъ видахъ этого труда. Перейдемъ къ примѣру. Еслибы мы, при началѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, выстроили на свои средства, положимъ, 500 верстъ и выпустили бы на этотъ предметъ, примѣрно, на 40 миллионѣвъ рублей денежныхъ знаковъ, то неужели бы отъ этого нашъ рубль за границей упалъ на 45%, какъ это случилось теперь? Будемъ разяснить далѣе. Употребивъ 40 миллион. на означенные 500 верстъ и доказавъ посредствомъ гласныхъ отчетовъ, что эта сумма приноситъ доходъ, мы бы могли такое предпріятіе, созданное довѣріемъ народа къ правительству, выразить въ облигаціяхъ, съ обращеніемъ ихъ въ продажу за границей безъ всякой уступки изъ нарицательной цѣны облигацій. Такимъ образомъ, довѣріе народа къ царскимъ денежнымъ знакамъ исполнило бы свою полезную финансовую службу для блага отечества гораздо выгоднѣе жадныхъ къ наживѣ иностранныхъ капиталистовъ. При этомъ самая продажа бумагъ, представляющихъ собою уже не проектъ сооруженія какой-либо желѣзнодорожной линіи, а дѣйствительно существующее доходное имущество, была бы совершаема безъ того униженія, которое переживала Россія, дѣлая скидку 30% съ рубля при продажѣ облигацій еще только предполагаемыхъ къ устройству дорогъ. Само

собою разумѣется, что продажа за границей желѣзнодорожныхъ бумагъ, выражающихъ уже устроенное предпріятіе, доставила бы намъ наличныя деньги, которыя образовали бы вѣрное и скорое средство къ изытію изъ обращенія выпущенныхъ нами бумажныхъ знаковъ. Послѣ такой первой операціи мы бы приступили къ сооруженію вторыхъ 500 или 1.000 верстъ на томъ же основаніи, и точно также, изобразивъ эти вторыя дороги въ новыхъ бумагахъ, продали бы ихъ за границей безъ всякаго труда; потому что тамъ существуетъ, по случаю избытка капиталовъ, постоянное стремленіе къ приобрѣтенію вѣрныхъ 5% бумагъ по цѣнѣ гораздо высшей ихъ нарицательной стоимости. При такой системѣ дѣйствій, не мы бы обивали пороги у банкировъ, а они бы стучались въ наши двери; они бы искали возможности приобрѣсть нашъ интересный товаръ, слѣдовательно наше финансовое и политическое значеніе не носило бы на себѣ характера убожества и бѣдности. Идя такимъ разумнымъ путемъ согласованія государственныхъ потребностей съ довѣріемъ народа, государство росло бы силою взаимнаго дѣйствія вмѣстѣ съ народомъ, и мы получили бы за все наши желѣзныя дороги наличныя деньги, притокъ которыхъ поддержалъ бы нашъ курсъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ злополучный размѣнъ золота, въ количествѣ ста милліоновъ, бывшій, кажется, въ 1863 году, на наши кредитныя билеты. Все это золото ушло за границу, а на Русской жизни образовалась одна лишь насильственно на-

ложенная на нее тягость по уплатѣ сдѣланнаго для этой операціи займа.

Означенный размѣнъ существовалъ болѣе шести мѣсяцевъ, и никто изъ Русскихъ капиталистовъ не заявилъ желанія воспользоваться промѣномъ кредитныхъ билетовъ на золото, которое приобрѣталось одними лишь биржевиками и опять уходило за границу. Странно то, что этотъ очевидный примѣръ не убѣдилъ нашихъ финансистовъ въ полномъ довѣріи Русскаго народа къ денежнымъ знакамъ правительства, и они по прежнему упорно стояли на своей мысли о невозможности выпуска безпроцентныхъ бумагъ. Во время этого размѣна, финансисты проповѣдывали намъ какое-то экономическое зловѣріе въ такомъ родѣ, что золото подобно водѣ распределяется между всѣми государствами, такъ сказать, ватерпасно, и если сегодня отъ насъ оно сдѣлало отливъ, то оттуда, гдѣ въ немъ почувствуется избытокъ, оно обратно потечетъ къ прежнему исходному пункту. Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то; мы болѣе четверти вѣка напрасно ждали обратнаго прилива и убѣдились въ томъ, что событія оправдали вполнѣ Русскую пословицу: что съ возу упало, то пропало.

Возвращаясь къ тому, что дороги, выстроенныя на свои денежные знаки, стоили бы гораздо дешевле, потому что на цѣнность ихъ не упали бы уступка 30% съ рубля при реализаціи и проценты, платимые со дня выпуска облигацій, нельзя не вспомнить того, что простой механизмъ сооруженія

дорогъ на свои средства былъ отброшенъ и осмѣянъ финансистами потому только, что въ ихъ головы внѣдрилось непреклонное упрямство не допускать дѣйствій, основанныхъ на возможности самовозрожденія, и въ силу этого разрушительнаго мнѣнія дѣло было до того осложнено чужеземными теоріями, что передъ глазами властныхъ лицъ стоялъ какой-то идолъ Европейскаго кознодѣйствія, которому съ раболѣпнымъ униженіемъ приносилась въ жертву всякая полезная Русская мысль, со всѣми ея указаніями и сердобольными помышленіями.

Неужели можно подумать, что Русскій человѣкъ не настолько смысленъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ для предпріятій, не могущихъ давать дохода, не призналъ бы самъ своимъ умомъ дѣйствіемъ раззорительнымъ для отечества? Какое заблужденіе думать, что Русское народное довѣріе къ бумажнымъ знакамъ, предназначеннымъ единственно для полезнаго и производительнаго употребленія, выражаетъ въ себѣ недостатокъ финансовыхъ взглядовъ! Нѣтъ, тутъ вышло бы на дѣлѣ совсѣмъ другое: сооружая дороги на свои средства, мы не настроили бы такихъ линій, которыя обречены теперь на вѣчный убытокъ; мы не сдѣлали бы этого потому, что были бы обязаны всякую затрату на желѣзныя дороги оправдать предъ Россіею доходностью дорогъ, не смотря на наше безцеремонное и даже дерзостное обращеніе съ Русскимъ народнымъ мнѣніемъ. Теперь наши желѣзныя дороги можно раздѣлить на четыре разряда: 1) *коммерческія*, 2) *стратегическія*, 3) *личныя* и 4) *лишнія*.

Состоятъ въ обязанности выразить по каждой дорогѣ ея доходность, мы вмѣсто осьми линій, построенныхъ къ Волгѣ, ограничились бы пятью линіями и давно проложили бы дорогу въ Сибирь, связавъ Волгу съ Сибирскими рѣками и сообщивъ чрезъ эту связь наибольшую доходность всѣмъ дорогамъ отъ развитія торговаго движенія; теперь же мы не имѣемъ ни одной линіи за Волгу, кромѣ Оренбургской, которая, упираясь въ Башкирскую песчаную степь, открыта только въ 1878 году. Такимъ образомъ, не имѣя убыточныхъ линій, мы бы не навязали государственной росписи тягостнаго расхода по оплатѣ этихъ убытковъ, всецѣло упадающихъ на народныя сбереженія.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ отнимаетъ у мѣстныхъ жителей всѣ заработки по провозу грузовъ, возмѣщая, конечно, эти потери общимъ развитіемъ промышленности; но когда строятся дороги убыточныя, тогда народъ страдаетъ уже вдвойнѣ, какъ отъ потери своихъ заработковъ, отнятыхъ желѣзною дорогою, такъ и отъ тягостной необходимости погашать государственные долги, порожденные займами на устройство дорогъ двухъ послѣднихъ категорій, т. е. *личныхъ и лишнихъ*.

Давно подмѣчено лучшими мыслителями, что Русская жизнь имѣетъ два теченія: одно правительственное, а другое народное. Въ доказательство этого приведемъ удивительный примѣръ. Въ 1839 году введена серебряная единица; но народная жизнь десятки лѣтъ продолжала идти во многихъ

мѣстахъ по старому счету, т. е. на ассигнаціонный рубль. Черезъ 30 лѣтъ послѣ введенія крупной единицы во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы начали строить желѣзныя дороги, при появленіи желѣзнодорожныхъ инженеровъ и агентовъ по отчужденію земель, оказалось, что народъ живетъ еще на прежній, дешевый рубль, не усвоивъ себѣ переложенія на серебро. Это обнаружилось при толкованіяхъ владѣльцевъ земель съ агентами въ опредѣленіи цѣнъ за отчуждаемыя земли. Въ Урюпинской станицѣ Войска Донского требовали съ желѣзнодорожниковъ по рублю за курицу, и когда отдавали казакамъ рубль серебра, то они давали сдачи 70 копѣекъ. Даже и теперь есть мѣстности, гдѣ еще не привился къ народной жизни замудрованный счетъ на какое-то серебро.

Заклучимъ, въ концѣ концовъ, всѣ наши разсужденія о настоящемъ провалѣ тѣмъ, что нельзя не усмотрѣть въ дѣйствіяхъ нашихъ финансистовъ умышеннаго намѣренія затормозить саморазвитіе Русской жизни угнетеніемъ ея заграничными займами, образовавшимися отъ недозволенія имѣть свои денежные знаки, существованіе которыхъ допущено въ конституціонныхъ государствахъ Европы. Вотъ доказательство этому. Законодательство Англій дозволаетъ Англійскому Банку, въ случаѣ надобности, выпускать на 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ банковыхъ билетовъ (т. е. 150 милліоновъ на наши деньги по существующему курсу) съ присвоеніемъ имъ платежной способности. Послѣ

Крымской войны у насъ была крайняя надобность въ деньгахъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, и мы вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру Англій и выдти изъ затрудненія посредствомъ выпуска своихъ денежныхъ знаковъ, отправились за границу въ качествѣ просителей искать спасенія въ займахъ и тѣмъ самымъ заявили себя, въ глазахъ всей Европы, какъ бы лишенными всякой кредитоспособности дома, внутри своего отечества. Какая постыдная клевета на Русскій народъ! Гдѣ же, когда и кѣмъ было заявлено народное недовѣріе къ своимъ платежнымъ знакамъ? Кто же подмѣтилъ или слышалъ какое-либо слово о недовѣріи? Намъ проповѣдывалось это мнимое недовѣріе изъ Петербургскихъ канцелярскихъ сферъ, принявшихъ на себѣ самовольное право говорить отъ лица народа. Если обратимся къ исторіи сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ, то увидимъ, что тамъ большинство дорогъ построено на бумаги, выпускавшіяся для этой цѣли разными мѣстными банками, не подвергая народную жизнь тяжкому и убыточному угнетенію по уплатѣ внѣшнихъ займовъ. И такимъ образомъ ясно доказывается, что страны, находящіяся подъ дѣйствіемъ конституціонныхъ и республиканскихъ формъ правленія, не убоились почерпать средства къ своему возрожденію изъ своей внутренней жизни, а наши финансисты предпочли служеніе своей теоріи живымъ потребностямъ Русской жизни.

Одиннадцатый провалъ.

„Сибирь, по свидѣтельству всѣхъ ученыхъ и не-ученыхъ, составляетъ золотое дно“ (слова М. П. Погодина). Добывая въ Сибири золото въ теченіе семидесяти лѣтъ, мы извлекли его болѣе чѣмъ на два милліарда; но пришли „татіе и разбойницы“, и все это богатство мало-по-малу похитили. Напрасно семьдесятъ лѣтъ, въ пустыняхъ и снѣговыхъ сугробахъ Сибири, работали Русскіе люди, добывая золото; напрасно они зябли, мучились и умирали въ тундрахъ Сибирскихъ: трудъ ихъ пропалъ безслѣдно, потому что все добытое ими золото перешло за границу. Причина тому заключается въ нашихъ тарифныхъ пошлинахъ, которыя Русскій торговый балансъ приводили ежегодно къ минусу въ десятки милліоновъ рублей, и на покрытіе этихъ минусовъ исчезало наше Сибирское золото.

Вступать въ подробный обзоръ невыгодныхъ сторонъ тарифа невозможно безъ особыхъ матеріаловъ и продолжительныхъ приготовленій по этому вопросу, и потому мы ограничимся указаніемъ только нѣкоторыхъ бросающихся въ глаза статей.

1. Зачѣмъ мы допускаемъ къ привозу иностранную соль, когда имѣемъ своей соли на десятки тысячъ лѣтъ?

2. Зачѣмъ допускаемъ къ привозу каменный уголь, имѣя массу своего собственного угля?

3. Зачѣмъ мы позволяемъ ввозить къ намъ чугуны и желѣзо и издѣлія изъ оныхъ?

4. Зачѣмъ разрѣшено привозить къ намъ полотняныя, шерстяныя и шелковыя ткани въ разныхъ видахъ, зеркальныя стекла и множество разнаго ненужнаго хлама, безъ котораго можно жить гораздо проще и пріятнѣе и т. д., и т. д.?

Конечно, эти предметы не заключаютъ въ себѣ полного исчисленія всего того, что не должно быть допускаемо къ привозу въ Россію; а потому приходится ограничиться общимъ выраженіемъ о недозволеніи вводить то, что можно имѣть дома, хотя бы и съ приплатою къ цѣнѣ. Затѣмъ, кромѣ предметовъ, подлежащихъ совершенному запрещенію, найдутся сотни такихъ, на которые тарифъ долженъ быть значительно возвышенъ, дабы дать ходъ своимъ произведеніямъ; но пока въ обсужденіи и рѣшеніи этого вопроса будутъ участвовать *они*, успѣхъ невозможенъ, въ отсутствіи въ нихъ Русской жилки. У меня въ памяти пересмотръ тарифа въ 1868 году, со всѣми бывшими при этомъ пересмотрѣ отрицаніями Русскихъ интересовъ и стремленіями (на основаніи Европейскихъ теорій) къ интересамъ общечеловѣческимъ, изъ уваженія къ которымъ намъ предлагалось обречь себя на раззореніе и сдѣлаться

данниками Европы. Бывши тогда въ тарифной комиссіи два-три раза, въ качествѣ эксперта, я помню, какъ послѣ рѣшенія уменьшить пошлину съ кофе, Англійскаго пива и разныхъ колоніальныхъ предметовъ, купцу Е..., извѣстному по выпискѣ изъ за границы товаровъ и находившемуся въ засѣданіи, былъ предложенъ вопросъ: одобряетъ ли онъ пониженіе пошлинъ? Купецъ отвѣчалъ: „благодарю за попеченіе, которое, какъ я уже смекнулъ, составить по моей торговлѣ 80 тысячъ рублей въ годъ награжденія; а продавать я буду все по той же, нынѣшней цѣнѣ“. Не знаю, поняла ли комиссія эту насмѣшку, но знаю то, что этотъ ѣдкій отвѣтъ не подѣйствовалъ, и пошлины были сбавлены.

Въ 70 годахъ былъ назначенъ директоромъ таможеннаго департамента Н. А. Качаловъ, при которомъ таможенный доходъ (составлявшій 20 м. р.) достигъ 60 м. въ годъ, вслѣдствіе неутомимыхъ и добросовѣстныхъ дѣйствій. Разсматривая это возвышеніе какъ результатъ дѣйствій Таможеннаго Департамента, нельзя не признать его блистательнымъ, но въ смыслѣ общегосударственныхъ интересовъ это огромный убытокъ, потому что всякая гривна возростанія таможеннаго дохода увлекаетъ изъ Россіи рубли, при уплатѣ денегъ по курсу за ввезенный къ намъ товаръ. Въ этотъ провалъ въ теченіе 40 лѣтъ безвозвратно ухнуло все наше Сибирское золото.

Въ 1871 году была въ Петербургѣ, въ Соляномъ городкѣ, выставка предметовъ Русской промышлен-

ности. Въ горномъ отдѣлѣ этой выставки были помѣщены мною нефть и керосинъ изъ Баку, и рядомъ съ нимъ стояла отъ Горнаго Департамента сдѣланная изъ тесу и оклеенная золотистой бумагой пирамида, показывавшая объемъ всего добытаго въ Сибири золота, если бы его можно было обратить въ одну сплошную массу. Когда блаженной памяти Государь Императоръ Александръ Николаевичъ подошелъ къ этой пирамидѣ, то, посмотрѣвъ на нее съ минуту времени и покачавъ головою, изволилъ сказать (это я слышалъ собственными ушами): „А еслибы рядомъ поставить другую пирамиду ввезеннаго изъ Россіи золота, она бы была болѣе этой“. *Коротко и ясно. Вразумительно и поучительно.*

Выше сказано, что Сибирь золотое дно. Мы, конечно, не разработали $\frac{1}{10}$ этого дна; но пока тарифъ имѣетъ способность высасывать наше золото за границу, было бы преступленіемъ говорить о мѣрахъ къ увеличенію золотодобыванія: пусть золото лежитъ въ землѣ до наступленія того времени, въ которое внѣшняя торговля не будетъ въ силахъ похищать наше золото за границу.

Двѣнадцатый провалъ.

Никакой вопросъ, въ періодъ преобразованій, начавшихся съ 60 годовъ, не былъ рѣшенъ у насъ такъ искренно, какъ вопросъ о поѣздкахъ за границу. Сразу были отворены ворота для всѣхъ, съ правомъ ѣхать куда угодно. Теперь подсчитаемъ примѣрно, во чтѣ обошлось Россіи это щедрое разрѣшеніе. Положимъ, что за границей проживаетъ Русскихъ людей, въ теченіе 30 лѣтъ, только пять тысячъ человѣкъ, не считая больныхъ и учащихся спеціальнымъ предметамъ. Если положить расходъ въ день на квартиру, переѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, содержаніе, экипажъ, удовольствія и покупки только по 40 франковъ на cadaго (не говоря о фонъ-Дервизѣ, расходующемъ, вѣроятно, съ содержаніемъ своихъ дворцовъ болѣе 1.000 франковъ въ день и другихъ, имѣющихъ средства для значительныхъ издержекъ): то пять тысячъ лицъ, въ 30 лѣтъ, израсходовали болѣе двухъ миллиардовъ франковъ, которые понадобилось оплачивать, за истощеніемъ уже Сибирскаго золота на тарифный провалъ, новыми заграничными займами, вхо-

дящими въ государственную роспись, слѣдовательно и упадающими къ платежу на весь Русскій народъ. Въ правѣ ли общественная совѣсть одобрять эту роскошь расходованія денегъ за границей въ ущербъ народныхъ средствъ? Чтѣ же по этому вопросу финансовая наука молчитъ, не указывая никакихъ правилъ, охраняющихъ народный карманъ? Если существуетъ эта наука, то она должна обнимать всѣ случаи жизненныхъ проявленій. Гораздо правдивѣе и добросовѣстнѣе будетъ прямо сказать, что никакой науки нѣтъ, а есть просто финансовое искусство, различно примѣняемое въ каждомъ государствѣ, по соображенію съ мѣстными условіями и народнымъ возрѣніемъ.

Когда, во время Восточной войны, всѣ Петербургскіе банки пожертвовали на раненыхъ воиновъ 400.000, тогда, во время совѣщанія объ употребленіи этихъ суммъ на заготовленіе разныхъ вещей для больныхъ и раненыхъ, было особое засѣданіе у Е. И. Ламанскаго, состоявшее изъ банковскихъ представителей. Въ засѣданіи этомъ былъ покойный графъ Г. А. Строгановъ. Разговоръ склонился къ тому, что военныя издержки произведутъ неисправимое финансовое разстройство. На это графъ сказалъ: „Все кажущееся неисправимымъ у другихъ легко исправимо у насъ однимъ почеркомъ пера; стѣдуетъ лишь издать указъ: *сидитъ всѣмъ дома пять лѣтъ и ѣстъ щи съ кашей, запивая квасомъ*, и тогда финансы правительства и наши придутъ въ цвѣтущее состояніе“.

Нисколько не будетъ удивительнымъ, если, при обсужденіи способовъ къ улучшенію финансовъ, шуточно выраженная графомъ Строгановымъ мысль окажется въ числѣ основаній нашего будущаго благоустройства. Никакой новой бѣды отъ этого не будетъ, если для пополненія того, что промолтали, придется пожить, какъ говорится, на пищѣ святого Антонія. Наградой за это воздержаніе будутъ трезвость взглядовъ и чистота мыслей.

Нѣтъ сомнѣній, что затронутый вопросъ о неприличіи для Русскихъ людей жить за границей во время упадка цѣнности нашего рубля болѣе 40% возбудитъ сильное возраженіе, такъ что многіе въ этомъ усмотрятъ не только неудобство, но даже и деспотизмъ. Но развѣ это не деспотизмъ, когда одна двухсотъ-тысячная часть изъ общаго населенія Россіи производитъ своею жизнію за границей вредное для всѣхъ Русскихъ людей вліяніе въ смыслѣ экономическомъ? Всѣмъ намъ давно извѣстно, что заграничные расходы, усугубляя финансовыя затрудненія, вовлекаютъ въ новые займы, а уплата по займамъ ложится на народную жизнь въ видѣ возрастающихъ налоговъ. Не тотъ деспотизмъ опасенъ и разрушителенъ, который, открыто воздерживая нѣсколько единицъ отъ ненужныхъ затратъ, приноситъ общую пользу, а тотъ, который уподобляется *ножу помазанному медомъ*, въ родѣ, на примѣръ, безчисленнаго увеличенія кабаковъ, подъ либеральною маскою попеченія объ общемъ благѣ, но съ затаенною цѣлью спаивать

народъ для возвышенія акцизнаго питейнаго дохода, чтобы этимъ возвышеніемъ оправдать введеніе акцизной системы. Подобныхъ деспотизмовъ у насъ многое множество, и всѣ они прикрыты или стремленіемъ къ равноправности, или другимъ призракомъ мнимаго народолубія. Развѣ такое дѣйствіе какъ уничтоженіе въ шестидесятыхъ годахъ землевладѣльческаго кредита и лишеніе земли удобрения, по случаю разрушенія сельскохозяйственныхъ винокуренъ, не представляетъ собою самый лютый деспотизмъ? Много бы можно было привести подобныхъ доказательствъ; но читатель, безъ сомнѣній, самъ собою придетъ какъ къ выясненію вредныхъ вліяній либеральнаго деспотизма, выразившихъ самыя горькія послѣдствія по каждому изъ вышеизложенныхъ проваловъ, такъ и къ заключенію, что изъ всѣхъ преобразованій было только одно вполне искреннее, безъ заднихъ мыслей, безъ поворота назадъ,—это право мотать Русскія деньги за границей. И мотовство это установилось такъ крѣпко, что и доселѣ существуетъ во всей своей широтѣ; а Русская жизнь, угнетенная пережитыми ею провалами, переноситъ безропотно свое горькое обнищаніе, твердо вѣруя въ то, что *„сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничтожитъ“*.

Тринадцатый провалъ.

Послѣ открытія желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ хлѣбородную площадь Россіи съ морями Балтійскимъ, Чернымъ и Азовскимъ, а Москву съ Кавказомъ, Одессой, Кіевомъ, Харьковомъ и Волгой, и т. д., не смотря на то, что дороги стоили слишкомъ дорого и, втянувъ насъ въ злополучные заграничные займы, наложили на Россію страшную тяжесть погашенія этихъ займовъ, — государственная роспись, трудами и заботливостію М. Х. Рейтерна и съ помощью развитія промышленности отъ устройства дорогъ, стала приходить въ равновѣсіе, такъ что выходъ изъ угнетеннаго состоянія, въ которомъ находились наши финансы, потрясенные Крымской войной, представлялся возможнымъ. Въ такомъ положеніи прошло три или четыре года (съ 74 по 77 г.), такъ что мы могли черезъ 20 лѣтъ послѣ разрушенія Севастополя сводить концы съ концами и, погашая сдѣланные займы, могли наконецъ жить, не дѣлая новаго накопленія долговъ. Вдругъ это благоприятное положеніе рухнулось.

Наступившая въ 1877 году Восточная война потребовала чрезвычайныхъ расходовъ, породивъ неизбежную необходимость въ новыхъ займахъ, уничтожившихъ надолго равновѣсіе государственной росписи, достигнутое 16-лѣтними усиліями М. Х. Рейтерна, который, видя зданіе свое, какъ онъ самъ выражался, разрушеннымъ силою внезапныхъ военныхъ бурь, оставилъ Министерство Финансовъ.

Такимъ образомъ, на другой же день послѣ заключенія Берлинскаго трактата, окончилось дѣятельное министерство Рейтерна, оставивъ отряднымъ по себѣ воспоминаніемъ: сѣть желѣзныхъ дорогъ, распространенный кредитъ посредствомъ образованія коммерческихъ банковъ, учрежденіе многихъ промышленныхъ обществъ, установленіе золотой пошлины съ привозныхъ товаровъ и многіе примѣры заботливости объ охранѣ полезныхъ предпріятій отъ разстройства. Горькое воспоминаніе выразилось въ накопленіи внѣшнихъ долговъ, къ чему привела свирѣпствовавшая тогда во всей своей лютой ересь воспрещенія кредитоваться у народа посредствомъ уплаты за его трудъ безпроцентными государственными бумагами. Но, чтобы при этой ереси выйти изъ затрудненія и создать желѣзныя дороги, надобно было министру финансовъ быть не просто приходорасходчикомъ, а финансовымъ техникомъ (это нами отмѣчено въ 7-мъ провалѣ); а иначе могло случиться то, что сдѣланные займы израсходовались бы на другія надобности, и тогда мы бы оказались и въ долгахъ, и безъ дорогъ. Хотя

во время этого министерства акцизная система съ вина спаивала Русскій народъ и уничтоженіе опекунскихъ совѣтовъ приводило къ обнищанію большинство помѣщиковъ, но оба эти бича вышли изъ-подъ пера фирмы «они» до начала министерства Рейтерна, а послѣдній бичъ началъ свое дѣйствіе еще во время министерства А. М. Княжевича. Министерство это, какъ переходное отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, отличалось своею неустойчивостію; но вполне непонятнымъ остается то, какимъ образомъ во время твердаго министерства М. Х. Рейтерна могли, взамѣнъ опекунскихъ совѣтовъ, образоваться для помѣщиковъ *мышеловки* въ видѣ земельныхъ банковъ.

Затѣмъ мы не будемъ касаться хода дѣлъ послѣ Восточной войны, во время трехъ министерствъ (С. А. Грейга, А. А. Абазы и Н. Х. Бунге), потому что нанесенный Восточною войною разгромъ Русскихъ финансовъ отнималъ всякую возможность къ устойчивымъ и созидательнымъ дѣйствіямъ, сопряженными съ денежными затратами, и всѣ финансовыя мѣропріятія поневолѣ относились къ одной только заботѣ: какъ бы тянуть теченіе финансовой жизни изо дня въ день, спасаясь въ денежныхъ затрудненіяхъ то мелкими экономіями, то разными налогами, то предоставленіемъ иногда хода дѣлъ просто на волю судьбы, продолжая притомъ на несмѣтную гору прежде сдѣланныхъ займовъ громоздить еще новые бугры долговъ, въ видѣ золотыхъ и желѣзно-дорожныхъ рентъ.

Сохраняя въ „Экономическихъ провалахъ“ народныя и общественныя отзывы о современномъ теченіи экономической жизни, нельзя не отмѣтить, что назначеніе А. А. Абазы было привѣтствовано во всѣхъ слояхъ общества выраженіемъ полной увѣренности въ поправленіи Русскихъ финансовъ.

Нѣтъ надобности говорить подробно о мелкихъ финансовыхъ ошибкахъ, послѣ Восточной войны, не имѣвшихъ разрушительнаго вліянія на многіе годы и возможныхъ къ исправленію во всякое время. Такія ошибки не то, что внѣшніе займы, поражающіе силу народной жизни почти на цѣлое столѣтіе. Эти легко исправимыя ошибки заключались въ налогахъ: на страхованіе, на полученіе наслѣдства, на доходы отъ купоновъ процентныхъ бумагъ и на употребленіе дрожжей при печеніи хлѣба. Сочиненіе такихъ крохоборныхъ налоговъ ясно опредѣляло крайнюю нужду, но въ то же время было странное противорѣчіе этой нуждѣ, выразившееся въ отмѣнѣ акциза съ соли, отчего правительство потеряло слишкомъ 10 милліоновъ въ годъ чистаго дохода, а народъ получилъ облегченія на каждое лицо по расходованію денегъ на соль съ небольшимъ по 1 коп. въ мѣсяць*). Затѣмъ сожженіе безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ, производи-

*) Для каждого человѣка нужно въ годъ соли полпуда. Акцизъ съ соли былъ 30 коп. съ пуда, слѣдовательно, каждый при сложеніи акциза сталъ менѣ расходовать при покупкѣ соли на 15 коп. въ годъ; распредѣляя же эту экономію, сообразно потребленію соли на весь годъ, получается въ мѣсяць уменьшеніе расхода на $1\frac{1}{4}$ копейки. В. К.

мое на дворѣ Государственнаго Банка, одновременно съ объявленіями того же банка о подпискѣ на новые процентные займы, ясно доказывало, что мы еще не освободились отъ идолопоклонства Валу, т. е. западнымъ финансовымъ теоріямъ, и что отъ язвы этой насъ не могли исцѣлить ни бѣдствія войны, ни очевидная и осязательная трудность жить съ массою сдѣланныхъ нами займовъ.

Въ концѣ концовъ, все свелось къ тому, что Восточная война, удесятеривъ наше финансовое разстройство, оказалась гораздо труднѣе, слѣдовательно и дороже, въ смыслѣ денежныхъ затратъ, чѣмъ предполагали; послѣдствія же войны не только ни въ чемъ не проявили добра и пользы ни намъ, ни тѣмъ, за кого мы воевали, но даже завершились самымъ оскорбительнымъ для Россіи проявленіемъ неблагодарности и предательства со стороны тѣхъ, за кого проливалась драгоцѣнная Русская кровь. Будь все это (хотя даже на $\frac{1}{10}$ долю противъ совершившагося) вѣдомо впередъ, то, конечно, не явилось бы желанія начинать войну, терять сотни тысячъ доблестныхъ воиновъ и входить въ колоссальныя долги для того, чтобы придти къ обѣднѣнію и политическому униженію.

Но настоящій описываемый провалъ имѣетъ цѣлю доказать, что всѣ неудачи были предсказаны заранѣе, за 10 лѣтъ до Восточной войны, точно такъ же ясно, какъ за 12 лѣтъ до Крымской войны было предсказано, что война подъ Севастополемъ будетъ неизбѣжна, если мы не соорудимъ желѣз-

ной дороги изъ Москвы къ Черному морю, прежде устройства ея между столицами.

Да, горестныя событія 1877 г. были пророчески предречены. Былъ одинъ человѣкъ, который все это предвидѣлъ и, зная, что война Россіи съ Турціей должна неизбѣжно возникнуть, предлагалъ еще въ 1866 г. приступить къ такимъ дѣйствіямъ, которыя расчистили бы нашъ путь къ Востоку и сдѣлали бы войну легкою и плодотворною для всѣхъ Славянскихъ племенъ. Этотъ знаменательный историческій человѣкъ, выразившій въ себѣ гражданина, вельможу, полководца, поэта (по широтѣ государственныхъ воззрѣній) — былъ фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

Съ боязнію подхожу къ изложенію слышанныхъ мною отъ князя Барятинскаго словъ, выразившихъ его взглядъ на Восточную войну (за десять лѣтъ до войны), и боязнь эта основана на весьма естественномъ опасеніи — недовѣрїи читателей къ моимъ словамъ. И какъ тутъ быть довѣрїю, какъ не показаться каждому не только страннымъ, но даже невозможнымъ, чтобы фельдмаршалъ князь Барятинскій велъ съ какимъ-то Казанскимъ купцомъ разговоръ о взглядахъ своихъ относительно подготвленія Россіи къ Восточной войнѣ за десять лѣтъ до начала самой войны? Вотъ почему, прежде изложенія разговора съ княземъ, я считаю необходимымъ очертить тѣ подробности, изъ которыхъ сложились довѣрїе и доброе расположеніе ко мнѣ князя Барятинскаго.

Во время намѣстничества князя Воронцова, я былъ откупщикомъ на Кавказѣ (въ Ставропольской губерніи) и въ прїѣздъ князя Воронцова изъ Тифлиса въ Петербургъ, былъ приглашенъ къ нему, въ домъ его въ Малой Морской. Князь сказалъ мнѣ, что для довольствія войскъ, при выходѣ ихъ изъ Ставропольской губерніи въ мирные и немирные аулы, т. е. за черту откупа, онъ не желаетъ брать откупного вина, находя, что это вино дорого по случаю платимыхъ за откупъ суммъ, а будетъ имѣть своего подрядчика для заготовленія вина прямо изъ приволжскихъ губерній, и затѣмъ, предложивъ обратиться объ установленіи этого порядка къ министру финансовъ (графу Вронченкѣ), желаетъ напередъ знать, не повлечетъ ли это нововведеніе какой либо претензіи со стороны откупа. Я отвѣчалъ, что откупъ нѣтъ никакого дѣла до потребленія вина внѣ откупной черты, если только при возвращеніи войскъ въ Ставропольскую губернію это вино не будетъ маркитантами ввозимо въ предѣлы откупа; а дабы остатки вина, могущіе быть у войскового подрядчика, не затруднили его въ храненіи, то ихъ всего удобнѣе сдавать въ казну по той цѣнѣ, по какой Министерство Финансовъ покупаетъ вино для Ставропольской губерніи.

Мысль эта такъ понравилась князю Воронцову, что онъ, выразивъ намѣреніе въ этомъ смыслѣ переговорить съ графомъ Вронченкою, назначилъ мнѣ черезъ нѣсколько дней у него побывать. При вторичномъ моемъ появленіи къ князю, онъ объявилъ,

что Министръ Финансовъ согласенъ брать въ казну остатки вина, и затѣмъ предложилъ мнѣ быть войсковымъ подрядчикомъ по заготовленію этого вина, чтобы уничтожить всякое столкновеніе съ откупомъ. Отказавшись отъ поставки вина, по неимѣнію въ Закавказскомъ краѣ никакихъ дѣлъ, и выразивъ мое мнѣніе, что въ Тифлисѣ найдутся желающіе заготовить вино съ Волги чрезъ Астрахань, я увѣрилъ князя, что никакихъ столкновеній съ откупомъ не будетъ, и что я напишу объ устраненіи всякихъ пререканій нашему управляющему въ Ставрополѣ, Акатьеву. При этомъ князь сказалъ: „Я слышалъ объ немъ очень много одобрительнаго отъ Заводовскаго *), а теперь буду имѣть случай на дѣлѣ убѣдиться въ его свойствахъ“. На это я замѣтилъ, что прошу позволенія сказанныя его сіятельствомъ слова передать Акатьеву и тѣмъ самымъ поставить его въ пріятную необходимость снискать его благорасположеніе. При этомъ князь вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „А нѣтъ ли у васъ въ Ставрополѣ другого дѣльнаго человѣка, въ родѣ Акатьева, которому бы я могъ частнымъ образомъ давать разные порученія по сближенію мирныхъ ауловъ съ немирными, путемъ гражданскаго завоеванія послѣднихъ, посредствомъ развитія знакомства и торговыхъ интересовъ?“ — „Нѣтъ, ваше сіятельство, наши откупные дѣятели очень односторонни и на такія

*) Заводовскій начальствовалъ въ областяхъ Черноморской и Терской. (Русскій Архивъ 87 г.).

порученія совсѣмъ неудобны; а позвольте мнѣ рекомендовать вамъ такого фактора для сближенія, который никогда ничего не перепутаетъ, а будетъ постоянно основывать, хотя и медленную, но прочную связь сношеній“. — „Желаю, очень желаю“, сказалъ князь. — „Рекомендуемый мною факторъ — просто Русскій самоваръ. На западной границѣ мы сходимся съ сосѣдями иногда на пивѣ, а на восточной можемъ всегда сходиться на самоварѣ, который Азіатцы до такой степени любятъ, что при появленіи самоваровъ въ мирныхъ аулахъ, туда стануть ѣздить изъ ауловъ немирныхъ, чтобы разсѣивать долго и пить чаю много, обобщаясь въ это время разными бесѣдами“. — „Мнѣ нравится эта мысль; пришли-те мнѣ въ Моздокъ десятка два самоваровъ разныхъ размѣровъ“. — „Позвольте удешевить это количество въ томъ предположеніи, что и этого будетъ мало“. Вѣроятно, самовары ни въ чемъ не сдѣлали ошибки и подвигали впередъ вопросъ о сближеніи насъ съ горцами; потому что черезъ годъ я получилъ отъ давняго моего знакомаго, И. О. Золотарева (бывшаго при намѣстникѣ чиновникомъ особыхъ порученій, по части, кажется, восточной дипломатіи) письмо о высылкѣ къ прежде отправленнымъ 150 самоварамъ еще 350 штукъ*). Самовары эти образовали благопріятные обо мнѣ разговоры на Кавказѣ и вложили въ мысли будущаго

*) И. О. Золотаревъ, какъ почитатель князя М. С. Воронцова, отвозилъ въ Тифлисъ его памятникъ и занимался постановкой его на одной изъ городскихъ площадей. В. К.

намѣстника князя Барятинскаго (состоявшаго тогда, кажется, начальникомъ штаба при князѣ Воронцовѣ) первое сѣмя добраго обо мнѣ мнѣнія.

Впослѣдствіи князь Барятинскій былъ назначенъ намѣстникомъ. При отъѣздѣ его изъ Петербурга на Кавказъ, я былъ представленъ ему братомъ его, Анатоліемъ Ивановичемъ. При этомъ намѣстникъ завелъ похвальную рѣчь о самоварахъ, звалъ меня на Кавказъ, изображая, какое обширное поле для дѣятельности представляетъ этотъ край, и присовокупилъ къ тому самое искреннее завѣреніе въ своей готовности помогать всякому начинанію всего нужнаго и полезнаго для развитія Кавказа.

Черезъ годъ, или немного болѣе, послѣ отъѣзда князя Барятинскаго, пріѣхалъ ко мнѣ оберъ-прокуроръ Сената, баронъ Торнау*), съ особымъ письмомъ отъ князя Барятинскаго, удостовѣрившимъ, что баронъ отличный знатокъ всего Закавказья и Персіи въ промышленномъ отношеніи. Баронъ Торнау увлекъ меня своими яркими и энергическими разсказами о выгодности торговли съ Персіей, гдѣ за пудъ нашего полосоваго желѣза даютъ пудъ хлопка. Эти слова оправдались на самомъ дѣлѣ, и еслибы Торнау, во время дѣйствій его по моимъ дѣламъ въ Персіи, держался одной только желѣзно-

*) Баронъ Н. Е. Торнау послѣ семилѣтняго перерыва государственной службы, былъ назначенъ сенаторомъ въ Гражданскій Кассационный Департаментъ, гдѣ вскорѣ сдѣлался первоприсутствующимъ, а впослѣдствіи былъ недолгое время членомъ Государственнаго Совѣта. (Русскій Архивъ 87 г.).

хлопковой размѣнной торговли, не присоединяя къ ней фруктовой, бакалейной и мануфактурной, то дѣло, имѣ проэктированное, дало бы блистательный барышъ. Баронъ Торнау былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ на Кавказѣ всѣхъ восточныхъ языковъ и, вслѣдствіе этого и прежняго знакомства съ княземъ, очень часто у него бывалъ. Дѣйствуя въ торговыхъ дѣлахъ на Кавказѣ по моей довѣренности, баронъ, безъ сомнѣнія, наговорилъ князю обо мнѣ гораздо болѣе того, чтò стоило бы сказать, и это, конечно, усиливало благорасположеніе князя ко мнѣ, такъ что въ бытность мою въ Парижѣ, въ 1857 году, я получилъ тамъ отъ князя Барятинскаго письмо, съ уполномочіемъ дѣйствовать отъ его имени по пріисканію заграничныхъ капиталовъ для Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но отъ принятія порученія князя Барятинскаго я уклонился, имѣвъ къ тому вполне уважительную причину — неудобство пріискивать капиталы въ то время, когда это пріисканіе производилось для Главнаго Общества Желѣзныхъ Дорогъ и шло съ большими затрудненіями, слѣдовательно два спроса на деньги, изъ одной и той же Россіи, стали бы вредить одинъ другому. При этомъ, въ моемъ отвѣтномъ письмѣ, я дозволилъ себѣ обратить вниманіе князя на то, что полезнѣе бы было прежде строить дорогу отъ Баку до Тифлиса, чтобы связать Кавказъ съ Россіей посредствомъ Волги и Каспія.

Послѣ означенной переписки, кажется въ 1858 году, когда я жилъ въ Москвѣ, начальникъ штаба

Кавказскихъ войскъ, Дмитрій Алексѣевичъ Милотинъ**), проѣзжая черезъ Москву въ Петербургъ, удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ и велъ разговоръ, по порученію намѣстника Кавказскаго, о желѣзнодорожномъ дѣлѣ на Кавказѣ. Въ разговорѣ этомъ, какъ равно и въ самомъ посѣщеніи Дмитрія Алексѣевича, выражалось доброе расположеніе ко мнѣ князя Барятинскаго, нисколько не измѣнившееся послѣ моего отрицательнаго отвѣта изъ Парижа. Впослѣдствіи, когда князь Барятинскій пріѣзжалъ въ Петербургъ, я каждый разъ къ нему являлся, и въ каждое свиданіе знаки расположенія князя увеличивались.

Выразивъ всю случайно сложившуюся ткань довѣрія и расположенія ко мнѣ князя Барятинскаго, приступаю къ повѣствованію о томъ, чтò я слышалъ отъ князя въ Царскомъ Селѣ относительно намѣренія его о заблаговременномъ приготовленіи къ войнѣ съ Турціей.

*

Въ Апрѣлѣ 1866 года, Царь-Освободитель Императоръ Александръ II-й праздновалъ въ Царскомъ Селѣ свою серебряную свадьбу. На эти семейныя празднества былъ приглашенъ изъ-за границы фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. По пріѣздѣ князя я явился къ нему въ

**) Впослѣдствіи военный министръ, нынѣ графъ и членъ Государственнаго Совѣта. (Русскій Архивъ 87 г.).

Царское Село, въ Посольскій дворецъ, принадлежавшій нынѣ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу. Князь назначилъ мнѣ побывать у него 7 Мая. Передавая во всеуслышаніе главныя подробности этого свиданія, прошу благосклонныхъ читателей обратить особое вниманіе на глубину государственныхъ мыслей и на пророческую дальнзоркость князя А. И. Барятинскаго.

Когда я остался въ кабинетѣ вдвоемъ съ княземъ, онъ началъ со мною слѣдующій разговоръ. „Я пріѣхалъ сюда по приглашенію Государя на семейные праздники, по случаю серебряной свадьбы Его Величества, какъ бывшій шаферъ при вѣнчаніи и, не вмѣшиваясь ни въ какія текущія дѣла, счелъ своимъ долгомъ доложить Государю, что векорѣ начнется война Пруссаковъ съ Австрійцами, и что войны этой намъ не слѣдуетъ допускать безъ участія Россіи, имѣя въ виду то, что война, по отличному составу Прусской арміи, должна окончиться торжествомъ Пруссіи, и тогда Берлинъ получитъ преобладающее политическое значеніе къ явному ущербу Россіи; но когда пораженіе Австріи состоится посредствомъ соединенныхъ военныхъ силъ Россіи и Пруссіи, тогда, оставляя Венгрію самостоятельнымъ государствомъ и поправляя тѣмъ ошибку 1849 года, мы можемъ остальную часть Австрійскихъ владѣній раздѣлить на-двое: Нѣмецкое къ Пруссіи, Славянское — подъ покровительство Россіи. При такомъ исходѣ войны, развязка Восточ-

наго вопроса будетъ въ послѣдствіи достигнута безъ всякаго труда и осложненія, такъ какъ ключи Цареграда находятся въ Вѣнѣ *).

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, князь возобновилъ свой разговоръ:

„Мнѣ пришлось нѣсколько разъ настойчиво умолять Государя обратить вниманіе на необходимость участвовать въ войнѣ, которая будетъ очень непродолжительна и не составитъ большихъ расходовъ, а результаты для дальнѣйшихъ видовъ на Востокѣ дасть самыя блестящія; тогда какъ, оставаясь хладнокровными зрителями событій, имѣющихъ совершаться возлѣ нашихъ границъ, намъ придется въ послѣдствіи, быть можетъ черезъ 5 или 10 лѣтъ, дорого заплатить за то, что мы не умѣли воспользоваться настоящею минутою и не извлекли изъ нея очевидной пользы для могущества Россіи. Настоянія мои привели къ тому, что Государь назначилъ въ своемъ кабинетѣ секретный комитетъ подъ своимъ предѣдательствомъ, изъ военнаго министра Д. А. Милютина, министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова и меня“.

Затѣмъ послѣдовало болѣе продолжительное молчаніе, во время котораго князь устремилъ на меня испытующій взоръ и потомъ спросилъ: „что вы на это скажете?“ Отвѣтъ былъ таковъ:

— Сердце мое исполнено радостнаго удивленія

*) Этой послѣдней мысли, какъ извѣстно, держался и другой государственный человекъ — князь И. Ѳ. Паскевичъ. (Русскій Архивъ 87 г.).

и восторга, предчувствуя въ исполненіи вашей мысли конецъ существованію въ Европѣ Австріи, этого очага интригъ и предательскихъ дѣйствій, задерживающихъ въ Славянскихъ земляхъ образованіе самостоятельной жизни; но вмѣстѣ съ радостію я чувствую глубокое горе, предвидя, что совѣщаніе въ царскомъ кабинетѣ не проникнулось великимъ значеніемъ вашей мысли и оставило ее безъ исполненія.

„Да, это такъ; вы угадали“, сказалъ князь; „но скажите мнѣ, почему вы угадали? Вѣдь не могло же быть вамъ извѣстнымъ рѣшеніе секретнаго комитета?“

— Отгадка моя основана, князь, на вашихъ же словахъ. Еслибы мысль ваша прошла въ секретномъ комитетѣ, то вы бы мнѣ ни слова объ этомъ не говорили, принимая въ соображеніе важность дѣла и необходимость покрыть его на извѣстное время непроницаемой тайной; а потому я позволяю себѣ заключить, что настоящая откровенность ваша истекаетъ изъ неудачи въ успѣхѣхъ вашего великаго плана. Мнѣ остается только благодарить васъ за то, что вы изъ числа вашихъ многочисленныхъ почитателей избрали меня вашимъ нотаріусомъ для засвидѣтельствованія величайшаго историческаго факта, который я скрою въ глубинѣ души моей до поры до времени.

Теперь наступила пора сдѣлать вышеизложенный разговоръ извѣстнымъ. Оглашать его ранѣе, въ то самое царствованіе, въ которое предложеніе фельд-

маршала князя Барятинскаго отклонено, было бы неприлично; по восшествіи же на престолъ Государя Императора Александра III-го, при дѣйствіи Берлинскаго трактата, давшаго послѣ Восточной войны кое-какую установку на Балканскомъ полуостровѣ, такое оглашеніе представлялось несвоевременнымъ. Нынѣ, когда шаткіе устои Балканскаго полуострова покривились отъ напора Австрійскихъ интригъ, оглашеніе великой и вѣрной мысли князя Барятинскаго представляется необходимымъ, благопотребнымъ, обязательнымъ. Событія настоящаго времени вполне подтвердили предсказаніе князя Барятинскаго и дали полное удостовѣреніе въ томъ, что Восточный вопросъ получилъ бы самый лучший исходъ, еслибы мысль князя была принята.

Въ заключеніе разговора, князь Барятинскій передалъ подробно все то, что говорилось въ засѣданіи дворцоваго комитета; но я опускаю эти подробности по неудобству предавать ихъ оглашенію.

Кромѣ того разговоръ коснулся совершавшихся въ то время преобразованій и причинъ уклоненія князя (не смотря на личную пріязнь Государя Императора) отъ участія въ важнѣйшихъ вопросахъ, порождаемыхъ преобразованіями, и наконецъ заключился любимой мечтою князя о переносѣ столицы и царскаго мѣстопробыванія изъ Петербурга въ Кіевъ, съ выводами всѣхъ неудобствъ и страшныхъ потерь и неустройствъ, происходящихъ главнѣйше

отъ пребыванія Царя и центрального управленія Россіей въ гниломъ, отдаленномъ углу Имперіи ¹⁾).

*

Переходя отъ 1866 года къ настоящему времени, мы видимъ, что вмѣсто Пруссіи существуетъ уже Германская имперія, побѣдительница не только Австріи, но и Франціи, съ полнымъ рѣшающимъ вліяніемъ, безъ всякаго исключенія, на ходъ всѣхъ Европейскихъ событій. Вотъ это-то вліяніе князь Барятинскій предвидѣлъ и стремился къ тому, чтобы оно въ извѣстной мѣрѣ принадлежало Россіи, въ силу участія нашего въ войнѣ съ Австріей въ 1866 г., и чтобы затѣмъ Восточный вопросъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ Австрійскихъ кознодѣйствій. Мы уклонились отъ спасительнаго совѣта князя Барятинскаго, и поставили себя, начиная съ 1871 года, въ зависимость отъ воззрѣній князя Бисмарка. Зависимость эта оказалась столь сильною, что мы, ошибочно начавъ въ 1877 году Восточную войну, могли только издали видѣть башни Цареграда и за это видѣніе заплатили потерю сотенъ тысячъ войскъ и милліардомъ новыхъ долговъ ¹⁾).

Затѣмъ Но лучше опустимъ завѣсу забвенія на печальное воспоминаніе о томъ, когда мы, какъ виновные, предстали на судъ Берлинскаго

¹⁾ Князь М. С. Воронцовъ тоже неоднократно указывалъ на благо-потребность перенести средоточіе управленія въ Кіевъ. (Русскій Архивъ 87 г.).

¹⁾ Одни Восточные займы составляютъ, кажется, 800 милліоновъ, не говоря о многихъ другихъ займахъ. В. К.

конгресса. (Рана еще слишкомъ свѣжа, чтобы можно было ея касаться безъ сильной сердечной боли). Возможность этого грустнаго положенія была предчувствуема княземъ Барятинскимъ, и, чтобы не допустить подобнаго ужаснаго событія, князь полагалъ необходимымъ сочетать государственный ростъ нашей сосѣдки (Пруссіи) съ ростомъ Россіи; но мы пропустили въ 1866 году ту минуту, въ которую могли изъ Прусско-Австрійской войны извлечь громадную пользу въ смыслѣ увеличенія нашего политическаго значенія и тѣмъ сдѣлать развязку Восточнаго вопроса возможною безъ особыхъ усилій и затратъ и соотвѣтственною достоинству и намѣреніямъ Россіи.

Восточная война образовала массу новыхъ долговъ, которые составляютъ самый тяжкій экономическій провалъ, поразившій финансовое положеніе Россіи до такой немоши, въ какой еще никогда не бывала Русская земля. Достигнутое предъ войной 1877 г. равновѣсіе въ государственной росписи удалилось отъ насъ на многіе годы, и мы, повергнутые въ бездну разстройства, видимъ предъ собой слѣдующую современную картину. Все достояніе государства со всѣми его будущими доходами въ залогъ по сдѣланнымъ внѣшнимъ займамъ; частныя недвижимыя имущества (земли помѣщиковъ) также въ залогъ по находящимся частію дома, а главнѣйше за границею, закладнымъ листамъ; производительность земли (хлѣбъ) обложена пошлиною за право ввоза въ Германію. Однимъ словомъ, госу-

*

дарство оказалось въ томъ же бѣдственномъ состояніи, до какого властительные „они“ довели помѣщичье хозяйство закрытіемъ опекунскихъ со- вѣтовъ и разрушеніемъ мелкихъ винокуренъ, при безграничномъ распространеніи пьянства. Мы употребили выраженіе „*властительные они*“, полагая, что люди, достигшіе на всемъ обширномъ пространствѣ Русской земли разрушенія сельско-хозяйственнаго быта, безъ сомнѣнія, выразили въ своихъ дѣйствіяхъ полную властительную силу, но, къ сожа- лѣнію, силу самаго печальнаго (скажу сильнѣе, преступнаго) свойства, породившую общее обѣднѣніе и разореніе.

Возвращаясь къ словамъ князя Барятинскаго, нельзя умолчать, что если бы, въ свое время, эти пророческія слова были обращены въ дѣло, то на Русскую жизнь не налегло бы такой массы денеж- ныхъ долговъ, какая образовалась отъ войны 1877 года, не имѣвшей предварительно ни предусмотрѣ- нія всѣхъ трудностей, ни согласованія предшество- вавшихъ войнѣ событій съ видами и пользою Рос- сіи. Устами князя вѣщаль духъ правды, духъ ис- кренней любви къ Россіи; это былъ духъ глубокаго разумѣнія, предвидѣвшій горестную возможность Плевны и Шипки съ массою славныхъ храбрецовъ, уснувшихъ тамъ вѣчнымъ сномъ, и блестящую залу Берлинскаго конгресса, измышлявшаго униженіе Россіи, и разнообразныя возмутительныя Болгарскія событія, направляемыя коварствомъ Австріи къ на- шему оскорбленію. А быть можетъ всего этого можно

было избѣжать посредствомъ самаго простаго мѣро- пріятія. Вообразимъ себѣ, что Турецкій султанъ за одну четвертую часть той суммы, въ какую обо- шлась намъ война, освободилъ бы, безъ всякаго крово- пролитія, Болгарію и Румелію отъ своего влады- чества. И тогда мы, при такомъ мирномъ освобо- жденіи Болгаръ отъ Турецкаго ига, дали бы имъ другую $\frac{1}{4}$ часть стоимости войны въ кредитъ на облегчительныхъ условіяхъ и тѣмъ самымъ создали бы наше вліяніе на нихъ, какъ вліяніе добрыхъ кредиторовъ, въ самомъ сильномъ и прочномъ видѣ, съ истинно-благотворными послѣдствіями. Это влія- ніе было бы въ тысячу разъ крѣпче и полезнѣе скороспѣлой конституціи, сочиненной для Бол- гаріи.

Заключимъ тѣмъ, что если бы засѣданіе въ залѣ Берлинскаго конгресса, бывшее въ 1878 году, было предварено (послѣ кабинетнаго совѣщанія съ кня- земъ Барятинскимъ въ Царскомъ Селѣ) засѣданіемъ въ 1866 году въ Зимнемъ дворцѣ составленнымъ изъ всѣхъ сановниковъ, и рѣшило бы мысль князя Барятинскаго привести въ исполненіе,—тогда бы Берлинскаго засѣданія вовсе не существовало; по- тому что для образованія его не могло явиться ни мысли, ни права, ни повода, ни смѣлости. И тогда бы не только Россія, но и весь міръ давно бы на- слаждался дѣйствительнымъ миромъ, а не воору- женнымъ, изнуряющимъ во всѣхъ государствахъ силу правительствъ и народовъ, съ неизбѣжнымъ при томъ колебаніемъ экономической почвы. При

такомъ положеніи экономическая жизнь представляется вовсе необезпеченною отъ неожиданныхъ проваловъ. И все это на насъ надвинулось только потому, что слова князя А. И. Барятинскаго были *гласомъ вопіющаго въ пустынь.*

Четырнадцатый провалъ.

Независимо отъ проваловъ, породившихъ вредное и очевидное для всѣхъ разрушеніе экономической жизни всей Россіи, существуютъ еще мѣстные провалы, поражающіе обѣднѣніемъ только ту часть народонаселенія, которая подвергнута ихъ разрушительному дѣйствию. Въ настоящее время память моя сохранила нѣкоторыя подробности о провалахъ въ Дагестанской области мареноводства и въ Соликамскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ (Пермской и Вологодской губерній) солевареннаго производства. Несомнѣнно, что и въ другихъ мѣстностяхъ, и даже въ очень многихъ, были свои разрушительные провалы; но о нихъ точнѣе и вѣрнѣе могутъ откликнуться изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, которыя поражены губительными послѣдствіями совершившихся проваловъ.

Если бросить внимательный взглядъ на нѣкоторые города и селенія, то въ нихъ мы увидимъ печальныя развалины разрушившейся промышленности, ясно свидѣтельствующія о томъ, что когда-то въ мѣстахъ, представляющихъ теперь оскуднѣніе,

процвѣтало полное благоденствіе, и что кѣмъ-то это благоденствіе разбито вдребезги. Вотъ очевидныя доказательства разрушенія.

Въ Ярославлѣ и Вологдѣ существуетъ нѣсколько корпусовъ когда-то выстроенныхъ лавокъ, теперь совершенно заброшенныхъ и заключающихся въ однѣхъ каменныхъ стѣнахъ съ провалившимися крышами и ислѣвшими отъ времени дверями. Точно такіе же корпуса лавокъ, находящихся въ полномъ запустѣніи, можно видѣть въ городахъ: Галичѣ, Старицѣ, Торощѣ и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ лавокъ, по ихъ фасадамъ, относятся къ началу нынѣшняго столѣтія, а нѣкоторыя — къ Петровскому времени. Понятно, что въ старинное время сооруженіе церкви вызывалось религіознымъ усердіемъ, а сооруженіе лавокъ цѣлыми линиями могло вызываться только одною лишь потребностію торговли. Точно также понятно, что обращеніе этихъ лавокъ въ развалины выражаетъ совершенное обѣднѣніе. Наиболѣе всего поразительнымъ представляется запустѣніе огромнаго количества лавокъ въ Ростовѣ, Ярославской губерніи, гдѣ одинъ лавковладѣлецъ (купецъ Хлѣбниковъ) потерялъ 20 тыс. рублей годового дохода отъ запустѣнія своихъ лавокъ. Лѣтъ черезъ десять послѣ введенія акцизной системы питейнаго сбора, мнѣ пришлось быть на Ростовской ярмаркѣ и видѣть заброшенныя лавки, окруженныя массою нищихъ, умолявшихъ прохожихъ о подаваніи на дневное пропитаніе. При этомъ мнѣ пришла мысль вступить въ разговоръ съ нищими

съ цѣлью узнать причину ихъ обѣднѣнія и посредствомъ этого добратся до вѣрнаго опредѣленія упадка мѣстной торговли.

На вопросъ мой, обращенный къ одной изъ нищихъ, ходила ли по міру за подаваніемъ ея мать или бабушка, нѣсколько нищихъ отвѣчали въ одинъ голосъ: „Мы и сами еще только 4-й годъ стали ходить по міру, а родители наши жили сытно, мужа же и сыновья все пропили; вѣдь въ нашей деревнѣ не было прежде ни одного кабака, а теперь завелось пять кабаковъ, отчего и погубило все то, что было заведено по крестьянскому житію, разная скотинка, сбруя и одежда“. Другія отвѣчали, что у нихъ поле заброшено за неимѣніемъ удобренія по случаю закрытія винокурения въ ближайшихъ къ нимъ заводахъ. Безъ барды не стало скота, безъ скота окаменѣло поле, земля ничего не родить, и вотъ намъ пришлось кормиться мірскимъ подаваніемъ. Иные объясняли, что бывшія у нихъ въ полѣ полосы для посѣва льна давно заброшены какъ по неимѣнію удобренія, такъ и по отсутствію покупателей на ленъ, вслѣдствіе замѣны холстинныхъ рубахъ ситцевыми (смотри провалъ 3-й). Наконецъ, всѣ эти партіи нищихъ въ одинъ голосъ выражали свою скорбь слѣдующими словами: „Крестьянское бытѣе не заправное; если чѣмъ-либо его немножко подкосятъ, то уже во весь вѣкъ не справишься и на свои ноги не встанешь; а нужда такъ тебя забьетъ, что и жизни не радъ, и не знаешь куда дѣваться съ горя. Ребятишки

ревать въ худой, непризорной избѣ, просятъ, глупые, молока и хлѣба; вѣдь не понимаютъ того, что кабакъ всю нашу силушку высосалъ въ казну“.

Изъ всего сказаннаго ясно какъ день, что покупная способность, которая поддерживала существованіе лавокъ на Ростовской ярмаркѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ, исчезла, и народныя денежныя крѣхи перемѣстились въ кабаки и въ Америку въ видѣ уплаты за привозимый оттуда хлопокъ. Непонятно то, почему финансовая статистика довѣряетъ официальнымъ донесеніямъ и составляетъ изъ нихъ свои обзрѣнія, чуждаясь пріобрѣтенія свѣдѣній изъ прямыхъ жизненныхъ сообщеній самого обѣднѣвшаго народа.

Кромѣ городовъ, есть множество селеній, въ которыхъ около церквей сдѣланы каменные ограды съ лавками на наружную сторону. Всѣ эти лавки десятки лѣтъ стоятъ пустыми и безжизненными, подобно памятникамъ на кладбищѣ, выражая собою горькое воспоминаніе о минувшей жизни, низвергнутой въ могилы ложными теоріями тѣхъ народопопечителей, которые устраиваютъ Россію по иностраннымъ сочиненіямъ и по своимъ личнымъ соображеніямъ, не простирающимся далѣе знанія Невскаго Проспекта. Кто не знаетъ, что большинство законопроектовъ исходитъ не изъ потребности жизни, а изъ желанія пишущихъ лицъ создать для себя служебную карьеру?

Самыя наши выставки сельскохозяйственныя, огородныя, промышленныя и т. п. имѣютъ въ основа-

ніи своемъ чистѣйшую ложь: онѣ представляютъ чудовищную по объему капусту и картофель, крупныя зерновыя сѣмена и породистый скотъ и т. д., тогда какъ въ народной жизни ничего этого нѣтъ, и за всю эту ложь получаютъ въ награду золотыя и серебряныя медали. Плачетъ, горько плачетъ вразумительная дубинка Петра I-го. Было бы истинно поучительно составить правдивую выставку, на которой мы бы увидали не диковинки, а обыкновенныхъ крестьянскихъ коровъ и лошадей и тѣ зерновыя сѣмена, какими деревня обсевааетъ свои поля. На такой выставкѣ не было бы самообмана, и она скорѣе бы навела насъ на самыя вѣрныя мысли о нужныхъ мѣропріятіяхъ, нежели выставки пустого самохвальства. Не мѣшаетъ присоединить къ правдивой выставкѣ приданое большинства крестьянскихъ невѣстъ и показать въ картинахъ избы безъ соломенныхъ крышъ, снятыхъ для корма скота въ концѣ зимы; равно изобразить кистью художника коровъ, поворачиваемыхъ колыями отъ безилія встать на ноги, вслѣдствіе зимней безкормицы, и наконецъ заключить все это кладовой большинства нашихъ крестьянъ съ содержащимся въ ней имуществомъ. При этомъ обнаружится, что имущество заключается единственно изъ старыхъ тряпокъ, кое-какихъ веревокъ, изношенной обуви, оборванной сбури и обвитыхъ берестомъ горшковъ.

Но среди этого бѣднаго имущества всегда найдется огромное богатство, которому нѣтъ цѣны. Въ этомъ богатствѣ кроется вся сила Русскаго госу-

дарства и народа—сила великаго терпѣнія и вѣры. Это восковая свѣчка и нѣсколько мѣдныхъ пятакъ на поминъ души, завернутыхъ въ чистую бумагу и хранимыхъ для той торжественной минуты, въ которую человѣкъ оканчиваетъ все свои земныя страданія. Въ эту минуту восковая свѣчка ставится къ образу и потомъ переносится къ гробу, а пятаки раздаются тѣмъ неимущимъ горемыкамъ, для которыхъ еще не пришелъ конецъ страданій.

Составители статистическихъ и промышленныхъ обзорѣній, на которыхъ финансисты основываютъ свои проекты, безъ сомнѣнія, сами бы ужаснулись тѣхъ бѣдствій, которыя они понадѣлали въ последнее время, если бы заглянули въ жизнь народа. Пора прекратить составленіе обзорѣній Русской экономической жизни, основанныхъ на официальныхъ донесеніяхъ, вовсе не выражающихъ дѣйствительности, и послѣ искренняго раскаянія пора поставить себѣ правиломъ изучать прежде всего Русскую жизнь въ деревняхъ, дабы согласовать свои взгляды съ народными потребностями, безъ чего при самыхъ добрыхъ желаніяхъ происходятъ горькія послѣдствія.

Да, пора содрогнуться при мысли о томъ, что оскудѣніе, въ самомъ огромномъ большинствѣ деревенскихъ домовъ, дошло до того, что обѣдъ крестьянина заключается въ одномъ черномъ хлѣбѣ и похлебкѣ изъ одной воды съ малымъ количествомъ затхлой крупы. Сомнѣвающіеся въ этомъ могутъ

легко удостовѣриться, побывавъ въ нѣсколькихъ деревняхъ около Николаевской дороги, въ разстояніи 10—20 верстъ отъ какой угодно желѣзнодорожной станціи, а чѣмъ далѣе, тѣмъ еще бѣднѣе. Трудно понять, чѣмъ живетъ крестьянинъ и какъ можетъ его семья существовать среди лишеній первыхъ потребностей жизни.

Теперь, отъ общихъ разсужденій, порожденныхъ признаками бывшихъ проваловъ, перейдемъ къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ на нашей памяти совершились очевидные провалы, породившіе разрушительныя бѣдствія. Начнемъ съ Дагестанской области. Мѣстность эта, въ началѣ второй четверти настоящаго столѣтія, стала заниматься разведеніемъ корней марены, которая впослѣдствіи составила необходимую потребность для всѣхъ почти фабрикъ при окраскѣ разныхъ тканей во всевозможные цвѣта.

Производство марены составляло главное и выгодное занятіе жителей Дагестанской области и дѣйствовало въ свое время на умиротвореніе живущихъ тамъ племенъ гораздо сильнѣе и благотворнѣе дѣйствія пороха и пушечныхъ выстрѣловъ. До 1872 года, болѣе 20 лѣтъ сряду, мы видѣли появленіе на Нижегородской ярмаркѣ Дагестанскихъ Черкесовъ съ гильдейскими правами на торговлю, пріѣзжавшихъ въ Нижній для продажи привозимой ими по Волгѣ марены, въ которой нуждались все фабриканты Московско-Владимірскаго фабричнаго округа. Черкесская гражданственность развилась

до такой степени, что векселя мареноводовъ, полученные ими за проданную марену, принимались къ учету въ банкахъ, и въ платежъ денегъ по этимъ векселямъ не было ни одного случая неисправности. Пишущій эти строки очень живо помнитъ, какъ обращались къ нему для учета векселей въ Волжско-Камскомъ банкѣ Дагестанскіе купцы въ военныхъ Черкесскихъ платяхъ съ патронами на груди. Развитіе мареноводства могло въ будущемъ времени идти гораздо далѣе; потому что марена давала такую краску, которая во всѣхъ своихъ цвѣтахъ не уступала въ яркости Китайскимъ краскамъ, и притомъ, по удостовѣренію специалистовъ, окрашеніе мареной не производило никакого вреднаго вліянія на прочность тканей. Не смотря на все это, производству марены былъ нанесенъ смертельный ударъ по случаю изобрѣтенія за границей анилиновыхъ красокъ, которыя оказались выгоднѣе марены, но за то обнаружили вредное дѣйствіе на прочность тканей. Марена до такой степени упала въ цѣнѣ, что производство ея не могло долѣе продолжаться, и весь Дагестанскій край лишился своего единственнаго промысла, отчего начавшееся на западномъ берегу Каспійскаго моря образованіе промышленнаго гражданства вовсе уничтожилось. вмѣстѣ съ этимъ, всѣ тѣ милліоны, которые платились за марену и оживляли собою недавно присоединенный къ Россіи край, перешли за границу за приобретаемыя оттуда, взамѣнъ марены, или анилиновыя краски или минеральный матеріалъ, для вы-

дѣлки ихъ въ Россіи. Такимъ образомъ рушилась торговая связь, существовавшая между Дагестаномъ и внутреннею Россіей. Дагестанцы увидали, что они напрасно трудились десятки лѣтъ надъ разведеніемъ въ своей почвѣ корней марены, напрасно чаяли отъ развитія этого промысла обогащенія своей страны: всѣ ихъ надежды рушились, потому что многократныя просьбы Дагестанскихъ мареноводовъ объ обложеніи анилиновыхъ красокъ такою привозною пошлиною, которая бы обезпечила существованіе мареноводства, не удостоились въ С.-Петербурѣ никакого вниманія. Между тѣмъ, въ то же самое время, когда мы погребали промыселъ марены, очень много говорилось и писалось о разведеніи хлопчатныхъ плантацій въ Закавказьи и Ташкентѣ, но во всѣхъ этихъ разговорахъ ни разу не слышалось такой мѣры, которая бы могла содѣйствовать разведенію хлопка. Мѣра эта очень простая: нужно поднять привозную пошлину на Американскій хлопокъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы было выгодно разводить посѣвъ хлопчатника на своихъ земляхъ, и тогда доходность предпріятія сдѣлалась бы самымъ сильнымъ двигателемъ къ употребленію труда и капитала на хлопчатные посѣвы.

Замѣна марены иностранными красками напоминаетъ собою замѣну старинной набивки по холсту разныхъ узоровъ, — ситцами. Вообще, говоря о Русской изобрѣтательности, нельзя не скорбѣть о томъ, что все создавшееся у насъ дѣла чахнетъ и погибаетъ отъ недостатка попеченія и заботливо-

сти о поддержкѣ народной промышленности. Теперь, вѣроятно, анилиновые краски такъ прочно водворились въ фабричномъ производствѣ, а мареноводныя плантаціи такъ густо заросли бурьяномъ, что о возрожденіи мареноводства и рѣчи быть не можетъ; но это, однакожъ, не мѣшаетъ сожалѣть о разрушеніи промышленнаго значенія Дагестана. Если внимательнѣе осмотримся, то увидимъ, что та же участь приближается и къ нашимъ зерновымъ хлѣбамъ, по случаю появленія на Европейскихъ рынкахъ изъ Австраліи овса и пшеницы.

КОСТРОМСКАЯ
Муш. Библиоколлекторъ

Приступая къ мѣстному провалу въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, поразившему солеваренное производство совершеннымъ разрушеніемъ, нельзя умолчать о стародавности этого производства. Оно образовалось при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ, болѣе пятисотъ лѣтъ тому назадъ. Разрушеніе этого промысла дѣйствуетъ на меня съ особенною впечатлительностію. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что изображенная въ первомъ провалѣ губительная серебряная единица уничтожила солевареніе въ Костромской губерніи, въ городѣ Солигаличѣ, и въ числѣ пострадавшихъ былъ солеваренный заводъ, находившійся въ моемъ владѣніи, совмѣстно съ моими родственниками. Когда, въ 1883 году, подобное разрушеніе подуло изъ Петербурга на Пермскіе солеваренныя заводы,

я былъ арендаторомъ казеннаго Дедюхинскаго завода. Заводъ этотъ пришелъ въ такое изнеможеніе, что, вмѣсто прежней выгоды, сталъ приносить убытка около 100 тысячъ рублей въ годъ, и я, едва дотянувъ контрактъ, оканчивавшійся въ 1885 году, отказался отъ дальнѣйшей аренды этого завода, за который платилось правительству болѣе 30 тысячъ рублей въ годъ, а существованіе завода кормило 400 человекъ заводскихъ рабочихъ съ ихъ семействами и доставляло заработки нѣсколькимъ тысячамъ крестьянъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ по заготовленію дровъ и постройкѣ судовъ для сплава соли на Волгу, выварка которой въ Дедюхинѣ простиралась до 3 милліоновъ пудовъ. Подобно тому, какъ въ 1840 году Солигаличскіе рабочіе пошли питаться подаеніемъ, такъ и въ 1885 году Дедюхинскіе рабочіе, за прекращеніемъ солеваренія, подверглись той же бѣдственной участи. Пермскій губернаторъ представилъ подробную картину этихъ бѣдствій, и картина эта передана, какъ слышно, на разсмотрѣніе какой-то особо составленной комиссіи; но какъ, между тѣмъ, рабочіе изнемогали отъ голода, то, конечно, извѣстіе, послѣдовавшее на всѣ ихъ просьбы, о назначеніи комиссіи не могло ихъ накормить. Все, что я могъ сдѣлать съ своей стороны, заключалось въ обезпеченіи рабочихъ хлѣбнымъ продовольствіемъ на шесть мѣсяцевъ послѣ закрытія завода.

Дедюхинскій заводъ въ 1885 году нѣсколько разъ предлагался на торгахъ въ арендное содержаніе, но

никого желающих не явилось, даже без всякой арендной платы. По странному стечению обстоятельств, мнѣ пришлось, какъ я выше упоминалъ, при самомъ началѣ моего коммерческаго поприща пережить разрушеніе Солигаличскаго солеваренія и черезъ 45 лѣтъ быть свидѣтелемъ подобнаго же разрушенія въ Дедюхинѣ!

Считаю необходимымъ ознакомить читателя съ тѣмъ, какія глубокія доказательства Русской природной разумности проявляетъ исторія Дедюхинскаго солевареннаго завода и сопредѣльныхъ съ нимъ заводовъ князей Голицына, Абамелекъ-Лазарева, графовъ Строгановыхъ и Шуваловыхъ. Въ заводахъ этихъ существуютъ разсолныя трубы, изъ которыхъ самыя старинныя пробурованы 300—400 лѣтъ тому назадъ слишкомъ на 100 сажень въ глубину земли, для добычи изъ нихъ разсола на выварку соли. Трубы эти (такъ принято называть ихъ между заводскимъ населеніемъ) выражаютъ собою то же самое, что артезианскіе колодцы въ Европѣ, но колодцы изобрѣтены черезъ 200 лѣтъ послѣ образованія Дедюхинскихъ трубъ. Всѣ потребныя для сверленія этихъ трубъ инструменты, счетомъ болѣе 50 нумеровъ, цилиндры для огражденія отъ напора боковой земли и прѣсной воды, равно и машины для подъема разсола, изобрѣтены и приспособлены къ дѣйствию въ глубокой древности, мыслию и умомъ мѣстныхъ заводскихъ мастеровъ. И въ то время, когда еще Россія не имѣла солей Астраханской, Крымской и Илецкой, Русское на-

родонаселеніе питалось нѣсколько столѣтій одною Пермскою солью; и все это было создано силою Русскаго простонароднаго ума, въ то время, когда еще не было въ Россіи ни горнаго института и никакихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Нынѣ, въ вѣкъ прогресса и цивилизаци, на долю правнуковъ древнихъ изобрѣтательныхъ Дедюхинцевъ досталось безотрадное нищенство, потому что за прекращеніемъ въ Дедюхинѣ заводскаго производства пришлось спастись отъ голода, протягивая руку за подаеніемъ хлѣбныхъ корокъ къ доброхотнымъ дателямъ.

Древнее существованіе въ Россіи разсолныхъ трубъ, устроенныхъ нѣсколько столѣтій тому назадъ въ Дедюхинѣ, Усольѣ, Сольвычегодскѣ, Тотмѣ, Леденскѣ и Яренскѣ, хотя выражало собою совершенную однородность съ позднѣйшимъ изобрѣтѣніемъ въ Европѣ артезианскихъ колодцевъ, но оно до такой степени было малоизвѣстно и предано забвенію, что никто и не думалъ видѣть въ артезианскихъ колодцахъ повтореніе Русской изобрѣтательности. Это обстоятельство было причиною, что на бывшей въ Костромѣ губернской выставкѣ въ 1837 году, по случаю путешествія по Россіи Наслѣдника престола Цесаревича Александра Николаевича, я рѣшился выставить модель разсолной трубы, пробурованной мною въ городѣ Солигаличѣ, на глубину 101 сажени, со всѣми моделями употреблявшихся при буреніи инструментовъ, дабы объяснить Его Императорскому Высо-

честву, что изобрѣтеніе этихъ трубъ относится еще ко временамъ Московскаго государства. Выставка была посѣщена Наслѣдникомъ Престола въ сопровожденіи В. А. Жуковскаго и К. И. Арсеньева, и трехъ юношей въ военныхъ мундирахъ, сколько мнѣ помнится, Адлерберга, Паткуля и Мердера. Вѣроятно, объясненіе значенія разсолныхъ трубъ признано было удовлетворительнымъ, и я удостоился отъ Государя Цесаревича пожатія руки, а отъ Жуковскаго и Арсеньева поцѣлуя. На другой день послѣ этого, я представилъ К. И. Арсеньеву докладную записку объ увеличеніи пошлины на иностранную соль, дабы дать ходъ полному сбыту Астраханской и Илецкой солей. Арсеньевъ обѣщаль представить эту записку министру финансовъ графу Канкрину, что имъ и было исполнено; потому что мѣсяца черезъ два я получилъ изъ канцеляріи министра финансовъ увѣдомленіе, что записка моя, по признанному въ ней полезному содержанию, будетъ напечатана въ „Коммерческой Газетѣ“. Это странное рѣшеніе не могло не удивить меня, потому что безъ всякаго соприкосновенія къ министерству я могъ бы и самъ отъ себя послать мою записку, въ видѣ статьи, въ редакцію „Коммерческой Газеты“.

Возвращаясь къ Пермскому солеваренному производству, нельзя знать, какая готовится ему участь въ будущемъ времени; но можно навѣрное заключить, что уничтоженіе этого производства породить въ Пермской губерніи явленіе совершенно новое—

нищенство. До сихъ поръ въ Верхне-Камскихъ пристаняхъ не встрѣчалось ни одного человѣка, просящаго милостыни, всѣ жили отъ труда рукъ своихъ; теперь же этотъ способъ жизни является уничтоженнымъ вслѣдствіе новыхъ законоположеній о соли, основаніемъ которыхъ служили, какъ выше сказано, не потребность дѣла, а карьера.

Точно та же участь, какая постигла Соликамскій край, обрушилась и на Тотемскій уѣздъ Вологодской губерніи, гдѣ дѣйствіе солеваренія находится наканунѣ прекращенія въ двухъ заводахъ, Тотемскомъ и Леденскомъ и, если эти заводы кое-какъ тянутъ еще свое существованіе, то единственно для того чтобы употребить въ дѣло оставшіяся въ заготовкѣ дрова; а на будущій годъ и въ Вологодскомъ краѣ повторится то же, что и въ Перми, т. е. рабочіе пойдутъ по міру, и для устройства ихъ быта вѣроятно откроется въ С.-Петербургѣ особая коммисія. Не проще ли бы было не разстраивать существовавшаго быта солеваренныхъ рабочихъ въ Перми и Вологдѣ, чѣмъ придумывать мѣры къ исправленію нанесенныхъ золъ?

Но читатель, безъ сомнѣнія, давно уже желаетъ знать о причинѣ упадка солеваренія въ Пермской и Вологодской губерніяхъ. Причина эта заключается въ сложеніи акциза съ соли, отчего усилился привозъ самосадочныхъ и горныхъ солей въ Москву, на Волгу и во всѣ внутреннія губерніи, и усиленіе это произвело такое пониженіе цѣнъ, которое вытѣснило съ рынка всѣ вообще поваренныя

соли, и солевареннымъ заводамъ пришлось перенести столь сильный убытокъ, что они оказались въ необходимости прекратить производство солеваренія. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, касающійся государственныхъ заботъ о рабочихъ и о всемъ мѣстномъ населеніи, окружающемъ заводы, безъ которыхъ нѣтъ ему возможности къ безбѣдному существованію. На все это могутъ возразить, что если заводское народонаселеніе повергнуто въ бѣдность, то за то вся Россія осталась въ выигрышѣ отъ удешевленія соли. Да, это было бы такъ, если бы сложеніе акциза послѣдовало отъ избытка денежныхъ средствъ и не повлекло за собой установленія множества разныхъ новыхъ налоговъ; но и при этомъ надобно было, прежде чѣмъ разрушать солеваренное производство, создать въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ были заводы, новую дѣятельность, въ родѣ выработки соды или другихъ производствъ, могущихъ дать трудъ и хлѣбъ. А когда съ раззореніемъ заводскихъ населеній соединились новые налоги, установленные очевидно взамѣнъ потеряннаго акциза съ соли, тогда уже раззореніе заводскихъ населеній ничѣмъ оправдать нельзя.

Главнымъ побужденіемъ къ сложенію акциза съ соли было желаніе достигнуть употребленія соли для корма скота, но эта цѣль ни въ одной губерніи не выразилась вполне удовлетворительно; потому что соль на полную сумму сложеннаго акциза (30 коп. съ пуда) нигдѣ не подешевѣла, и теперешняя ея цѣна въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ

существуетъ болѣе распространенное скотоводство, не дешевле 50 коп. за пудъ. Еще нескоро наступитъ то время, когда крестьянинъ признаетъ полезнымъ употреблять соль для скота; но чтобы могли это употребленіе дѣлать въ образцовыхъ фермахъ, которыхъ у насъ очень немного, было бы достаточно отпускать для каждой губерніи по 50 тыс. пудъ соли для раздачи ея по извѣстнымъ фермамъ на первое время даже даромъ, дѣлая это посредствомъ земскихъ управъ. При такомъ порядкѣ количество даромъ раздаваемой соли не составило бы во всей Россіи болѣе двухъ милліоновъ пудовъ, слѣдовательно государство теряло бы отъ этого милліонъ рублей въ годъ и сохранило бы при существованіи акциза свой доходъ въ 10 милліоновъ рублей въ годъ, причемъ цѣль ввести въ обычай посыпку корма для скота солью была бы вполне достигнута. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ пять, когда бы употребленіе соли для скота вошло въ привычку и спросъ на даровую соль усилился, она бы могла быть отпускаема уже не даромъ, а съ назначеніемъ умѣренной цѣны отъ 10 до 20 коп. за пудъ.

Въ заключеніе скажемъ, что властительной мысли, могущей дать устройство соляному дѣлу и снова призвать къ жизни Пермскіе и Вологодскіе соляные промыслы, предстоить трудъ уравнивать на главныхъ рынкахъ цѣнность всѣхъ солей, т. е. поваренной, самосадочной и горной, такъ чтобы ни одна соль для другой не изображала изъ себя Австраліи, которая теперь цѣнностію своего зерна (пше-

ницы и овса) убиваетъ Русское сельское хозяйство, при вывозѣ нашихъ хлѣбовъ за границу.

Очень было бы желательно, чтобы другія мѣстности, гдѣ послѣдовали мѣстные провалы, откликнулись со всѣми подробностями о переживаемыхъ ими затрудненіяхъ. Изъ яснаго разумѣнія этихъ затрудненій родились бы указанія, подобныя тому, на какія наводитъ соляной вопросъ, и разрѣшеніемъ этихъ указаній, въ смыслѣ цѣлесообразномъ мѣстнымъ интересамъ, была бы достигнута поправка многихъ ошибокъ прежняго времени.

Упомянувъ объ Австраліи, нельзя не видѣть, что къ намъ приближается быстрыми шагами новый экономическій провалъ, который будетъ состоять въ томъ, что иностранные Европейскіе рынки для сбыта нашихъ хлѣбовъ будутъ навсегда для насъ потеряны, потому что Австралійскій хлѣбъ можетъ продаваться дешевле нашего. Причины тому состоятъ въ слѣдующемъ. Въ Австраліи овесъ родится самъ 30, а у насъ самъ 6; пшеница родится самъ 150, а у насъ самъ 12. Въ Австраліи, погрузивъ хлѣбъ на корабль, привозятъ его прямо къ берегамъ Европейскихъ приморскихъ городовъ; а мы должны, положимъ, изъ Самары провезти чрезъ Волгу и Маріинскую систему съ разными перегрузками 4 тыс. верстъ и только въ Финскомъ заливѣ можемъ погрузить нашъ хлѣбъ въ корабль, такъ что провозъ до Европейскихъ портовъ обходится гораздо дороже Австралійскаго. Если же возьмемъ другую хлѣбородную мѣстность, положимъ Тамбов-

скую, то здѣсь приходится имѣть дѣло съ желѣзными дорогами, что еще болѣе возвышаетъ перевозочную цѣну, не говоря уже о томъ, что на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ не имѣется никакихъ крытыхъ помѣщеній для складки хлѣба, отчего въ ненастное время хлѣбъ подвергается неизбѣжной порчѣ.

Кромѣ означенныхъ неудобствъ, самый тарифъ за перевозку по желѣзнымъ дорогамъ направленъ къ угнетенію вывоза за границу нашего зерна. Такъ на примѣръ: съ пуда пшеницы за провозъ изъ Москвы до Ревеля берутъ 30 коп., съ пуда хлопка за провозъ по той же линіи изъ Ревеля въ Москву 14 коп., не смотря на то, что пудъ хлопка стоитъ 10 р., а пудъ пшеницы 1 р. 50 к. Изъ этого выходитъ тотъ выводъ, что мы сами для себя гораздо злѣе Бисмарка, сочинившаго ввозную пошлину въ Германіи на Русскій хлѣбъ.

Нельзя не предвидѣть, что первые годы прекращенія сбыта нашего хлѣба за границу отзовутся самымъ тяжелымъ образомъ на экономической жизни народа и на финансовыхъ оборотахъ правительства; потому что наступитъ такое время, въ которое у насъ не будетъ иностранныхъ векселей для уплаты ими по тѣмъ векселямъ, которые выдаетъ Русская торговля за ввезенные къ намъ иностранные товары.

Хотя мнѣ вѣроятно и не суждено дожить до тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приведетъ Австралійскій кризисъ, но могу съ полнымъ убѣжденіемъ и даже

увѣренностію предположить, что когда Россія будетъ завалена массою хлѣба отъ прекращенія заграничнаго спроса на него, тогда деревня несомнѣнно выиграетъ: всѣ будутъ питаться до сыта, лица просіяютъ, мускулы окрѣпнутъ. А какъ за полнымъ достаточнымъ питаніемъ будетъ оставаться еще огромная масса излишняго хлѣба, то она пойдетъ на изобильное откармливаніе скота и преобразуетъ Русскую вывозную хлѣбную торговлю въ торговлю мясомъ и кожами. Въ этихъ двухъ продуктахъ мы никогда уже ни съ чьей стороны не можемъ встрѣтить соперничества, по неимѣнію въ Европѣ природныхъ пастбищъ. Но чтобы пережить кризисъ безъ сильныхъ потрясеній, надобно идти навстрѣчу ему съ преобразовательными мѣропріятіями, въ смыслѣ перехода нашей отпускной торговли съ хлѣба на мясо. Вотъ тутъ-то и является вопросъ о мелкихъ сельско-хозяйственныхъ винокурняхъ вопросомъ самой жгучей, настоящей и неотложной надобности, такимъ вопросомъ, отъ котораго зависитъ *быть или не быть*.

Если къ устройству сельско-хозяйственныхъ винокуренъ будетъ приступлено немедленно, то до времени образованія ихъ пройдетъ по крайней мѣрѣ два года, и это какъ разъ сойдется съ тѣмъ временемъ, когда Австралія произведетъ сильное потрясеніе нашей экономической почвы; но оно уже не застанетъ насъ неприготовленными къ перенесенію производимаго этимъ потрясеніемъ колебанія. Подумаемъ о томъ, что насъ ожидаетъ въ томъ слу-

чаѣ, когда мы будемъ продолжать свое бездѣйствіе, будемъ сидѣть сложа руки и, не приступая къ устройству сельскаго винокуренія, будемъ заниматься только наводненіемъ Россіи циркулярами по акцизному вѣдомству? Отгадать нетрудно: нищенство, подобное тому, какое видѣли мы на Ростовской ярмаркѣ, образуется во многихъ уѣздахъ изъ тѣхъ людей, которые, не занимаясь хлѣбопашествомъ, живутъ на фабрикахъ, долженствующихъ значительно уменьшиться отъ безденежья помѣщиковъ и крестьянъ по случаю прекращенія спроса на хлѣбъ. Въ какомъ же положеніи будетъ тогда духъ народа, его внутреннее настроеніе? Не будемъ разгадывать будущаго и омрачать наши дни новою скорбію. Еще успѣемъ наплакаться и въ то время, когда разразится надъ нами грозная Австралійская туча; но замѣтимъ одно: черное пятно этой тучи уже показалось на дальнемъ небосклонѣ. Пора готовить громоотводъ.

Пятнадцатый провалъ.

Не подлежит никакому сомнѣнiю вѣрность всѣмъ извѣстнаго опредѣленiя, что подъемъ промышленности составляетъ главное условiе народнаго благоденствiя и силы государства. У насъ этотъ подъемъ не только не замѣтенъ, но даже наоборотъ видны доказательства движенiя назадъ, явно выражающiяся въ упадкѣ производительныхъ силъ. Причиною тому особая болѣзнь нѣкоторыхъ лицъ Русскаго коммерческаго сословiя, поддерживаемая, къ несчастiю, такъ сказать, поблажками въ смыслѣ удовлетворенiя болѣзненныхъ желанiй. Эта болѣзнь—чинобѣсiе.

Для развитiя коммерческой дѣятельности на обширномъ пространствѣ Русской земли нужна масса коммерсантовъ съ глубокимъ знанiемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ сосредоточены ихъ дѣйствiя. Успѣхъ этой дѣятельности зависитъ отъ продолжительнаго существованiя торговыхъ домовъ, передающихъ изъ рода въ родъ порядокъ веденiя дѣлъ вмѣстѣ съ послѣдовательнымъ ихъ усовершенствованiемъ. На этомъ создается общее народное довѣрiе къ стариннымъ торговымъ домамъ, представи-

телей которыхъ у насъ очень мало; но и тѣ, которые есть, быстро рѣдѣютъ отъ производства ихъ въ чины и классы. Этотъ провалъ производитъ промышленный застой во многихъ мѣстностяхъ, обращая лучшiя коммерческiя конторы въ совершенное ничтожество. Въ видѣ образности такое явленiе можно сравнить съ слѣдующей картиной. Представимъ себѣ многолиственную самородную дубовую рощу, пораженную короѣдами (червоточиной) и начинающую постепенно засыхать и обращаться въ голые, безлиственные сучья. Такое явленiе, конечно, не сопровождается никакой видимой бурей; но оно постепенно отнимаетъ силу роста до такой степени, что возвращенiе въ прежнiй цвѣтушiй видъ, при всяческихъ усилияхъ, дѣлается невозможнымъ. Точно также гибнутъ и наши коммерческiе дома. Заключение это я могъ бы оправдать двумя списками съ поименованiемъ фамилiй: одинъ списокъ изобразилъ бы всѣхъ погибшихъ для коммерческой дѣятельности домовъ отъ производства въ чины, а другой, менѣе многочисленный,—ущѣлѣвшихъ отъ дѣйствiя червоточины и передавшихъ свою дѣятельность дѣтямъ и внукамъ. Рѣшительно нельзя понять, что заставляетъ купца дезертировать изъ своего сословiя въ другое сословiе. Въ первомъ положенiи этотъ купецъ былъ замѣтенъ, во второмъ онъ представляетъ личность самую заурядную и даже смѣшную, находящуюся въ положенiи члвѣка, отставшаго отъ одного берега и никогда не могущаго пристать къ другому.

Братья Хлудовы, будучи мануфактурь-совѣтниками съ Владимірскими крестами на шеѣ, когда имъ предлагали ходатайствовать о переименованіи ихъ въ статскіе совѣтники, чтобы потомъ достигнуть слѣдующаго чина и получить дворянство, отвѣчали: „Мы имѣемъ въ Государственномъ Банкѣ, какъ купцы, личный кредитъ въ миллионъ рублей и чтобы сохранить этотъ кредитъ, будемъ въ необходимости, послѣ полученія дворянства, снова записываться въ гильдію, т. е. возвратиться къ тому положенію, въ которомъ мы находимся. Изъ-за чего же тутъ хлопотать? Развѣ для того, чтобы наши сыновья и внуки, выйдя на какой-то новый, невѣдомый имъ путь, отстали отъ своей дѣятельности и этимъ разрушили бы существованіе нашего стариннаго торговаго дома, который доставляетъ полезный трудъ десяткамъ тысячъ лицъ?“

По общему мнѣнію всѣхъ истинныхъ патріотовъ и здравомыслящихъ людей, дезертирство изъ коммерческаго сословія въ другія сословія должно быть прекращено въ видахъ общей пользы. Здѣсь вполнѣ примѣняются всѣ тѣ соображенія, которыми руководилось правительство, находя несомнѣнною государственную службу съ частною. Для купцовъ достаточно быть коммерціи или мануфактурь-совѣтниками, и крайнею наградою должно служить пожалованіе Владиміра на шею. Звѣздоносіе должно принадлежать только лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ. При этомъ надобно имѣть въ виду, что каждый купецъ, преобразованный въ

превосходительное званіе, если не лично самъ, то въ лицѣ своихъ наслѣдниковъ, будетъ жить на счетъ государственной росписи, и такая жизнь составитъ отяготительное бремя и для общества, и для того, кто мнимымъ возвышеніемъ возведенъ на извращенный путь.

Пока существуютъ чины, совершенно понятно правильное стремленіе должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, къ полученію чиновъ въ извѣстномъ порядкѣ; потому что чины, давая возможность занимать высшія должности, выражаютъ награду за служебные труды. Но какое же право имѣютъ купцы на уравненіе ихъ въ наградахъ съ государственными чиновниками? Между тѣмъ награды купцовъ дѣлаются такими скачками, что они сразу производятся въ 5-й и 4-й классы, и чрезъ это самое умаляется и унижается значеніе государственныхъ наградъ для чиновниковъ, которые получаютъ означенные классы за нѣсколько десятковъ лѣтъ ихъ служебной дѣятельности. Мы полагаемъ, что награда для купца всегда въ рукахъ его самого: она существуетъ въ неразрывной связи съ его жизнью и дѣйствіями и заключается въ широтѣ и успѣхѣ коммерческихъ предпріятій и продолжительной ихъ прочности. И неужели человекъ не можетъ возвышаться самъ изъ себя, нисколько не нуждаясь въ классномъ возвышеніи? Если допустить, что не можетъ, то это значитъ, что мы находимся, уже внутри самихъ себя, на самой глубинѣ не только экономическихъ, но и духовныхъ проваловъ.

Еслибы стремленіе къ переходу изъ купческаго сословія въ чиновничество охватило собою нашъ фабричный округъ въ губерніяхъ Московской и Владимирской, тогда бы Иваново-Вознесенскъ, Шуя и всѣ Кинешемскія и другія фабрики изобразили бы изъ себя, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, совершенныя развалины потому только, что владѣльцы ихъ предпочли званіе превосходительства значенію своего прежняго положенія. Разрушеніе фабрикъ было бы естественнымъ послѣдствіемъ того, что сыновья дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ нашли бы унижительнымъ для себя сидѣть въ конторѣ или амбарѣ, гдѣ продаются фабричныя товары. И неужели бы можно было считать преуспѣяніемъ Россіи, еслибы она имѣла лишнихъ 50 дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, потерявъ въ то же время такое же количество коммерческихъ домовъ, сохранившихъ за собою по своей дѣятельности выразительную исторію?

Еслибы какую-либо самую зажиточную деревню вздумалось, со всѣмъ ея народонаселеніемъ, произвести въ коллежскіе регистраторы, то жители этой деревни были бы, конечно, сначала сбиты съ толку отъ изумленія, не смогли бы понять, чтò они такое, и потомъ, отвыкнувъ отъ труда и заразившись презрѣніемъ къ своему дѣлу, пришли бы къ необходимости испрашивать пособія отъ тѣхъ, кого не поразило подобное благополучіе.

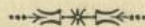
Нерѣдко слышится мнѣніе, что награды купцовъ вызываються подвигами благотворенія съ ихъ стороны; но развѣ добродѣтель нуждается въ реализа-

ціи ея? Державинъ давно уже опредѣлилъ, что добро надобно лишь для добра творить, и, конечно, самая лучшая награда за добро состоитъ въ сознаніи общей пользы, приносимой дѣйствиємъ добротворенія.

Ранѣе мы сказали, что могли бы поименовать множество фамилій разныхъ коммерческихъ домовъ, потерпѣвшихъ крушеніе отъ производства въ чины; но мы налагаемъ на себя молчаніе изъ нежеланія пробуждать въ наслѣдникахъ этихъ домовъ тяжелыя воспоминанія о пораженіи ихъ дѣлъ болѣзнію чиновности. И пока эта червоточина не изсушила окончательно всю нашу дубовую самородную рощу, необходимо спасти остальную часть ея отъ поражения. Было бы вполне благотѣльно, вмѣсто удовлетворенія болѣзненныхъ стремленій къ мнимому возвышенію, обливать заболѣвающихъ водою холодныхъ отказовъ.

Да; совѣмъ забылъ сказать о томъ, какъ многіе говорятъ, что чины они получили вдругъ, внезапно, не зная сами, какъ и почему это случилось. Это оправданіе важно тѣмъ, что оно проявляетъ сознаніе виновности и внутренняго угрызенія, но въ сущности это чистая выдумка. Ни на кого чины не сыплются сами собою, а всѣ лица купческаго сословія, получившія переименованіе въ разные классы, сами того добивались, выпрашивали, вымаливали, выкланивали и выплакивали. Мало ли есть старыхъ коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ, которые десятки лѣтъ имѣютъ эти званія, и такъ какъ они не помышляютъ о переходѣ въ чины, то и остаются въ купечествѣ, не будучи никѣмъ на-

силуемы къ переходу въ новое положеніе. Мнѣ впрочемъ за доказательствами ходить далеко не надо: съ 1851 года, я состою коммерціи совѣтникомъ, и ничѣмъ инымъ никогда быть не желалъ и не желаю. И вотъ въ теченіи 36 лѣтъ ни отъ кого и никогда мнѣ не представлялось опасности очутиться въ другомъ званіи, не соотвѣтственномъ, по моимъ понятіямъ, общимъ промышленнымъ интересамъ Россіи. Такимъ образомъ очевидно, что стремленіе нѣкоторыхъ купцовъ къ полученію чиновъ прямо исходитъ изъ ихъ собственного желанія, и, если стремленіе это будетъ возрастать, тогда при существующей благосклонности правительства, производство купцовъ въ чины можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, что во всѣхъ торговыхъ амбарахъ и лавкахъ, при разговорѣ приказчиковъ съ хозяиномъ, будетъ какъ въ департаментахъ непрерывно слышаться возгласъ: „Ваше прев—ство! ваше прев—ство! Почему прикажете продавать товаръ, вчера полученный съ фабрики его прев—ства?“ и т. д. Нужно ли прибавлять, какое грустное чувство производитъ на всѣхъ мыслящихъ людей такая коммерческая дѣятельность, которая вмѣсто прочнаго и правильнаго развитія, основаннаго на сознаніи своего торговаго значенія, выражаетъ собою смѣхотворный комизмъ, исполненный глубокаго горя объ утратѣ понятій о человѣческомъ достоинствѣ. Вотъ та трясина, въ которую мы зашли отъ раздѣленія человѣчества на 14 классовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА

(ОЧЕРКИ, ДОПОЛНЕНІЯ И ВЫВОДЫ)

ОЧЕРКИ, ДОПОЛНЕНИЯ И ВЫВОДЫ.

Въ предисловіи къ экономическимъ проваламъ сказано: „дабы губительное дѣйствіе проваловъ было, по возможности, исправлено, надобно, прежде всего, знать ихъ корень и горечь послѣдствій“.

Кромѣ необходимости обнаружить корни бѣдствій и порожденную ими горечь для Русской жизни, надобно вывести наружу и главную причину всѣхъ проваловъ, заключающуюся въ полномъ пренебреженіи къ совѣтамъ, мыслямъ и предостереженіямъ, исходившимъ въ свое время изъ народной среды отъ лицъ, желавшихъ предохранить нашу жизнь отъ злополучныхъ послѣдствій. Всѣ эти сердобольныя попеченія были съ досадою отвергаемы, и что же вышло? Никто изъ лицъ, не внимавшихъ народнымъ мыслямъ, къ сожалѣнію, не можетъ теперь выступить съ доказательствами о несуществованіи проваловъ. Никто изъ лицъ, предостерегавшихъ отъ проваловъ, также не можетъ упрекнуть себя въ томъ, что ихъ взгляды и соображенія были не вѣрны.

И такъ, корабль Русской жизни несется теперь по волнамъ сильно бушующаго экономического моря. Кормчему предстоитъ рѣшить, на который берегъ направить руль: на тотъ ли, гдѣ отрицаютъ народное здравомысліе, или на тотъ, гдѣ желаютъ усвоить для жизни это здравомысліе и достигнуть черезъ то прекращенія бѣдствій. Пойдемъ ближе къ дѣлу.

Первый провалъ: Крупная мнимо-серебряная единица.

За два года до введенія этой единицы, во всѣхъ сословіяхъ заявлялись предостереженія съ выраженіемъ вредныхъ отъ этого послѣдствій. Никто не находилъ нужнымъ возвышать стоимость жизни и приучать Русскихъ людей къ широкимъ расходамъ; но въ это время еще никому не приходило въ голову, чтобы крупная единица произвела другое зло, перемѣстивъ за границу всю массу нашей золотой и серебряной монеты. Эту бѣду увидали лишь тогда, когда монета исчезла на всѣхъ внутреннихъ рынкахъ.

Второй провалъ: Опозданіе въ сооруженіи желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю.

По этому вопросу было также нѣсколько предостереженій, и не только со стороны коммерсантовъ, но и со стороны князя М. С. Воронцова (бывшаго

тогда Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ) и князя Кочубея. Когда былъ рѣшенъ вопросъ о Николаевской дорогѣ, оба князя представили проекты о сооруженіи линіи отъ Москвы къ Черному морю, являясь здѣсь частными предпринимателями, единственно въ видахъ отечественной надобности; но и эта мѣра спасенія не имѣла успѣха*). Что же послѣдовало? За опозданіе въ сооруженіи дороги

*) Вскорѣ по разсмотрѣніи проекта князя С. В. Кочубея и К^о о сооруженіи южной желѣзной дороги, стали въ Петербургѣ разсказывать, что главнымъ противникомъ этого предпріятія явился графъ Клейнмихель, бывший тогда главноуправляющимъ путями сообщеній. Онъ находилъ, что сооруженіе двухъ дорогъ разомъ встрѣтитъ затрудненіе въ рабочихъ и въ заготовленіи всѣхъ вообще матеріаловъ для рельсоваго пути. Разумеетсяъ, въ этомъ всѣ видѣли вымышленныя причины, и никто не могъ повѣрить тому, чтобы въ Россіи могъ оказаться недостатокъ въ рабочихъ и въ матеріалахъ лѣсныхъ и каменныхъ, и въ противодѣйствіи графа Клейнмихеля видѣли другую причину: онъ боялся, что южная дорога выстроится скорѣе и дешевле, чѣмъ междустолничная. Мнѣ случилось быть у графа Вронченки въ тотъ день, когда у него въ кабинетѣ, по случаю его болѣзни, собрался комитетъ изъ высшихъ сановниковъ для обсужденія вопроса о постройкѣ южной линіи. Когда вышелъ изъ засѣданія товарищъ министра финансовъ (П. Ф. Брокъ), я полюбопытствовалъ спросить его о результатѣ засѣданія и получилъ отвѣтъ, что послѣдовалъ отказъ. Мнѣ это засѣданіе въ особенности памятно потому, что я дождался окончанія его на балконѣ дома министерства финансовъ (возлѣ Мраморнаго дворца) и смотрѣлъ, какъ въ это время у стѣны Петропавловской крѣпости разводилъ пары Французскій пароходъ, отправлявшійся въ Гавръ съ принятымъ имъ грузомъ изъ Петропавловской крѣпости золотыми слитками на 50 милліоновъ рублей, которые Россія выдала взаимы Французскому правительству. Вотъ какія были времена! Можно ли было въ это время подумать о томъ, что черезъ сорокъ лѣтъ наша подпишется на облигаціяхъ займовъ при уплатѣ этихъ займовъ государственными кредитными билетами будетъ цѣниться только 50 коп. за рубль. В. К.

къ Черному морю Россія заплатила разрушеніемъ Севастополя, уничтоженіемъ Черноморскаго флота, потерю сотенъ тысячъ храбраго войска и преждевременно проводила въ могилу Императора Николая Павловича, драгоцѣнное здоровье котораго было потрясено пораженіемъ Русской военной силы. Затѣмъ холмы Севастополя покрылись могилами его славныхъ защитниковъ, и все это закончилось унижительною Парижскимъ миромъ и началомъ накопленія огромной массы внѣшнихъ долговъ.

Третій провалъ: Разрѣшеніе ввозить Американскій хлопокъ въ сырцѣ безъ всякой пошлины.

Ни отъ кого никакихъ предостереженій о вредныхъ послѣдствіяхъ беспошлиннаго ввоза хлопка не было, а напротивъ, всѣ восхищались тѣмъ, что въ Москвѣ, Шуѣ и Ивановѣ сооружаются — въ видѣ башенъ — высокія дымогарныя фабричныя трубы. Изъ всѣхъ людей того времени я знаю только одного, Николая Арсеньевича Жеребцова, который, имѣя привычку острить, говорилъ, что въ эти трубы Россія вылетитъ въ трубу, и затѣмъ развивалъ вредныя послѣдствія отъ уничтоженія льняныхъ посѣвовъ и платежа денегъ за хлопockъ *).

*) Н. А. Жеребцовъ былъ очень близокъ къ князю П. М. Волконскому и къ графу Киселеву, и потому по учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ получилъ при министрѣ мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій. Его послали въ разныя

Четвертый провалъ: Уничтоженіе въ Кяхтѣ размѣнной торговли.

Тутъ было множество предостереженій изъ Москвы, изъ Кяхты, изъ Пермской губерніи и со всего Сибирскаго тракта, отъ фабрикантовъ и отъ опто-

губерніи открывать палаты государственныхъ имуществъ и водворять въ нихъ управляющихъ. Къ новому министерству онъ относился несочувственно и въ 50-хъ годахъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Послѣ этого Жеребцовъ жилъ за границей, писалъ какую-то исторію о промышленности Россіи, издавалъ ее въ Парижѣ на Французскомъ языкѣ, и въ 70-хъ годахъ умеръ въ Москвѣ.

Когда мнѣ случалось бывать у графа Закревскаго въ его подмосковномъ селѣ Ивановскомъ, во время праздниковъ, я почти постоянно замѣчалъ возмущеніе графа на то, что его крестьяне являлись передъ домомъ на гулянья въ ситцевыхъ рубашкахъ и сарафанахъ. Графъ говорилъ, что близость Москвы такъ укоренила въ нихъ привычку къ употребленію ситцевъ, что всякія настоянія его возвратиться къ домашней ткани остаются безъ исполненія, но что въ его Пензенскихъ деревняхъ онъ замѣтилъ не больше какъ на одной десятой части тамошнихъ крестьянъ ситцевые наряды и обложилъ ихъ добавочнымъ платежемъ по 10 рублей въ годъ съ семейства не въ свою пользу, а въ пользу той части крестьянъ, которая ходитъ въ домотканыхъ рубашкахъ и сарафанахъ.

Кромѣ этого, не могу не вспомнить о другомъ болѣе близкомъ къ нашему времени обстоятельстве, ясно выразившемъ, до какой степени правительство и общество относятся покойно къ вопросу о привозѣ Американскаго хлопка, убивающаго народную льняную промышленность. Извѣстный коммерсантъ К—ъ, водворяющій въ Россіи, нѣсколько десятковъ лѣтъ, Американскій хлопокъ и устроившій съ пособіемъ своихъ средствъ для разныхъ лицъ болѣе сорока бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, праздновалъ какой-то юбилей своей губительной для Русскаго народа дѣятельности. Многочисленное Русское общество ширвало на этомъ юбилейѣ, поднесло юбиляру великолѣпный альбомъ съ видами сооруженныхъ при его

выхъ чайныхъ торговцевъ; но ихъ мольбы не обратили на себя никакого вниманія. Судя по тому, что разрушеніе мѣновой чайной торговли не возбуждаетъ и доселѣ никакого разговора ни въ правительствѣ, ни въ обществѣ, можно заключить, что сознаніе вреда еще не вошло въ наши мысли. Быть можетъ, это сознаніе явится при дальнѣйшемъ упадкѣ кредитнаго рубля, и мы увидимъ, какъ высасываетъ нашу финансовую силу приобретаемый нами не на мѣну, а на деньги чай. Тогда конечно мы подсчитаемъ въ цифрахъ, сколько каждый годъ намъ приходилось тратить монеты на чай вмѣстѣ съ покупкою Американскаго хлопка.

Пятый провалъ: Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Почти всѣ сословія были противъ этого общества, потому что появленіе его глубоко оскорбляло всѣхъ Русскихъ людей. Всюду говорили: когда нужна наша жизнь и кровь и наше достояніе, въ то время мы въ цѣнѣ, а когда является внутреннее благоустройство и возможность наживы, тогда

посредствѣ фабрикъ, а правительство возвело его въ какой-то чинъ. Такимъ образомъ отпраздновали пиръ, такъ сказать, на хребтѣ Русскаго народа, лишившагося льняныхъ посѣвовъ и насильственно облеченнаго въ линочій ситецъ, распространеніе котораго, увлекая нашу монету за границу по платежу денегъ за хлопокъ, увеличило вѣншіе займы и усилило финансовое разстройство. Вспоминая этотъ юбилей, нельзя не воскликнуть: о невинность — это ты! В. К.

вмѣсто насъ обращаются къ Французамъ. Главное Общество вытянуло изъ Россіи десятки милліоновъ и не подверглось никакому взысканію за нарушеніе своихъ обязательствъ передъ правительствомъ *).

*) Въ противоположность этому, сколько бы можно было насчитать случаевъ безошаднаго отношенія къ Русскимъ дѣателямъ за накопившіеся на нихъ казенные долги, безъ всякой прямой съ ихъ стороны вины, а по несчастному стеченію обстоятельствъ. Вспомнимъ извѣстнаго Варгина, поставщика провіанта для войскъ въ отечественную войну 1812 года, имѣвшаго процессъ съ казною въ теченіи почти 50 лѣтъ, изъ которыхъ годъ или два содержавшагося въ Петропавловской крѣпости и освобожденнаго лишь по настоячивому ходатайству князя Суворова Италійскаго у Государя Императора Николая I-го. Варгинъ былъ поставщикомъ провіанта, холста и суконъ; операциі эти въ то время относились до двухъ департаментовъ — комиссаріатскаго и провіантскаго. Одинъ департаментъ на него насчитывалъ 1,200,000, а съ другаго ему слѣдовало получить 2 милліона рублей. За состоящій за нимъ долгъ, на всѣ его извѣстные дома въ Москвѣ было наложено запрещеніе, а о полученіи слѣдующихъ ему денегъ было предоставлено право ходатайствовать. Варгинъ умеръ въ глубокой старости, не доживъ до полного окончанія дѣла по расчету съ военнымъ министерствомъ. Я былъ съ нимъ знакомъ и много разъ бесѣдовалъ о его дѣлахъ, которыя получили развязку уже послѣ его смерти; дома перешли къ наследникамъ, и одинъ изъ домовъ (на Ильинкѣ) былъ завѣщанъ покойнымъ В. В. Варгиннымъ въ пользу бѣдныхъ города Серпухова, какъ мѣста его родины.

Вспомнимъ трехъ купцовъ, Шаврина, Иконникова и Ненюкова, первыхъ желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ, работавшихъ земляное полотно подъ Николаевскую желѣзную дорогу и болѣе 30 лѣтъ не получавшихъ за этотъ трудъ должнаго расчета. Обращаясь къ Главному Обществу, я долженъ сознаться, что относусь къ нему съ большою злобою, и вотъ почему: это Общество причинило мнѣ огромныя потери и сильное потрясеніе въ дѣлахъ. Оно обязалось строить желѣзную дорогу изъ Курска до Либавы, и дорога эта должна была проходить чрезъ всю Витебскую губернію на разстояніи 400 верстъ, что и было объявлено въ Правительствующемъ Сенатѣ при торгахъ (1858 года) на откупа Витебскіе и Курскіе. Объявленіе это произвело на торгахъ большія наддачи, и означенные откупа остались за

Шестой провалъ: Фирма „они“.

При образованіи этой фирмы никто не подозрѣвалъ объ ея существованіи, но потомъ, когда стали распространяться ея законопроекты, ловко задрапированные въ мантию либерализма, ихъ принимали во всѣхъ сословіяхъ сочувственно; когда же началось дѣйствіе законопроектовъ, тогда пошелъ по Россіи стонъ и вопль.

Причиною стона было то, что либеральныя нововведенія, уничтоживъ для помѣщиковъ кредитъ, лишили десятки тысячъ помѣщичьихъ семействъ возможности жить въ своихъ имѣніяхъ. *На почвѣ этого бѣдствія выросъ нигилизмъ.* Очень часто случалось, что при обращеніи помѣщиковъ къ правительству за ссудою нѣсколькихъ сотъ рублей для разчета за жнитво и пашню, имъ отвѣчали въ такомъ смыслѣ: майся какъ знаешь, чтò намъ за дѣло до тебя! Затѣмъ фирмѣ „они“ вполне принадлежить распространеніе пьянства посредствомъ без-

мной; но такъ какъ Главное Общество оказалось неисправнымъ, то постройка Курско-Либавской линіи была отмѣнена, а вызванное этимъ событіемъ возвышеніе цѣнъ на откупа не было уменьшено и для уплаты оказавшейся за мной недоимки я долженъ былъ лишиться акцій Русскаго Общества пароходства и торговли на миллионъ рублей и дома моего въ Москвѣ, противъ Кремля, въ которомъ помѣщались огромная гостиница и товарные склады. Мнѣ очень памятно, что этотъ домъ у меня отбирали въ казну въ то время, когда я въ немъ проводилъ шумные дни, пируя вмѣстѣ съ Американцами, пріѣзжавшими на мониторѣ «Міантономъ» привѣтствовать Государя по случаю спасенія отъ Каракозовскаго выстрѣла. В. К.

граничнаго числа кабаковъ, разрушеніе сельскаго хозяйства отъ уничтоженія мелкихъ винокуренъ и вовлеченіе Россіи въ заграничныя займы, вслѣдствіе недопущенія Русскаго народа кредитовать правительство своимъ трудомъ съ полученіемъ за этотъ трудъ безпроцентныхъ бумагъ. Совокупность этихъ золъ, конечно, гораздо болѣе причинила вреда Россіи, чѣмъ 1812-й годъ, Севастополь, холера и всѣ другія пережитыя нами бѣдствія.

Седьмой провалъ: Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ безъ предварительнаго устройства рельсовыхъ и локомотивныхъ заводовъ, равно заводовъ вагонныхъ и прочихъ принадлежностей желѣзнодорожнаго дѣла.

По этому вопросу не было слышно никакого предварительнаго возраженія, вѣроятно оттого, что если образовано Главное, якобы Русское, Общество желѣзныхъ дорогъ съ Французами во главѣ, то уже всѣ Русскіе люди, поникнувъ духомъ, находили невозможнымъ даже помышлять объ устройствѣ такихъ заводовъ, изъ которыхъ издѣлія надобно сдавать во Французскія руки и подвергаться всевозможнымъ притѣсненіямъ.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, съ выпиской всѣхъ принадлежностей изъ-за границы, возвысило ихъ цѣнность и увеличило нашу задолженность на сотни миллионъ. Впослѣдствіи стали образовываться и въ Россіи заводы для желѣзнодорожныхъ принад-

лежностей, но образованіе это шло очень вяло безъ поддержки правительства, и заводы стали появляться въ то время, когда болѣе половины дорогъ было уже построено.

Восьмой провалъ: Акцизная питейная система.

Здѣсь предупрежденія о вредныхъ послѣдствіяхъ сыпались со всѣхъ сторонъ: всѣ сословія, духовенство, дворянство, купечество, мѣщанство, крестьянство возставали противъ свободной продажи вина, желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы монополія откупа была замѣнена монополіей казны, безъ увеличенія мѣсть продажи. Никто этимъ возгласамъ не внималъ, и затѣмъ послѣдовало съ 1863 года введеніе въ дѣйствіе вольной продажи хлѣбнаго вина.

Этотъ провалъ можно сравнить развѣ съ древнимъ нашествіемъ Монголовъ. Все повержено въ прахъ: жизнь мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, жизнь крестьянъ, существованіе сельскаго скотоводства во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ и т. д. На этой почвѣ выросло небывалое ядовитое растеніе: изъ пропившихся крестьянъ образовался сначала бездомокъ, а потомъ *безбожникъ и отчаянный анархистъ*.

Девятый провалъ: Предоставленіе винокуренія всѣмъ сословіямъ.

Это произошло такъ моментально, что въ обществѣ не успѣлъ еще сложиться никакой предварительный голосъ. Отъ этой винокуренной равноправности прервалась уже всякая связь сѣвернаго винокуренія съ сельскимъ хозяйствомъ.

Десятый провалъ: Ересь, заключающаяся въ томъ, чтобы не пользоваться народнымъ кредитомъ посредствомъ выпуска внутреннихъ платежныхъ знаковъ.

Вся Россія, за исключеніемъ, можетъ быть, одной трехсотъ-тысячной ея части, поврежденной западными ученіями, неприложимыми къ нашему быту, удивлялась, что Русскій Царь, не желая кредитоваться у своего народа, жаждущаго работы и вѣрящаго въ свои платежные знаки, въ то же время занимаетъ у иностранцевъ за дорогіе проценты и со скидкой съ дѣны своихъ обязательствъ (получали семь гривенъ, а обязывались платить рубль), а уплату всѣхъ этихъ тяжелыхъ займовъ возлагаетъ на Русскій народъ.

Одиннадцатый провалъ: Сибирское золото и тарифъ.

Никогда никакихъ предостереженій не раздавалось ни въ обществѣ, ни въ народѣ до 60-хъ годовъ; но когда увидали, что мы дѣлаемъ займы за

границей, то всё невольно задали себѣ вопросъ: куда же пропало наше Сибирское золото? Съ того времени уже постоянно слышались во всѣхъ сословіяхъ желанія о возвышеніи тарифа, въ силу чего былъ назначенъ въ 1868 году тарифный пересмотръ, который вовсе не удовлетворилъ патріотическихъ ожиданій. Такъ себѣ и стали жить съ 1868 года по настоящее время: пошлемъ цѣлый караванъ овса или пшеницы и получимъ за него одинъ вагонъ съ модными товарами *).

Двѣнадцатый провалъ: Право проживать за границею.

Никакихъ возраженій на это до самаго послѣдняго времени не было слышно, вѣроятно потому, что число проживающихъ за границей по отношенію къ народонаселенію Россіи весьма незначительно, хотя въ то же время вредное вліяніе, производимое проживаніемъ внѣ своего дома, отражается огромною потерей монеты и накопленіемъ внѣшнихъ долговъ.

*) Когда уже была окончена настоящая статья, получено мною въ высшей степени интересное сообщеніе отъ одного практическаго лица о томъ, какъ тарифомъ 1868 года было убито тонкорунное мериносовое овцеводство въ Россіи. Повѣствованіе объ этомъ войдетъ въ дополненіе проваловъ въ будущемъ 1888 году. В. К.

Тринадцатый провалъ: Пренебреженіе къ мысли князя Барятинскаго.

Бѣдственное для Россіи пренебреженіе къ мысли князя Барятинскаго, какъ равно и самая мысль, была извѣстна весьма немногимъ, и потому печалованіе о невниманіи къ спасительному значенію великой мысли не проникло въ народное обсужденіе.

Четырнадцатый провалъ: Дагестанъ, Пермское и Вологодское солевареніе.

Эти провалы ограничиваются только скорбію тѣхъ мѣстностей, гдѣ они образовались. Дѣло это никого не беспокоитъ, оно не касается Европы и относится только до мужиковъ, потерявшихъ свои заработки и лишившихся средствъ къ жизни, слѣдовательно, это малозначительное событіе не входитъ въ составъ глубокихъ Петербургскихъ финансовыхъ созерцаній и — остается никѣмъ незамѣченнымъ.

Пятнадцатый провалъ: Дезертирство купцовъ изъ своего сословія въ чиновники и дворяне.

Ни отъ кого не было слышно никакихъ возраженій и многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ самое включеніе чрезмѣрныхъ купеческихъ наградъ въ число проваловъ. Включеніе это осно-

вано на томъ, что почти всѣ купеческія конторы, по выходѣ хозяевъ ихъ изъ своего сословія, провалились. Отъ слѣдующаго, уже обнищавшаго поколѣнія постоянно слышатся горькія жалобы на ошибку и увлеченіе ихъ отцовъ; такіе примѣры я имѣю въ кругу моихъ родственниковъ *).

*) Въ числѣ купцовъ, не поддавшихся чиновницю, были извѣстные коммерческіе дома: въ Рыбинскѣ — Журавлевъ, въ Великомъ Устюгѣ — Грибановъ, въ Ярославлѣ — Пастуховы и т. д. Послѣдствія показали, что дѣла преемниковъ этихъ лицъ, и вообще многихъ другихъ, не поддавшихся соблазну, процвѣтаютъ и въ настоящее время. Журавлевъ самъ себя выработалъ колоссальный чинъ, списавъ знаніемъ дѣла такое общее довѣріе, что онъ сдѣлался положительнымъ торговымъ руководителемъ всей Волги со всѣми ея притоками. Грибановъ то же самое выражалъ по системѣ рр. Сѣверной Двины, Юзы и Вычегды. Стотысячное населеніе, живущее около этихъ рѣкъ, передавало на его суда весь свой хлѣбъ безъ опредѣленія цѣны, и расчетъ дѣлался впоследствии, по продажѣ хлѣбовъ въ Архангельскѣ. Такъ продолжалось дѣло въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Какой же чинъ можетъ замѣнять подобное значеніе, столь сильно выразившее общее довѣріе къ г. Грибанову, сынъ котораго, бывший предѣдатель С.-Петербургской биржи, вполне замѣнилъ для сѣвернаго края своего незабвеннаго отца. Къ великой чести фамиліи Грибановыхъ относится учрежденіе въ Великомъ Устюгѣ льнопрядильной фабрики, закупающей мѣстный ленъ и вырабатывающей лучшія полотна. Точно также заслуживаютъ всеобщей благодарности льнопрядильныя фабрики: въ Костромѣ С. М. Третьякова, подъ Ярославлемъ — Г. И. Хлудова и въ Вязникахъ — Демидова. Всѣ означенныя фабрики могутъ вырабатывать полотна только высшихъ сортовъ, а дешевыя народныя ткани производить бумагопрядильная нитка изъ привознаго хлопка, въ явный подрывъ своему деревенскому льну.

Когда былъ произведенъ въ д. с. сов. одинъ изъ табачныхъ фабрикантовъ, покойный Журавлевъ при встрѣчѣ съ этимъ фабрикантомъ называлъ его генераломъ-отъ-папирсъ, а другаго чайнаго

Вышеизложенныя очертанія корней и горечи послѣдствій выясняютъ полное разрушеніе экономической силы отъ невниманія и пренебреженія къ мыслямъ тѣхъ лицъ, которыя, видя близко народную жизнь во всей ея подробности, не разъ заявляли все то, что для общей пользы нужно и что вредно. Вся бѣда въ томъ, что нашъ либерализмъ, начавшійся съ 60-хъ годовъ и заявившій себя разными преобразованиями, былъ неискренній, а ложный. Первая подкладка преобразованій заключалась болѣею частью въ служебной карьерѣ тѣхъ лицъ, которыя сочиняли и проводили новые законопроекты. Вторая подкладка, при утвержденіи законопроектовъ — желаніе пощеголять передъ Европой появленіемъ въ Россіи либеральныхъ началъ. При всемъ этомъ никто не давалъ себѣ труда вникнуть въ народныя потребности, и оттого новыя правила и постановленія сыпались на Русскую жизнь, какъ хлопья снѣга, производя всеобщее угнетеніе. При этомъ нельзя отрицать того, что многія изъ лицъ, подготовлявшихъ преобразование, трудились, по ихъ понятіямъ, добросовѣстно, желая всѣмъ добра, но вышло то, что всѣ эти труженики усердно рыли ровъ для низверженія въ него не только благосостоянія, но даже и общественнаго порядка.

Не могу не замѣтить самъ себѣ, что въ экономическихъ провалахъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, я

торговца изъ Сибири, получившаго также превосходительный чинъ — генераломъ-отъ-цибиковъ; теперь покойный Журавлевъ нашелъ бы генераловъ-отъ-тюковъ и генераловъ-отъ-кубиковъ. В. К.

повторяюсь въ изложеніи причинъ и послѣдствій, и это происходитъ оттого, что сжато и сокращено (безъ повтореній) мнѣ писать некогда, за недостаткомъ свободнаго времени, а потому я и остаюсь при томъ изложеніи, какое диктуетъ мнѣ внутренній голосъ. Всякій изъ насъ знаетъ, по опыту на самомъ себѣ, что внутренній голосъ многократно раздается внутри насъ по тѣмъ предметамъ, которые вѣдрили въ тоскующее сердце. Повторюсь еще разъ: эти наболѣвшіе предметы составляютъ въ моемъ сердцѣ самое горестное ощущеніе и выражаются въ слѣдующемъ: бѣдное и убогое денежное положеніе Россіи, поверженной въ невылазную трясины долговъ; бѣдные крестьяне, въ полинялыхъ и дырявыхъ ситцевыхъ рубахахъ, лишенные сбыта льна и разоренные кабаками; бѣдные мелкопомѣстные помѣщики въ количествѣ, конечно, болѣе 50 тысячъ семействъ, лишенные крова и безбѣднаго существованія и не знающіе, какая постигнетъ участь ихъ безпріютныхъ дѣтей и т. д., и т. д.

Затѣмъ щемитъ сердце другая сторона медали: счастливая Америка, обирающая насъ 50 лѣтъ за хлопокъ и вытянувшая изъ насъ миллиарды; счастливая Германія, возвысившая свое политическое значеніе на счетъ упадка нашей политической силы; счастливая Европа, высосавшая изъ насъ всю старую монету временъ Петра, Екатерины и Александра I-го и все Сибирское золото и захватившая въ залогъ, посредствомъ закладныхъ листовъ, многія Русскія земли! Не правда-ли, есть отчего

почувствовать нытье и тоску сердца и есть отчего подпасть подъ гнетъ невыразимаго горя?

Вполнѣ сознаю, что экономическіе провалы со всѣми ихъ подробностями не стоятъ, въ смыслѣ практической пользы, той одной строки, которая года три назадъ напечатана была (кажется въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“) и которая ясно и коротко опредѣлила, въ чемъ кроется спасительное благоустройство Русской жизни.

Статья эта задала себѣ вопросъ: „что намъ нужно?“ и отвѣтила на него одною строкой: „нужно хотя-бы восьмушку Бисмарка“.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА

(ЗАКЛЮЧЕНІЕ)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Недѣли черезъ три послѣ напечатанія „Экономическихъ Проваловъ“, я приступилъ къ прочтенію ихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Мысли мои перенеслись въ давно минувшее время, потомъ смѣшались съ настоящими событіями и затѣмъ невольнымъ образомъ устремились въ будущую непроглядную даль. Изъ всего этого вышло цѣлое наслоеніе критическихъ взглядовъ на свой собственный трудъ, то обвинительныхъ, то оправдательныхъ, то отрицающихъ всякую надежду на выходъ изъ окружающихъ насъ экономическихъ затрудненій, то имѣющихъ слабое упованіе на освобожденіе Русской жизни отъ накопившихся, въ теченіе 50 лѣтъ, бѣдственныхъ угнетеній.

Не скрою того, что написаніе проваловъ потребовало гораздо большихъ усилій, чѣмъ я предполагалъ; потому что мнѣ не разъ приходилось вытягивать изъ себя за 50 лѣтъ уснувшія воспоминанія, и если читатели найдутъ мое повѣствованіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовольно послѣдовательнымъ, то это едва ли можно отнести къ прямой

моей винѣ, потому что за давно прошедшимъ временемъ самыя мысли и думы не могли быть стройными и поневолѣ являлись смѣшанно и сбивчиво.

Кромѣ того въ опредѣленіи минувшихъ дѣйствій властныхъ лицъ встрѣчаются противорѣчія: одно и то же лицо то одобряется, то порицается; но въ дѣйствительности это такъ и было и избѣжать этого противорѣчія невозможно, не исказивъ вѣрность современныхъ взглядовъ и мнѣній, которые одобряли, на примѣръ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и порицали самый способъ сооруженія и дѣлавшіеся для постройки заграничныя займы. Точно также, въ знаменательное время уничтоженія крѣпостной зависимости въ общихъ взглядахъ существовало полнѣйшее противорѣчіе: всѣ одобряли освобожденіе крестьянъ съ землею и, въ то же время, всѣ порицали равнодушіе правительства къ положенію лично помѣщиковъ и угнетеніе землевладѣнія уничтоженіемъ опекунскихъ совѣтовъ, безъ замѣны ихъ новымъ кредитнымъ учрежденіемъ съ дешевымъ и доступнымъ кредитомъ.

Вмѣсто заключенія, представляю благосклоннымъ читателямъ простой отчетъ въ тѣхъ мысляхъ, которыя роились у меня въ головѣ послѣ прочтенія „Экономическихъ Проваловъ“, излагая ихъ совершенно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они появлялись въ моемъ воображеніи, такъ что очеркъ мыслей составляетъ, такъ сказать, стенографію разговора, происходившаго съ самимъ собою, подъ диктовку внутренняго голоса. Вотъ первое наслоеніе мыслей.

Послѣ калейдоскопнаго появленія въ моемъ воображеніи бывшихъ событій, послѣ неясныхъ и смѣшанныхъ воспоминаній, самъ не знаю почему, по прочтеніи „Экономическихъ Проваловъ“, я остановился на словѣ: безумный! безумный! Затѣмъ изъ этого слова стало развиваться дальнѣйшее мышленіе. Затѣмъ ты, безумный, надѣлалъ себѣ изданіемъ въ печать проваловъ огромную массу враговъ? Вникни.

Затронувъ интересы бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикантовъ (проваль третій), ты образуюшь въ нихъ враждебное настроеніе.

Говоря о поворотѣ чайной торговли на Кяхту для оживленія Сибирскаго тракта и для уменьшенія выпуска монеты за границу, затрогиваешь (проваль четвертый) интересы всѣхъ чайныхъ торговцевъ, основавшихъ свою дѣятельность на распродажѣ чаевъ, привозимыхъ изъ-за границы.

Выясняя вредоносность Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ (проваль пятый), задѣваешь учрежденіе, имѣющее почти полугосударственное значеніе.

Выводя наружу причину всѣхъ бѣдствій, созданныхъ фирмою *они*, забываешь, что значеніе этой фирмы непомѣрно сильно: къ ней принадлежитъ множество вліятельныхъ лицъ, и ея принципы укоренились не только въ мысляхъ этихъ лицъ, но даже вошли въ штукатурку тѣхъ присутственныхъ кабинетовъ, гдѣ засѣдаютъ члены могущественной фирмы *они*. Подумалъ ли ты, безразсудный, о томъ,

какая нужна вентиляція, чтобы освѣжить и провѣтрить штукатурку?

Въ седьмомъ, восьмомъ и девятомъ провалахъ ты возстановляешь противъ себя все многочисленное и многозначущее акцизное вѣдомство, ставя ему въ вину уничтоженіе мелкихъ винокуренъ и увеличеніе пьянства, и затѣмъ касаешься устроенныхъ для помѣщиковъ *мышеловокъ*, т. е. земельныхъ банковъ.

Въ десятомъ провалѣ, говоря о неудовлетвореніи готовности Русскаго народа кредитовать правительство своимъ трудомъ, осмѣливаешься скорбѣть о допущеніи злополучныхъ займовъ на счетъ народа безъ его вѣдома, совершенно забывая, что займы эти проектированы и одобрены современными финансовыми свѣтилами.

Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ провалахъ доказываешь, что все наше Сибирское золото ушло за границу, вслѣдствіе предательскихъ тарифовъ и широкаго проживанія денегъ за границей. Тутъ уже чувствительно задѣваешь самую интеллигентную часть общества, потому что проживатели денегъ за границей считаются, такъ сказать, сливками общества, и если они портятъ нашъ балансъ и обезцѣниваютъ нашъ денежный курсъ (не считая прожитка больныхъ и учащихъ) на 10—20 милліоновъ въ годъ, то это, изъ вѣжливости къ Европѣ, слѣдуетъ переносить безропотно.

Тринадцатый провалъ единственный, гдѣ ты никого не задѣваешь, говоря о бесѣдѣ съ княземъ Барятинскимъ. Тутъ главнѣйше соприкасаются этому

вопросу однѣ молчаливыя могилы на высотахъ Шипки и въ оврагахъ Плевны.

Четырнадцатый провалъ также никого не оскорбляетъ: въ немъ идетъ рѣчь о разрушеніи мареноводства въ Дагестанѣ и солеваренія въ Пермской и Вологодской губерніяхъ, слѣдовательно дѣло касается только рабочихъ тружениковъ, значить, и недовольныхъ изъ интеллигентной сферы быть не можетъ.

Пятнадцатый провалъ говоритъ о вредныхъ для развитія и упроченія торговли послѣдствіяхъ отъ болѣзни чиновѣсія, выражающейся переходомъ купцовъ въ чиновные классы. Очевидно, что это замѣчаніе дѣлаетъ недовольными всѣхъ тѣхъ, до кого оно касается.

Дѣйствительно я поступилъ опрометчиво, выведя наружу все то, что за 50 лѣтъ во мнѣ скопилось. Вѣдь можно бы было поговорить кое о чемъ, такъ себѣ, кругленько и жиденько, пошевеливая перомъ безъ всякаго участія сердца, слѣдовательно и не задѣвая никого, въ родѣ того, какъ пишутъ въ канцеляріяхъ: съ одной стороны мы видимъ достиженіе цѣли, а съ другой стороны, если взять во вниманіе бывшія обстоятельства, то нельзя не сожалѣть, что они (эти обстоятельства) упорно противодействовали осуществленію другихъ, болѣе полезныхъ мѣръ и т. п. Наконецъ, какая цѣль идти на непріятность при полномъ убѣжденіи, что стѣну равнодушія къ общей пользѣ ничѣмъ пробить нельзя. Другое дѣло, еслибы самопожертвованіе своимъ спокойствіемъ привело, хотя частію, къ поправле-

нію бѣдствій, принесенныхъ провалами; тогда бы не стоило обращать вниманія на вредъ, приносимый самому себѣ; а теперь остается повторить то, что сказано вначалѣ: безумный! безумный!

Второе наслоеніе мыслей.

Послѣ продолжительныхъ и мрачныхъ думъ, показался какой-то свѣтъ въ мысляхъ, выразившійся такъ: Но позвольте, отчего же я безумный? Безумные ничего не помнятъ и не имѣютъ никакой способности къ послѣдовательному изложенію пережитыхъ событій и, короче говоря, безумные несутъ дичь; а я написалъ сущую правду, продиктованную мнѣ возбужденіемъ воспоминаній за 50 лѣтъ моей жизни, и написалъ это, вступая въ восьмой десятокъ лѣтъ, когда уже дѣлается возможнымъ и позволительнымъ, стоя одною ногою въ гробу, относиться съ полнымъ хладнокровіемъ къ человѣческой враждѣ.

Впрочемъ не все же, до кого касаются „Экономическіе Провалы“, обратятся въ моихъ враговъ; и въ числѣ ихъ найдутся люди, добросовѣстно сознающіе свои ошибки, послѣдовавшія отъ временнаго затмѣнія ихъ возрѣній. А затѣмъ, сколько же найдется людей, которые отнесутся одобрительно. Вотъ кто одобритъ:

Все тѣ, которые, при замѣнѣ бумагопрядильной нитки льняною, будутъ вмѣсто линючаго непроч-

наго ситца носить рубашки и сарафаны изъ прочной льняной ткани.

Все тѣ, которые начнутъ сѣять ленъ и продавать его на льнопрядильныя фабрики.

Все тѣ, которые получаютъ несуществующій теперь заработокъ при провозѣ по Сибирскому тракту нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ чая, при направленіи этой торговли на старый порядокъ. Заработокъ этотъ составитъ болѣе 10 милліоновъ рублей въ годъ для Сибирскихъ извозчиковъ, не говоря уже о государственной пользѣ въ отношеніи уменьшенія отлива нашей монеты за границу.

Все тѣ помѣщики, которые отъ устройства мелкихъ сельскохозяйственныхъ винокуренъ получаютъ возможность водвориться въ своихъ заброшенныхъ имѣніяхъ и жить безбѣдно.

Все тѣ крестьяне, которые съ приобрѣтеніемъ барды въ деревняхъ, увеличатъ свое скотоводство, напоятъ дѣтей молокомъ и увидятъ на своемъ столѣ мясное вариво.

Все тѣ, которые спасутся отъ дальнѣйшаго пропойства, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія мѣтъ продажи хлѣбнаго вина.

Все тѣ рабочіе въ Пермской и Вологодской губерніяхъ, которые, при возрожденіи тамъ солеваренія, избавятся отъ нищенства.

Все тѣ, которые спасутся въ купеческомъ сословіи отъ заразы чиновѣсія и тѣмъ самымъ сохранятъ устойчивость своихъ торговыхъ домовъ и твердое положеніе для своихъ наслѣдниковъ.

Неправда ли, читатель, что итогъ пользы значительно перевѣшиваетъ итогъ неприятностей, которымъ я подвергаюсь по случаю напечатанія „Экономическихъ Проваловъ“?

Третье наслоение мыслей.

Какая пустая мечта воображать, что изъ „Экономическихъ Проваловъ“ выйдетъ какая-то польза. Еще непозволительнѣе думать, что „*всѣ тѣ*“, за пріобрѣтенное ими благоустройство въ жизни, затмятъ своимъ сочувствіемъ вражду тѣхъ лицъ, которыя сочинили выраженные въ провалахъ бѣды и напасти. Такой взглядъ, по меньшей мѣрѣ, выражаетъ ребячество и непониманіе того, что „*всѣ тѣ*“ будутъ давно уже въ могилѣ, когда вопросы объ улучшеніи ихъ быта, зародившись въ канцелярскихъ лабораторіяхъ, поступятъ въ особія комиссіи для составленія объемистыхъ томовъ подъ названіемъ: „Труды такой-то комиссіи“. Между тѣмъ эти-то, которые повергнули Русскую жизнь въ обнищаніе, сейчасъ же высунутъ свое ядовитое жало. Кромѣ того, гдѣ же проводники къ введенію въ жизнь всего того, что по смыслу проваловъ должно быть усвоено для жизни? Нѣтъ, отъ обаятельной мысли достиженія пользы надобно отрѣшиться, приводя на память слѣдующія, испытанныя на самомъ себѣ событія, въ которыхъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ.

I. Въ 1862 году былъ представленъ слишкомъ отъ 50-ти лицъ составленный съ моимъ участіемъ проектъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ на Русскія средства безъ гарантіи отъ правительства, поставленный въ связь со сборомъ акциза съ хлѣбнаго вина. Проекту этому дали истолкованіе возрожденія откупной монополіи, тогда какъ вся продажа хлѣбнаго вина предоставлялась, на основаніи вновь вводимой тогда акцизной системы, всѣмъ желающимъ торговать виномъ, но только безъ спаиванья народа, т. е. безъ увеличенія кабаковъ, а чтобы частная компанія замѣняла собою казенную администрацію по сбору акциза, обязываясь притомъ строить желѣзныя дороги, какъ выше сказано, безъ гарантіи и безъ займовъ за границей. На проектъ этотъ была объявлена резолюція, напечатанная въ то время во всѣхъ газетахъ и начинавшаяся словами: „*отвергая*“ и проч.

Послѣ этого отверженія, мы стали искать милостивыхъ пособій, въ видѣ займовъ у иностранныхъ банкировъ. Расчетъ компаніи, предлагавшей обойтись русскими средствами, былъ основанъ на томъ, что у нея не будетъ потерь по вознагражденію винокуренныхъ заводчиковъ за перекуръ вина, и на сбереженные чрезъ это суммы построятся желѣзныя дороги и поступятъ въ собственность правительства. Такимъ образомъ правительство, не дѣлая иностранныхъ долговъ, имѣло бы даромъ желѣзныя дороги. Вознагражденіе за перекуръ, какъ мы видѣли (въ девятомъ провалѣ), составило по

отчетамъ Министерства Финансовъ по 1880 годъ 324,250,160 руб., а по 1887 годъ оно, вѣроятно, составляетъ 500 милліоновъ, на которое могло бы бы быть выстроено, по меньшей мѣрѣ, 10 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ. И вотъ такой-то проектъ, въ которомъ заключалась сила саморазвитія, спасеніе Россіи отъ внѣшнихъ долговъ и выраженіе передъ всей Европой нашей возможности создавать все намъ нужное дома, своими собственными средствами, былъ отвергнутъ. Сильно затрещала тогда русская грудь и лопнула подошлека, духъ предприимчивости и дѣятельности былъ убитъ, карманъ у всѣхъ — включительно съ правительствомъ — оказался прорваннымъ; но зато адски улыбнулись нѣмцы и полунѣмцы, т. е. теоретики-финансисты, возрадовались биржевые маклера, комисионеры и всевозможные агенты, дѣйствовавшіе по присканію денегъ за границей для бѣдной и убогой Россіи, признанной самимъ Правительствомъ бессильною къ самовозрожденію и безправною въ смыслѣ удовлетворенія ея патріотическихъ ходатайствъ. И все это происходило въ тѣ годы, въ которые мы стремились прославлять себя проявленіемъ въ Россіи либерализма.

Обращаясь къ воспоминанію объ означенномъ проектѣ, живо представляю себѣ тѣ дни, въ которые мы развозили его ко всѣмъ гг. министрамъ. Отъ всей компаніи для этой развозки и потребныхъ объясненій было выбрано 10 лицъ: Д. Е. Бенардаки, В. Н. Рукавишниковъ, М. А. Горбовъ, В. С.

Каншинъ, И. Ѳ. Мамонтовъ, банкиръ Капгеръ и я, а остальныхъ не могу припомнить. Вездѣ мы были приняты очень холодно, и никто изъ властныхъ лицъ не хотѣлъ продолжать съ нами никакого разговора о подробностяхъ проекта, такъ что мы совершенно напрасно усиливались доказывать возможность обойтись при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ безъ внѣшнихъ займовъ и необходимость охранить сельскую жизнь отъ непоумѣрнаго пьянства, долженствующаго послѣдовать при безграничномъ распространеніи кабаковъ. Самое памятное событіе совершилось при появленіи нашемъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, у Чернышева моста, гдѣ въ какомъ-то изъ департаментовъ министр внутреннихъ дѣлъ графъ Валувевъ принималъ просителей. Мы приготовились высказать министру, завѣдывавшему направленіемъ и порядкомъ внутренней жизни Россіи, что акцизная система, не охраняющая интересовъ мелкихъ сельскихъ винокуренъ и представляющая развитіе пьянства, приведетъ въ обнищаніе десятки тысячъ помѣщичьихъ семействъ и сотни тысячъ крестьянъ; но всѣ эти соображенія остались невысказанными, потому что зданіе министерства было ночью поражено пожаромъ, охватившимъ его со стороны сгорѣвшаго въ то время Апраксина двора, и швейцаръ намъ объявилъ, что никого принимать не велѣно. Черезъ 3—4 года послѣ этого путешествія по министрамъ, при свиданіи съ банкиромъ Капгеромъ, онъ мнѣ сказалъ: „Я былъ въ вашей Русской компаніи, чтобъ

строить желѣзныя дороги безъ заграничныхъ займовъ; но финансисты отвергли наше предложеніе, а потому я невольно преобразовалъ себя въ пѣвку, высасывающую денежную силу Россіи, т. е. сдѣлался факторомъ пріисканія денегъ за границей фонъ-Дервизу для устройства рельсоваго пути отъ Коломны до Рязани и далѣе“. Вотъ гдѣ начало желѣзнодорожныхъ высокихъ цѣнъ и накопленія внѣшнихъ долговъ.

II. Въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ, сколько написано было мною и другими лицами статей въ Московскихъ и Петербургскихъ газетахъ и журналахъ, сколько сказано рѣчей въ Петербургскомъ Сельскохозяйственномъ Клубѣ, сколько подано записокъ властнымъ лицамъ о прекращеніи безобразнаго пьянства и о необходимости образовать мелкое сельско-хозяйственное винокуреніе для спасенія небогатыхъ помѣщиковъ отъ разстройства, и нигдѣ, ни у властныхъ лицъ, ни въ земствахъ, ни въ дворянскихъ собраніяхъ, ни въ городскихъ думахъ и ни въ обществѣ (увы!) эти слова и рѣчи услышаны не были.

Въ этомъ дѣлѣ, т. е. въ распространеніи кабаковъ и уничтоженіи мелкихъ винокуренъ, равно и въ отказѣ русской компаніи строить желѣзныя дороги на свои средства, знаменитые „они“ проявили всесильное могущество и вмѣстѣ съ тѣмъ полную безчеловѣчность, поразивъ Россію въ самое сердце тремя тяжкими и неисцѣлимыми язвами, именно: Государственное Казначейство—заграничными дол-

гами, быть крестьянъ — соблазномъ къ пьянству, мирную жизнь помѣщиковъ — изгнаніемъ ихъ изъ отцовскихъ жилищъ. На всей этой почвѣ смѣшанныхъ золъ засѣлъ и укоренился нигилизмъ, породившій адское динамитовареніе. Затѣмъ образовались тѣ преступныя намѣренія и дѣйствія, которыя наполняли ужасомъ Русскія сердца въ страшные дни 4-го и 2-го Апрѣля и 1-го Марта, и которыхъ тлѣніе и вспышки существуютъ и донныѣ.

III. На множество неутѣшительныхъ и самыхъ безотрадныхъ мыслей наводитъ бывшее въ 1868 г. ходатайство 92-хъ Русскихъ людей объ отдачѣ имъ Николаевской желѣзной дороги. Это ходатайство было возбуждено увѣренностію, что правительство пришло къ сознанію своей ошибки въ учрежденіи Главнаго Французскаго Общества желѣзныхъ дорогъ, ухитрившагося обобратить Русскую казну на нѣсколько десятковъ милліоновъ, и что если это общество имѣло дерзновеніе просить объ отдачѣ ему Николаевской дороги, то, вѣроятно, въ томъ убѣжденіи, что въ Россіи не найдется такой внутренней силы, которая могла бы быть ему соперникомъ. Сила эта нашлась въ упомянутыхъ 92-хъ лицахъ, которые выбрали изъ себя депутатовъ для ходатайства передъ правительствомъ; депутаты эти были: Чижовъ, Кошелевъ, двое Мамонтовыхъ, Рукавишниковъ, Горбовъ, Полетика, я и еще кто-то. Депутаты эти прожили въ Петербургѣ по этому дѣлу семь мѣсяцевъ. Для разсмотрѣнія нашихъ

предложеній, сравнительно съ предложеніями Главнаго Общества, было памятное и замѣчательное особое засѣданіе въ Аничковомъ дворцѣ, состоявшее изъ всѣхъ министровъ, подъ предѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, съ участіемъ въ засѣданіи Великаго Князя Константина Николаевича и съ приглашеніемъ отъ Главнаго Общества бывшаго тогда предѣдателемъ совѣта онаго графа Г. А. Строганова и отъ Русской компаніи двухъ лицъ, Полетики и меня. Ни графъ Строгановъ, ни мы не были членами засѣданія, насъ призывали только для отвѣтовъ на предлагавшіеся намъ вопросы. К. В. Чевкинъ, сильно желавшій успѣха Русской компаніи, наканунѣ сказалъ мнѣ, что насъ спросятъ въ засѣданіи о какомъ-то добавочномъ милліонѣ (подробнаго значенія этого милліона не упомяну) по платежу въ казну за право владѣнія дорогой, то чтобы мы отвѣчали на это полнымъ согласіемъ, что, разумѣется, и было нами исполнено. Послѣ этого засѣданія дѣло перешло вскорѣ въ Комитетъ Министровъ, гдѣ значительное большинство членовъ было за отдачу Николаевской дороги Русской компаніи. Затѣмъ, для окончательнаго рѣшенія дѣла, былъ назначенъ въ Царскомъ Селѣ особый совѣтъ въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора. Совѣтъ состоялъ изъ министровъ, предѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта и другихъ высокопоставленныхъ сановниковъ, а всего

изъ 22-хъ лицъ, изъ которыхъ 17 были за Русскую компанію, включительно съ Августѣйшимъ покровителемъ Русской предприимчивости Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ; но дѣло рѣшилось согласно съ мнѣніемъ меньшинства, на основаніи какихъ-то финансовыхъ интересовъ, долженствующихъ выразиться въ возвышеніи цѣны на акціи Главнаго Общества. Понятно, что ожиданія эти оправдались, когда въ составъ дѣятельности этого общества вошла такая сильная и доходная дорога, какъ Николаевская. Акціи сильно поднялись въ цѣнѣ, а народный говоръ удостовѣрялъ въ томъ, что значительная часть акцій Главнаго Общества принадлежала нѣкоторымъ членамъ меньшинства, подававшимъ голоса за отдачу этому Обществу Николаевской дороги. Этотъ говоръ можетъ быть доказанъ или опровергнутъ документальною справкою въ дѣлахъ Главнаго Общества; но мы обратимся теперь къ разбору того мнѣнія, почему возвышеніе цѣнъ на акціи Главнаго Общества могло быть признано полезнымъ для всей Россіи въ видахъ улучшенія ея финансоваго положенія. Развѣ возможно улучшать финансы подавленіемъ внутренняго стремленія Русскихъ людей къ дѣятельности? Такую систему можно сравнить вотъ съ чѣмъ: положимъ въ какой либо волости отлично удобрили поля и получили значительный урожай, но удобреніе произвели, зарѣзавъ въ этой волости всякое дыханіе, запахавъ въ землю трупы и поливъ поля кровью. Такъ вышло и здѣсь. Поднялись акціи

Главнаго Общества на Европейскихъ биржахъ, къ очевидной выгодѣ держателей этихъ акцій, по большей части иностранцевъ, и поднялись оттого, что задушили стремленіе 92-хъ лицъ, за которыми стояло ожидающихъ правдивой развязки дѣла—за каждымъ болѣе ста лицъ. Это рѣшеніе произвело великое разрушеніе Русской экономической силы. Ходатайствуя объ отдачѣ Русской компаніи Николаевской дороги, всё мы чувствовали, чѣмъ каждый изъ насъ могъ выразить пользу относительно вѣрнаго назначенія перевозочныхъ тарифовъ, устройства на станціяхъ здоровыхъ помѣщеній для служащихъ, слесарныхъ школъ, товарныхъ складовъ и т. д.; но оказалось, что никогда никто изъ насъ не можетъ ничѣмъ быть полезенъ своей странѣ*).

Послѣ всего этого понеслась по обширному пространству Русской земли молва, что кровныя дѣти Русской земли напоминаютъ собою пасынковъ, обреченныхъ мачихою не на самостоятельное хо-

*) Скоро исполнится 20 лѣтъ, какъ Главное Общество владѣетъ Николаевской дорогой, и чѣмъ же заканчивается это двадцатилѣтіе? Оно заканчивается, бывшимъ надняхъ, разсмотрѣніемъ въ Комитетѣ Министровъ дѣла о самовольномъ недовносіи Обществомъ изъ выручки Николаевской дороги 13-ти милліоновъ рублей, а по отчетамъ ревизовавшей дѣла и отчеты Общества Комиссіи 30-ти милліоновъ рублей. Очевидно, что такая сумма, какъ 30 милліоновъ, могла накопиться только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Не было ли бы удобіе, не допуская этого накопленія, оканчивать расчеты ежегодно, и тогда, вѣроятно, не понадобилось бы сочинять новые стѣснительные налоги на страхованія и на дрожжи, нужные для печенія хлѣба. Теперь, конечно, придется означенные милліоны присоединить къ прежнимъ десяткамъ милліоновъ, состоящимъ въ долгу за Главнымъ Обществомъ. В. К.

зайство, а на батрацкую работу у иноземныхъ хозяевъ.

Въ числѣ означенныхъ 92-хъ лицъ были извѣстные представители дворянства, земства и купечества; все это взятое вмѣстѣ изображало кружокъ людей живыхъ, мыслящихъ и знающихъ Русскій бытъ. Когда разнеслась вѣсть, что въ Комитетѣ Министровъ оказалось значительное большинство за Русскую компанію, поздравленіямъ не было конца, потому что успѣхъ этотъ веселилъ сердце каждаго Русскаго; но когда послѣ совѣта въ Царскомъ Селѣ послѣдовалъ отказъ, и дорога, сооруженная Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, попала въ руки такого общества, корни котораго находятся въ Парижѣ, тогда выраженію огорченій не было предѣла. Въ домахъ, въ клубахъ, въ трактирахъ, на гуляньяхъ нѣсколько дней шель гуль глубокихъ сожалѣній о презрѣніи къ Русской дѣятельности. Вотъ тутъ-то ясно обозначилась ложность тогдашняго либерализма и ясно высказалось то, что мы либеральничаемъ только передъ Европой и для Европы, и душимъ дома всякое начинаніе, желающее выразить Русскую самобытность. Изъ сановниковъ всѣхъ болѣе скорбѣли Чевкинъ и Мельниковъ, сильно желавшіе успѣха Русской компаніи. Намъ казалось, по нѣкоторымъ признакамъ, что Чевкинъ своимъ сочувствіемъ къ намъ желаетъ смыть свой грѣхъ за допущенное имъ устройство Главнаго Общества, а Мельниковъ также смываетъ другой грѣхъ, лежавшій на его совѣсти: за произ-

водство американца Уайненса, завѣдывавшаго техникою Николаевской дороги, въ 10-ти миллионные капиталисты, тогда какъ множество Русскихъ людей (Путиловъ, Струве, Полетика и т. д.) могли его замѣнить, не увозя нажитыхъ денегъ за границу. П. П. Мельниковъ до того придавалъ важное значеніе отказу въ отдачу Николаевской дороги Русской компаніи, что открыто многимъ сановникамъ и посѣщавшей его публикѣ выражалъ свое огорченіе, при совокупляя, что отриновеніе Русской компаніи отъ дѣла умаляетъ значеніе знаменательнаго дня 19-го Февраля 1861 года, такъ какъ по его мнѣнію послѣ этого дня надобно было всякую дѣятельность — большую и малую — сосредоточивать только въ Русскихъ рукахъ, съ обязанностію давать служебныя занятія обнищавшимъ помѣщикамъ, дабы не распложать недовольныхъ. Вѣроятно громкія сѣтованія Мельникова были отчасти поводомъ къ увольненію его отъ должности министра путей сообщенія.

Но что же выиграли финансы въ общемъ итогѣ отъ подъема акцій Главнаго Общества, и къ чему все это привело? Нашъ рубль упалъ впоследствии на половину, а заграничные наши друзья-банкиры, еще болѣе завладѣвши нами посредствомъ уступки Николаевской дороги Главному Обществу, успѣли окончательно одурманить насъ мнимою дружбою и вовлекли въ неоплатные долги. Кто же насъ спасетъ, когда наступятъ горькіе дни несостоятельнаго всероссійскаго конкурса. Конечно, спасите-

лями явятся не заграничные друзья, а тѣ же горемычныя лица, которыхъ мы зачислили въ батраки, выказавъ полное неумѣнье поднять экономическую силу Россіи посредствомъ подъема русскихъ дѣятелей, хотя Германія представляла намъ примѣръ этого подъема въ лицѣ Борзига и Крупа.

Итакъ, говоря безъ преувеличенія, что если такія предложенія (постройка желѣзныхъ дорогъ на свои средства, уничтоженіе пьянства, спасеніе помѣщиковъ отъ раззоренія и передача Николаевской дороги Русской компаніи), которыя составляли твердые устои государственной жизни, не удостоились никакого вниманія: такъ что же за пустая мечта думать, что какіе-то „Экономическіе Провалы“ будутъ имѣть лучшую участь? Такъ думать, значитъ вовсе не понимать того, что у людей власти рѣшительно нѣтъ времени для уясненія себѣ глубокой сущности въ предложеніяхъ, дѣлаемыхъ Русскими людьми. Одно выслушиваніе докладовъ о текущихъ дѣлахъ съ соображеніями, почерпнутыми изъ архивныхъ шкафовъ, и затѣмъ подпись массы распорядительныхъ бумагъ, порождаемыхъ этими докладами, поглощаетъ все время, хотя ⁹/₁₀ этихъ бумагъ, еслибъ они никогда не выходили изъ Петербурга, только уменьшили бы сумму жизненныхъ затрудненій.

Все это приводитъ къ такому заключенію, что дѣйствіе машины, разстроенной введеніемъ въ жизнь чужеземныхъ основаній, сообщило ей такую постановку, что, если въ нѣкоторыя мѣста вложить (вы-

ражаясь технически) цѣльныя шестерни и пальцы, то стучанье и неровность еще болѣе увеличатся, потому что свѣжія и правильныя части будутъ противиться дѣйствию распатанности.

Но положимъ, что машина скрипитъ и хлопаеть, но зато въ обществѣ живы вѣрные и устойчивыя взгляды. Едвали! Мы видѣли, какъ чествовали въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, поставщика хлопка въ сырцѣ и устроителя бумагопрядильныхъ фабрикъ. Это чествованіе было бы понятно въ Лодзи или Дерптѣ, но и тамъ на это не рѣшились; а въ Бѣлокаменной, возлѣ стѣнъ старѣйшаго университета, вредоносную дѣятельность торговца хлопкомъ возводили въ заслугу Россіи. Къ чему же послѣ этого существуютъ каѳедры Политической Экономіи и Статистики? Было бы сто разъ полезнѣе замѣнить ихъ каѳедрою изученія Русской избы и разъяснить простой вопросъ, что если деревня богата своими домовными произведеніями, тогда и волость богата; а когда всѣ волости богаты, тогда—и *только тогда*—богата и вся Россія. Всѣ политико-экономическія многоглаголанія съ каѳедръ, уклоняющіяся отъ вышеизложенныхъ простыхъ началъ, наполняютъ головы слушателей такими финансовыми и экономическими знаніями, изъ которыхъ, какъ мы видѣли во всемъ настоящемъ повѣствованіи, происходятъ дѣятели, вовсе незнакомые съ потребностями Русской жизни, и при занятіи ими высшихъ должностей могущіе повторить ошибки своихъ предшественниковъ. Кажется, пора убѣдиться въ

томъ, что въ Россіи нѣтъ политико-экономической науки, вырощенной на Русской почвѣ, и оттого всѣ наши финансовыя дѣятели, которые явились въ 60-хъ годахъ пионерами преобразованій, хотя трудились добросовѣстно, съ увѣренностію, что они преобразовываютъ Русскую жизнь къ лучшему, но послѣдствія показали, что труды ихъ незамѣтно для нихъ самихъ клонились къ ниспроверженію общественнаго благосостоянія и порядка.

А вотъ главнѣйшій вопросъ: гдѣ же этотъ сильный и притомъ преисполненный животворныхъ мыслей человекъ, который протянетъ на самоткацкій бумагопрядильный станокъ льняную нитку, оживитъ Сибирскій пустынный трактъ Кяхтинской развѣнной торговлей, развѣнчаетъ Россію съ Главнымъ Обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, испаритъ и обезсилитъ фирму *они*, прекратитъ пьянство въ деревняхъ, водворитъ помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ, придавъ имъ доходность посредствомъ мелкихъ винокуренъ, напоитъ крестьянскихъ дѣтей молокомъ и доставитъ крестьянской семьѣ хотя въ праздничные дни кусокъ мяса, образовавъ при распространеніи барды сельское скотоводство, выведетъ землевладѣльцевъ изъ зависимости отъ мышеловокъ (земельныхъ банковъ), позволитъ народу кредитовать правительство своимъ трудомъ во всѣхъ его видахъ при исполненіи полезныхъ государственныхъ работъ, освободитъ навсегда Россію отъ накопленія дальнѣйшихъ долговъ за границей, сбережетъ Сибирское золото измѣненіемъ тарифа въ

пользу Россіи, устранить мотовство денегъ за границей, призоветъ къ жизни солевареніе въ Пермской и Вологодской губерніяхъ и уничтожить эпидемію чинобѣсія между купцами,—гдѣ этотъ чело-вѣкъ?

Человѣка этого нѣтъ и не будетъ, да и сохрани Богъ Русскую жизнь отъ появленія его съ исключительнымъ вліяніемъ у подножія Престола. Такой чело-вѣкъ всегда перейдетъ предѣлы должнаго и потребнаго и вовлечетъ общую жизнь въ область невѣдомаго пространства. Благо Россіи состоитъ единственно въ спасительной — Богомъ дарованной ей Царской власти, могущей своимъ велѣніемъ въ постепенномъ стройномъ порядкѣ созидать благоустройство Русской земли, водворяя все то, что потребно для государственной силы и народнаго благоденствія, и устраняя все то, что противорѣ-чить потребностямъ самой жизни.

Четвертое наслоеніе мыслей.

Итакъ, останавливаясь на послѣднемъ заключительномъ выраженіи третьяго наслоенія мыслей, чувствую себя исполненнымъ радостныхъ надеждъ и совершенной увѣренности, что возможность улучшения нашего положенія не составляетъ напрасной мечты.

Государь—Надѣжа показаль уже Россіи въ учрежденіи Дворянскаго и Крестьянскаго Банковъ, обра-

зовавшихся вслѣдствіе непремѣнной воли Его Императорскаго Величества, значительный шагъ къ освобожденію Русскаго землевладѣнія отъ мышеловокъ (земельныхъ банковъ) и въ отмѣнѣ Закавказскаго Транзита благоизволилъ удостовѣрить Русскую промышленность въ огражденіи ея отъ подрыва со стороны иностранцевъ. Затѣмъ, сколько еще въ короткое время настоящаго Благословеннаго Царствованія совершилось доказательствъ созидательной силы, исходящей прямо отъ Воли Монарха: сооруженіе стратегической сѣти желѣзныхъ дорогъ къ Западной границѣ, приспособленіе портовъ къ расширенію торговли съ учрежденіемъ посредствомъ Добровольнаго флота постоянныхъ рейсовъ изъ Чернаго моря въ отдаленные Русскіе порты Восточнаго океана и быстрое сооруженіе желѣзныхъ дорогъ отъ Каспія въ Среднюю Азію, открывающее новые пути для Русской торговли и сообщающее оживленіе среднеазиатскихъ владѣній въ смыслѣ развитія промышленности и упроченія въ этихъ владѣніяхъ незыблемой связи съ Россіей. Но успѣхи нашихъ дней не останавливаются на томъ, что мы сказали: Русское сердце радуется самою вождельною радостію при общихъ слухахъ объ улучшеніи въ войскахъ положенія офицеровъ въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія и воздастъ похвалу мудрому правилу о несомѣщеніи государственной службы съ частными занятіями. Кромѣ всего этого промышленная жизнь Россіи чувствуетъ себя вступившею на путь огражденія ея внутрен-

нихъ интересовъ отъ подрыва иностранными товарами, и это общее радостное самочувствіе порождено цѣлымъ рядомъ тарифныхъ измѣненій, направленныхъ къ развитію внутренняго благосостоянія. И все это, что мы перечислили, исходитъ прямо изъ сердечной заботливости нашего возлюбленнаго Государя о благѣ и славѣ Россіи.

Да будетъ же Онъ — Наше Сокровище — Виновникомъ дальнѣйшаго и всесторонняго благоустройства Русской жизни. Кромѣ этой несомнѣнной надежды, самое сильное содѣйствіе къ достиженію благоденствія доставитъ намъ особая сила, это сила нашей нужды и крайности. Въ предисловіи къ „Экономическимъ Проваламъ“ было сказано, что надъ Россіей совершится исполненіе священнаго изреченія: *въ скорби моей распространилъ мя еси*. Силу и значеніе этихъ словъ, замѣняющихъ собою всякихъ вліятельныхъ проводниковъ, можетъ познать и оцѣнить только тотъ, кто носитъ въ себѣ горячую любовь къ отечеству.

Странное свойство Россіи! То, что въ другихъ государствахъ окончательно ослабляетъ народную мощь, у насъ наоборотъ изъ немощи можетъ возродиться укрѣпленіе экономической силы и поводомъ къ тому будетъ (всенепремѣнно будетъ) наша обязанность ежегодно платить 270 милліоновъ процентовъ по долгамъ и нашъ многомилліонный дефицитъ по государственной росписи. Приэтомъ нельзя не сказать, что „они“ ужасно какъ дорого взяли съ Россіи за урокъ нашего сознанія и ощу-

щенія нашихъ общихъ трудностей. Итакъ, судите сами, сколь велика наша сила, когда видимое безсиліе имѣетъ способность толкать насъ къ новой силѣ. За доказательствами дѣло не остановится. Вотъ онѣ: усиленный тарифъ на хлопокъ, съ примѣненіемъ всего вообще тарифа къ полной охранѣ Русскихъ интересовъ, прекращеніе пьянства, распространеніе мелкаго винокурения, спасеніе Сибирскаго золота отъ исчезновенія его за границу и сокращеніе прожитка денегъ за границей безъ всякаго стѣсненія для больныхъ и учащихся, съ избыткомъ покроетъ все потребности государственной росписи. Это явленіе воздѣйствуетъ самымъ благопріятнымъ образомъ на улучшеніе курса и покажетъ всемъ нашимъ недругамъ, что надежда на поворотъ къ лучшему представляется вѣроятною и достижимою. Какое сильное горе поразитъ тогда всѣхъ недруговъ при видѣ того, что они насъ несовсѣмъ еще доколотили и что мы, вздохнувъ и оправившись, получили возможность встать на свои ноги.

Пятое наслоеніе мыслей.

Послѣ восторженныхъ надеждъ, мысли мои опять сдѣлались робкими и подчинились духу сомнѣній, иначе говоря, подчинились общему настроенію, въ которомъ все мы находимся, т. е. маловѣрію въ возможность полнаго и быстраго во всѣхъ частяхъ возрожденія. Затѣмъ все надежды показались увя-

дающими и внутреннее настроеніе преисполнилось безотраднaго уныніа. Да будетъ же это настроеніе невѣрнымъ и ложнымъ.

Но гдѣ же корень грустнаго направленія? Не есть ли это явленіе безсознательное? Нѣтъ, къ несчастію оно исходитъ изъ глубокаго сознанія не исправимости трехъ тяжкихъ проваловъ: 1) опозданіе въ 40-хъ годахъ сооружеиіемъ желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю; 2) накопленіе заграничныхъ долговъ и 3) пренебреженіе къ мысли фельдмаршала князя Барятинскаго. Остается одно утѣшеніе—принять эти провалы, какъ наказаніе свыше за великій грѣхъ духоугашенія свѣтлыхъ патріотическихъ мыслей, и затѣмъ никогда подобныхъ грѣховъ не дѣлать, чтобы еще болѣе не пострадать.

Приближаясь къ окончанію, скажу нѣсколько словъ о томъ, что хронологія и цифры въ „Экономическихъ Провалахъ“ намѣчены приблизительно. Въ самомъ предисловіи къ проваламъ сказано, что они извлечены изъ запаса памяти безъ всякихъ матеріаловъ; но, впрочемъ, тутъ дѣло не въ хронологіи и не въ точности спеціальныхъ цифръ, а главное въ сущности, т. е. были ли провалы и существуетъ ли послѣдовавшее отъ нихъ экономическое и финансовое разстройство?

Что касается изложенія пережитыхъ мною (начиная съ 37 года) взглядовъ и разговоровъ и во-

обще изображенія народныхъ мыслей, при всѣхъ вышеизложенныхъ провалахъ, то все это списано съ природы съ фотографическою точностію. Еслибы мнѣ понадобилось защищать себя передъ судомъ общественнаго мнѣнія въ главной сущности проваловъ, то я могу выставить сильную защиту, состоящую въ томъ, что мы дѣйствительно провалились на большую глубину: монеты нѣтъ, долговъ бездна, дефицитъ непоправимый, а въ экономическомъ положеніи что видимъ? Народъ пьянствуетъ, сѣверныя земли безъ удобренія и помѣщики безъ пристанища. Прибавимъ къ тому: большинство молодежи во всѣхъ сословіяхъ не видитъ ничего впереди, и день отъ дня все болѣе и болѣе нравственно падаетъ отъ нужды и лишеній; а старость, видя могилу, съ сердечною болью сознаетъ, что оставляетъ своихъ преемниковъ ни въ чемъ необезпеченными. Но есть старость еще болѣе скорбная,—это жизнь тѣхъ стариковъ, сыновья или внуки которыхъ, составлявшіе цѣль и утѣшеніе ихъ въ жизни, лежатъ въ землѣ, покончивъ свое существованіе, въ припадкѣ отчаянія, самоубійствомъ. И такихъ изнывающихъ отъ печали старцевъ надо считать уже не сотнями, а тысячами.

О, ужасъ, ужасъ, ужасъ!

Окончу тѣмъ, что если нашей внутренней экономической политикѣ суждено принять, во всѣхъ ея частяхъ, Русское направленіе, согласенное съ потребностями народной жизни, тогда изъ многихъ поразившихъ насъ проваловъ мы выберемъ *

на свѣтъ Божій и освѣжимъ себя чистымъ и здоровымъ воздухомъ; но, конечно, главные провалы останутся неисправимыми, и намъ надобно уже примириться съ тою горькою дѣйствительностію, которая будетъ проходить черезъ всю будущую исторію Россіи. Повторимъ для глубокаго укрѣпленія въ своей памяти, дабы не только на яву, но и во снѣ не забывались три ужасныхъ непоправимыхъ провала:

Опозданіе въ сооруженіи желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю;

Жестокіе по своимъ условіямъ заграничные займы,

И пренебреженіе къ спасительнымъ мыслямъ князя Барятинскаго.

Все наши провалы, начавшіеся съ 1837 года, не были послѣдствіемъ золь, нанесенныхъ небомъ, въ родѣ эпидемій, землетрясеній и неурожаевъ, или грознаго нашествія какихъ либо враговъ, подобно бывшему въ 1812 году. Все бѣды надвинулись на насъ, какъ наказаніе за великій смертный грѣхъ — *духоугашенія*, и чѣмъ болѣе гаснулъ духъ народныхъ мыслей, тѣмъ болѣе входилъ въ законопроекты и вообще въ насилуваніе жизни духъ умопомраченія. Историкъ Россіи будетъ удивленъ тѣмъ, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, такъ сказать, ничтожное дѣло, отправляясь, въ теченіи XIX столѣтія по два раза въ каждое царствованіе, воевать съ какими-то Турками, какъ будто эти Турки

могли когда-нибудь придти къ намъ, въ видѣ Наполеоновскаго нашествія. Покойное и правильное развитіе Русской силы въ смыслѣ экономическомъ и финансовомъ, безъ всякихъ походовъ подъ турку (говоря солдатскимъ языкомъ), порождавшихъ на театрѣ войны челоуѣкоубійство, а дома — обѣднѣніе въ денежныхъ средствахъ, произвело-бы гораздо большее давленіе на Порту, чѣмъ напряженныя военныя дѣйствія*).

Пора сознаться въ томъ, что мы забыли то, чего нельзя ни на минуту забывать, забыли, что животворныя мысли, выражающія наитіе Божіей благодати, ниспосылаются тѣмъ людямъ, которыхъ наша горделивая и безсодержательная суетность считаетъ невѣждами, не вѣдая того, что выраженіе на землѣ Высшихъ Небесныхъ Тайнъ было ввѣрено грубымъ простолюдинамъ, оставившимъ намъ завѣтъ *не угашать духа, въ немъ бо сила!*

И этотъ великій завѣтъ, изреченный носителями на землѣ всетворящаго Духа Божія, долженъ бы былъ составлять неуклонную стезю жизни; а мы съ нашимъ оледенѣлымъ сердцемъ и извращеннымъ воззрѣніемъ, уклонившись отъ истиннаго свѣтозарнаго пути, стали искать спасенія въ окоченѣлыхъ канцелярскихъ справкахъ и форменныхъ пустословныхъ ко-

*) Читатели «Архива князя Воронцова» припомнятъ, что эту же самую мысль относительно безвредности Турокъ и необходимости беречь нашу силу для враговъ съ Запада неоднократно выражалъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ еще въ прошломъ столѣтіи. («Рус. Арх.» 87 года).

миссияхъ, думая найти въ нихъ свѣтъ разума (о бессмысленное заблужденіе!), и, убѣдившись сто тысячъ разъ, что на этомъ пути ничего нѣтъ, кромѣ темнообразной путаницы, все таки продолжаемъ коснѣть въ глубокой тьмѣ вреднаго лжесловесія и разрушительнаго злообразія.

Слышу возраженія, смѣшанныя съ вопросомъ: все это одни слова и никто не знаетъ, гдѣ находятся люди свѣта и какая есть возможность ихъ найти? Отвѣчаю: эти свѣточы живутъ вмѣстѣ съ нами и находятся на всѣхъ дорогахъ жизни, озаренные лучами правды и долготерпѣнія.

Крестьянская семья, питающаяся милостыней и обливающаяся слезами о разстройствѣ жизни, по случаю увеличенія кабаковъ, представляетъ собою живую государственную лекцію (гораздо болѣе поучительную, чѣмъ всѣ наши экономическія лекціи), къ которой надобно бы было приложить внимательное ухо власти болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ*).

Помѣщичья семья, вытѣсненная изъ своего гнѣзда

*) Мнѣ неразъ случалось посѣщать лекціи политической экономіи въ Москвѣ и Казани, и эти посѣщенія вполне убѣдили въ томъ, что слушатели ничему научиться не могутъ, а сбить себя съ толку (если будутъ вѣрить въ лекціи, не относясь къ нимъ критически), могутъ до такой степени, что потомъ между ними и народною жизнью образуется неисправимое непониманье другъ друга. А сколько такихъ сбитыхъ съ толку людей попало впоследствии на вліятельныя финансовыя мѣста? И начали эти люди направлять экономическую жизнь Россіи по указаніямъ Мишелей Шевалье, Адамовъ Смитовъ и т. п., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи и т. д., а затѣмъ надѣли на себя суму и пошли смиренно по міру питаться подаваніемъ. В. К.

безкредитнымъ удушьемъ и разрушеніемъ мелкихъ винокуренъ и скитающаяся по бѣлу свѣту уже четверть столѣтія, составляетъ вторую государственную лекцію.

Кружокъ людей, умолявшій властныхъ лицъ не учреждать Главнаго Французскаго Общества желѣзныхъ дорогъ, а образовать вмѣсто этого Русскую дѣятельность, составляетъ своего рода поучительную, также государственную, лекцію.

Другой кружокъ, составившійся изъ 92-хъ патриотическихъ лицъ и ходатайствовавшій объ отдачѣ Николаевской дороги, выражалъ собою живой родникъ чистыхъ струй народной дѣятельности; но этотъ родникъ засыпали разнымъ соромъ теоретическихъ чужеземныхъ воззрѣній и т. д. и т. д.

По всему видно, что смиренные свѣточы, т. е. помѣщичьи и крестьянскія семейства, разоренныя преобразованіями, не могутъ въ теченіе 25 лѣтъ возбудить къ себѣ такого вниманія, которое бы поворотило ихъ быть на новый лучший путь. Безъ сомнѣнія, это нерадѣніе происходитъ отъ общаго свойства Русской природы, одинаково подчиняющейся какъ въ простонародьи, такъ и въ интеллигенціи, извѣстной поговоркѣ: Русскій не перекрестится, пока громъ не грянетъ. Впрочемъ, теченіе Русской жизни представляетъ не одну только сдержанную скорбь, но и грозу съ страшнымъ громомъ, безпрестанно вокругъ насъ раздающимся. Замерзающіе зимой на дорогахъ крестьяне, пропившіе свою одежду и обувь, или преждевременно

умирающіе въ деревняхъ отъ жестокаго пьянства, развѣ не представляютъ собою грозу и бурю? Затѣмъ, случаи убійства изъ-за нѣсколькихъ гривенъ, совершаемые отъ помутившагося отъ пьянства разсудка, также выражаютъ смертоносный громъ бѣдствій. Наконецъ, наша молодежь, наши будущіе замѣстители въ жизни (офицеры, студенты и гимназисты), оканчивающіе жизнь самоубійствомъ, неужели не въ силахъ возбудить такую дѣятельность въ нашихъ мысляхъ, которая додумалась бы до причины, порождающей отчаяніе? Если каждодневныя оглашенія въ печати скорбныхъ извѣстій о самоубійствахъ насъ не трогаютъ, то какія же словесныя убѣжденія могутъ возродить въ насъ чувство жалости. Какая рѣчь можетъ быть убѣдительною и трогательною бездушнаго пораженнаго смертію человѣка, и тѣмъ паче человѣка, самовольно лишающаго себя жизни отъ тоски и невозможности направить себя на путь полезнаго труда. Давно изречено святымъ Златоустомъ, что если смерть нашихъ братьевъ не можетъ насъ уцѣломудрить, то затѣмъ уже никто и ничто насъ не уцѣломудритъ. Остается одно: плакать горькими слезами при видѣ того, какъ мертвые духомъ погребаютъ мертвыхъ тѣломъ.

Но отъ всѣхъ разрушительныхъ проваловъ, породившихъ бѣдность и самоубійства, можно бы было избавиться, если бы мы оканчивали каждый день строгимъ требованіемъ отъ своей совѣсти удостовѣренія въ томъ, что въ теченіе дня не было от-

вергнуто ни одной просьбы, какъ бы она малозначительна не была, и ни одно предложеніе о разныхъ потребностяхъ не только большихъ городовъ, но и бѣдной деревни, не оставлено безъ скорого удовлетворенія.

Не трудно отгадать, что во мнѣніи читателя возникнетъ удивленіе, смѣшанное даже съ досадою и порицаніемъ, за то, что воспоминанія за 50 лѣтъ представляютъ одни только провалы, какъ будто русская жизнь въ теченіе полъ-вѣка не имѣла свѣтлыхъ событій. Такое неудовольствіе было бы вполне справедливымъ, если бы я за 50 лѣтъ описывалъ общее теченіе русской жизни и это описаніе наполнилъ бы одними экономическими провалами, но такъ какъ задача сочиненія состояла въ обзорѣніи экономическихъ преобразованій, то это уже не моя вина, что пережитыя мною преобразованія и нововведенія представляютъ непрерывный рядъ проваловъ, дѣйствительность которыхъ осязательно удостовѣряется настоящимъ финансовымъ и экономическимъ положеніемъ Россіи. Справедливо будетъ такое заключеніе, что не всѣ провалы мною исчерпаны; многіе изъ нихъ мнѣ вовсе неизвѣстны и нѣкоторые, безъ сомнѣнія, не сохранились въ моей памяти. Но чтобы не оставлять въ читателяхъ сѣтованія на то, что при созерцаніи всего прошедшаго я былъ неспособенъ видѣть отрадныхъ явленій, считаю моею обязанностію, хотя въ краткомъ изложеніи, поименовать тѣ событія, которыя веселили духъ Русскихъ людей. Здѣсь я буду дер-

жаться того же правила, какъ и въ провалахъ, то есть излагать тѣ сужденія, которыя высказывались въ обществѣ и въ народѣ и ясно доказывали, что въ то время, когда мы падали въ экономическомъ положеніи, русская жизнь въ другихъ ея проявленіяхъ выражала очевидный ростъ. Остановимся на нашей главной гордости, военныхъ силахъ Россіи, безпрестанно обновляющихся дальнѣйшимъ благоустройствомъ и чрезъ это достигающихъ самаго блестящаго и вліятельнаго положенія въ Европѣ. У всѣхъ Русскихъ людей на глазахъ значительное улучшеніе положенія солдата въ отношеніи пищи, одежды и всей обстановки солдатской жизни въ казармахъ и лагеряхъ. Это улучшеніе выразилось на самомъ наружномъ видѣ солдатъ, въ особой ихъ бодрости и веселости лицъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Введенная— вмѣсто рекрутскихъ наборовъ—всесословная воинская повинность сразу прекратила семейныя слезы и отчаянные вопли, какіе слышались прежде.

Затѣмъ, другія части государственнаго строя, положимъ, художественная (живопись, скульптура и архитектура) давно уже заняли самое почетное мѣсто среди образованнаго Европейскаго міра, заявивъ всесвѣтно множество талантовъ и массу замѣчательныхъ произведеній.

Русская медицина также, занявъ самое почетное мѣсто въ Европѣ, постоянно вноситъ въ общую сокровищницу міровыхъ знаній свои даровитыя открытія и наблюденія для пользы человѣчества.

Инженерное искусство, сооружая мосты чрезъ такія рѣки, какъ Днѣпръ и Волга, и пролагая дороги по Уральскимъ и Кавказскимъ хребтамъ, имѣетъ полное право на то заслуженное удивленіе Европы, которое не разъ высказывалось русскимъ инженерамъ.

Примѣрно стройное и всѣхъ удовлетворяющее теченіе почтово-телеграфнаго дѣла не оставляетъ желать ничего лучшаго. Но что выражаетъ верхъ успѣха и вѣрное движеніе впередъ, съ постояннымъ вкладомъ полезныхъ свѣдѣній въ общую сокровищницу жизни—это наша Русская печать, заявившая свой очевидный ростъ въ размѣрѣ, объемлющемъ отечественныя потребности.

Всѣ подобныя совершенства и правильные шаги впередъ вовсе не существуютъ въ той части управленія, которая вѣдаетъ экономію и финансы. Въ этой части, наоборотъ, все идетъ къ упадку и этимъ упадкомъ тормозится общее движеніе жизни по пути преуспѣянія. Что же за причина возвышенія первыхъ вышепоименованныхъ частей управленія и упадка другой части, т. е. финансовой и экономической? Дѣло представляется въ такомъ видѣ: военное хозяйство находится въ непрерывномъ сношеніи съ живыми людьми; офицеры узнаютъ и подмѣчаютъ всѣ нужныя потребности для обыденной войсковой жизни прямо изъ самаго хода солдатской жизни, генералы узнаютъ это отъ офицеровъ и потомъ все это безо всякаго промедленія восходитъ къ рѣшенію главныхъ высшихъ властей; тогда какъ

экономическая жизнь не может отъ своего начальства добиться никакого удовлетворенія въ ея существенныхъ потребностяхъ и даже не знаетъ, кто ея начальство и гдѣ оно находится. Между тѣмъ на эту горемычную жизнь налагаются — безъ всякаго совѣта съ ней — законопроекты о налогахъ, измышляемые въ канцеляріяхъ на основаніяхъ европейскихъ теорій, а не живой жизненной потребности.

Міръ художественный вовсе не имѣетъ никакихъ канцелярій, живетъ и развивается самъ собою, единственно отъ прямого соприкосновенія къ живой натурѣ человѣка и природы.

Міръ медицинскій также чуждъ всякихъ канцелярій и имѣетъ дѣло прямо съ пульсомъ человѣка; но вѣдь и у экономической жизни есть свой пульсъ, только, къ несчастію, наука о политической экономіи не приготовила, подобно медицинѣ, экономическихъ Эйхвальдовъ, Боткиныхъ, Захарьиныхъ и т. п., для ощущенія экономического пульса, дабы по его ударамъ и отбоямъ можно было опредѣлять состояніе общаго экономического организма.

Міръ инженерный, при всѣхъ сооруженіяхъ, находится въ неразрывной связи съ народомъ. П. П. Мельниковъ не разъ доказывалъ въ своихъ разговорахъ, что только тотъ инженеръ можетъ идти впередъ, который умѣетъ пополнять свои ученія знанія народнымъ смысломъ. По его мнѣнію, въ массѣ простыхъ рабочихъ всегда есть нѣсколько такихъ, которые самага опытнаго инженера доводятъ своею смышленностію при практиче-

скомъ исполненіи работъ, сами не сознавая за собою столь важнаго достоинства.

Общій итогъ сводится къ тому, что въ военномъ, медицинскомъ, художественномъ и инженерномъ дѣлѣ движущая сила исходитъ изъ вдохновенія и развитія мыслей, не угнетаясь никакимъ давленіемъ канцелярскаго формализма, тогда какъ въ финансово-экономическомъ управленіи не было не только уважительнаго отношенія къ вдохновенію, но наоборотъ полныя и неистовыя стремленія къ тому, чтобы задушить всякое вдохновеніе. Нѣтъ спора о томъ, что финансовое управленіе не можетъ отрѣшиться себя отъ двуличности, будучи обязано преслѣдовать иногда расчетъ, а иногда возрѣніе вдаль, а потому оно можетъ часто находиться въ колебаніи между расчетомъ и возрѣніемъ, но въ изложеніи проваловъ мы видимъ только такія дѣйствія, которыя, нанося явный вредъ расчету и возрѣнію, вели къ прямой гибели. Говоря народнымъ выраженіемъ, поневолѣ приходится сказать, что просто нехватало смѣлки ни для расчета, ни для возрѣнія.

Возьмемъ для доказательства факты, именно: предложенія Русскихъ людей строить желѣзныя дороги на Русскія средства безъ заграничныхъ займовъ, мольбы не увеличивать кабаковъ, не доводить мелкія винокурни до разрушенія, не уничтожать кредитъ для землевладѣльцевъ и не отдавать Николаевской дороги анонимному акціонерному обществу. Развѣ все это вообще и въ отдѣльности взя-

тое не выражаетъ чистѣйшаго патріотическаго вдохновенія; но было ли это вдохновеніе понято и одѣнено? Нѣтъ, не только не было понято, а отвергнуто, какъ ненужное и бесполезное, отвергнуто потому, что на Русской землѣ не образовалась еще своя финансовая наука, соглашенная съ Русскою жизнью, и вмѣсто нея дѣйствуетъ идолопоклоненіе теоріямъ и взглядамъ иностранныхъ политико-экономистовъ и къ поклоненію этому съ энергіею Діоклитіановъ, въ смыслѣ изнурительнаго надрыва народныхъ силъ, привлекаются Русскіе люди. Между тѣмъ въ этихъ изнуряемыхъ силахъ лежитъ истинное понятіе о потребностяхъ жизни, и кто добудетъ это понятіе изъ сердечной глубины Русскаго мышленія, кто пойметъ чистоту народныхъ намѣреній и желаній, тотъ будетъ въ состояніи написать руководящую книгу о Русской экономической наукѣ. Но чтобы почувствовать въ себѣ силу приступить къ этому, надобно предварительно умѣть читать и понимать еще другую многосложную книгу называемую Русская жизнь, листы которой раскрываются только для тѣхъ, кто имѣетъ сердце, преисполненное любви къ простымъ сѣрымъ Русскимъ людямъ, для поклонниковъ же чужеземныхъ теорій книга жизни остается навсегда за твердою печатью недовѣрія.

Оканчивая повѣствованіе объ экономическомъ состояніи Россіи за 50 лѣтъ, я вижу въ этомъ сравнительное сходство съ могильнымъ курганомъ, въ которомъ погребена человѣческая жизнь со всѣми

ея несбывшимися надеждами и мучительными страданіями отъ насильственнаго угнетенія общечеловѣческаго роста чужеземными веригами, отравленными ядомъ зависти и злобы.

На этомъ курганѣ, неумолкаемо оглашаемомъ народнымъ рыданіемъ, прилично начертать:

Если равнодушные къ человѣческимъ бѣдствіямъ услышатъ грозный гласъ: „отъидите отъ Мене“ и пр., то что же услышатъ создающіе бѣды и напасти?

*

Не политико-экономическія витійства, не парламентскія хитросплетенныя рѣчи и не разнovidныя конституціи дадутъ намъ разумъ для благоустройства и возвеличенія Россіи, а живущее въ простыхъ чистыхъ сердцахъ Слово Божіе

ГО — единое ГО —

наставитъ насъ на путь Истины и Правды.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Отдѣльное изданіе „Экономическихъ Проваловъ“, помѣщенныхъ въ 6-ти книжкахъ „Русскаго Архива“, за 1887 годъ, вызвано желаніемъ употребить выроченную сумму на устройство новаго, еще не существующаго у насъ, учрежденія для учащагося юношества.

Подробности состоятъ въ слѣдующемъ: многимъ изъ насъ не разъ приходилось слышать отъ извѣстныхъ докторовъ при осмотрѣ ими захудалыхъ, изнуренныхъ и слабосильныхъ учащихся юношей, что имъ нуженъ свѣжій воздухъ и пребываніе въ каникулярное время въ деревнѣ, гдѣ они могутъ подкрѣпить свои силы, и тѣмъ самымъ предупредить появленіе и развитіе болѣзней, порождаемыхъ пребываніемъ круглый годъ въ душномъ, спертномъ воздухѣ столичныхъ подваловъ и чердаковъ. Каждый согласится съ тѣмъ, что хорошо пожить въ деревнѣ въ продолженіи каникулярнаго времени: и здорово, и поучительно; но гдѣ же на-

ходится такая деревня, въ которой можно имѣть чистую комнату, опрятную кровать и простой, но питательный обѣдъ и ужинъ. Такой деревни нѣтъ и потому только одни достаточные люди могутъ все это для себя устроить, съ затратою денегъ, а малоимущіе не найдутъ никакой возможности привести благодѣтельный докторскій совѣтъ въ исполненіе, оставаясь, по необходимости, все лѣто въ столичной духотѣ, и окажутся на слѣдующій учебный годъ не только еще болѣе разслабленными, но уже и съ зародышами серьезныхъ болѣзней. Отсюда происходитъ такой выводъ, что для учащейся, недостаточной и малосильной отъ природы молодежи должно быть устроено лѣтнее житъе въ деревенскомъ воздухѣ. Затѣмъ возникаетъ вопросъ о мѣстности, которая представляла бы наилучшія гигиеническія условія. Нижеизлагаемыя по этому вопросу соображенія относятся только къ сѣвернымъ губерніямъ, потому что пунктъ лѣтняго пребыванія учащихся долженъ быть ближе къ столицамъ.

Изъ собственныхъ наблюденій и народныхъ взглядовъ, я давно убѣдился по опыту, что тѣ мѣстности имѣютъ самый здоровый и освѣжающій воздухъ, которыя находятся на водораздѣльныхъ возвышенностяхъ. Мнѣ извѣстны три такихъ мѣстности, именно:

1) Городъ Солигаличъ Костромской губерніи. Вблизи этого города получаютъ свое начало двѣ рѣки: Кострома и Толшма. Первая направляется въ Волгу, неся свои воды въ Каспійское море, а

вторая въ Сухону и далѣе — посредствомъ Сѣверной Двины — въ Бѣлое море.

2) Юхновскій уѣздъ Смоленской губерніи, въ которомъ находятся рѣки Днѣпръ и Угра. Днѣпръ течетъ въ Черное море, а Угра — въ Оку, и изъ нея въ Волгу и Каспій.

3) Городъ Вышній Волочекъ, гдѣ изъ Петровскаго водохранилища, имѣющаго 60 верстъ въ окружности, исходятъ двѣ рѣки: Цна, впадающая (черезъ Тверцу) въ Волгу, и Мста, впадающая въ озеро Ильмень и передающая свои воды — посредствомъ рѣки Волхова — въ Ладожское озеро.

Во всѣхъ означенныхъ пунктахъ заболѣваемость и смертность, сравнительно съ другими мѣстностями, представляютъ, по своей незначительности, самыя отрадныя цифры. Всего удобнѣе будетъ остановиться на Вышневолоцкой мѣстности, какъ срединной между столицами, имѣющей для сообщенія съ ними Николаевскую желѣзную дорогу, причемъ мѣстность эта, находясь выше Петербурга на 560 футъ, имѣетъ скатистую поверхность земли и никогда не представляетъ застоя дождевой воды, слѣдовательно и не имѣетъ тѣхъ вредныхъ испареній, которыя на ровныхъ плоскостяхъ происходятъ отъ почворазложенія. Кромѣ того, окрестности Мстинскаго озера, находящагося въ 15 верстахъ отъ Вышняго-Волочка, имѣя песчаный грунтъ, покрыты сосновыми рощами и представляютъ множество мѣстъ для самыхъ пріятныхъ прогулокъ по берегамъ озера и по теченію рѣки Мсты, исходящей изъ этого озера.

Трехлѣтнее существованіе, при истокахъ изъ озера рѣки Мсты, Владиміро-Маріинскаго приюта для пребыванія академистовъ Императорской Академіи Художествъ вполнѣ оправдало попечительную заботливость о здоровьѣ академистовъ Августѣйшаго Президента Академіи, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Владиміра Александровича, по мысли котораго возникъ и устроился означенный лѣтній приютъ.

Изъ 30 академистовъ и 2 воспитанниковъ Московскаго училища живописи, зодчества и ваянія, въ теченіе трехъ лѣтъ, никто не былъ боленъ и всѣ эти лица, вступая въ концѣ мая въ приютъ съ увядшимъ цвѣтомъ лица, оставляли его къ 1-му сентябрю съ выраженіемъ оживленія и здоровья. Общая сложность вѣса ежегодно увеличивалась до 11^{1/2} фунтовъ, а въ отдѣльныхъ личностяхъ это увеличеніе доходило до 19 фунтовъ. Въ дѣйствительности этого удостовѣряютъ показанія наблюдающаго за приютомъ доктора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. И. Козловскаго, которымъ сверхъ того замѣчено, что въ числѣ академистовъ были двое съ грудными болѣзнями и получили полное выздоровленіе единственно отъ вліянія воздуха и мѣстности, способствующей при разнообразныхъ прогулкахъ оживленію силъ.

По всему, что сказано, Вышневолоцкая мѣстность представляется самою удобною для устройства лѣтняго бесплатнаго пребыванія въ каникулярное время той учащейся молодежи, которой медицинская опытность даетъ совѣтъ ѣхать въ де-

ревню, а матеріальное положеніе не позволяетъ исполнить этого благодѣтельнаго совѣта.

Въ основаніе потребнаго для устройства означеннаго лѣтняго житія капитала да послужитъ первымъ вкладомъ выручаемая чрезъ продажу „Экономическихъ Проваловъ“ сумма.

Въ заключеніе настоящаго послѣсловія нельзя не пожелать отъ души, чтобы каникулярное время измѣнилось въ своихъ числахъ, чтобы ученіе оканчивалось въ половинѣ мая и начиналось не ранѣе 1-го сентября. Тогда бы, для развитія и укрѣпленія силъ, имѣлось бы 3^{1/2} мѣсяца, вмѣсто нынѣшнихъ двухъ мѣсяцевъ, ученіе бы происходило при болѣе крѣпкихъ силахъ не менѣе успѣшно, чѣмъ нынѣ. А если бы вдобавокъ наше юношество освободилось отъ обязательнаго изученія мертвыхъ языковъ (латинскаго и древне-эллинскаго), весьма полезныхъ для людей науки и вовсе ненужныхъ для всѣхъ вообще учащихся, то молодые, еще недостаточно твердые мозги гораздо менѣе подвергались бы разслабленію, причиняющему не только физическое, но и умственное расстройство. Нельзя безъ жалости смотрѣть на то, какъ непомѣрное напряженіе силъ на изученіе того, что по выходѣ изъ школы почти каждымъ забывается, лишаетъ очень многихъ молодыхъ людей крѣпости силъ и повергаетъ въ нервныя болѣзни. Слова эти я говорю не изъ собственнаго мышленія, а изъ отзывовъ отцовъ и матерей, удрученныхъ скорбію при видѣ тяжкой насады ихъ дѣтей надъ изученіемъ неприменимыхъ къ жизни знаній.

Если въ нижеслѣдующихъ строкахъ читатели усмотрятъ нѣкоторую странность, то прошу ихъ отнести это къ моей старости, потому что старость всегда имѣетъ присущій ей недостатокъ хвалить все прошлое. Этотъ недостатокъ я выражу въ такихъ словахъ: *прежде учились меньше, легче, не сдвигая мозга съ мѣста и не разстраивая свои нервы, а знали больше*, потому что по выходѣ изъ учебныхъ заведеній считали необходимымъ довоспитывать и доучивать себя изъ книги-жизни. Нынѣ же множество нашей молодежи не только послѣ университетовъ, но и послѣ гимназій и реальныхъ училищъ считаетъ себя на столько зрѣлымъ, что не только не стремится къ усовершенствованію себя изученіемъ жизни, но даже признаетъ за собою право устраивать общественную жизнь по своимъ безумнымъ воззрѣніямъ. Интересно бы доискаться, кто набиваетъ молодыя головы такою гибельною самонадѣянностію, приносящею главнѣйшій вредъ имъ самимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, проведя каникулярное время въ деревнѣ, а не въ сообществѣ столичныхъ подонковъ, молодые люди окрѣпнутъ тѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наполнятъ себя здоровыми взглядами и понятіями о мудрой простотѣ смиренной и трудолюбивой сельской жизни и невольно почувствуютъ практическое понятіе о пользѣ честнаго труда, этой единственной силы, необходимой для устройства ихъ будущаго благосостоянія.

В. Кокоревъ.

МОСТРОМСКАЯ
Центр. Библ. Коллежстоту

МОСТРОМСКАЯ
Центр. Библ. Коллежстоту

ОПЕЧАТКИ.

СТРАНИЦА.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
91	17 сверху	вводитъ	ввозить
>	7 снизу	въ отсутствіи	по отсутствію
100	9 сверху	неустойчивостію	неустойчивостію
150	7 >	Пойдемъ	Подойдемъ
163	7 снизу	преобразование, трудился,	преобразованія, трудился,

МОСТРОМСКАЯ
Центр. Библ. Коллежстоту

4000 = 00

